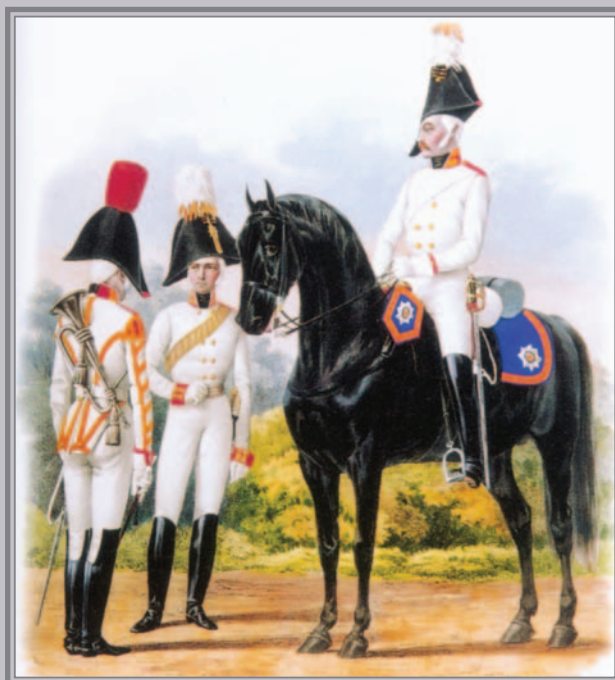

«...ПОСТОЯННО
ЗВУЧАЛА В БОЮ
И В ПОХОДЕ»

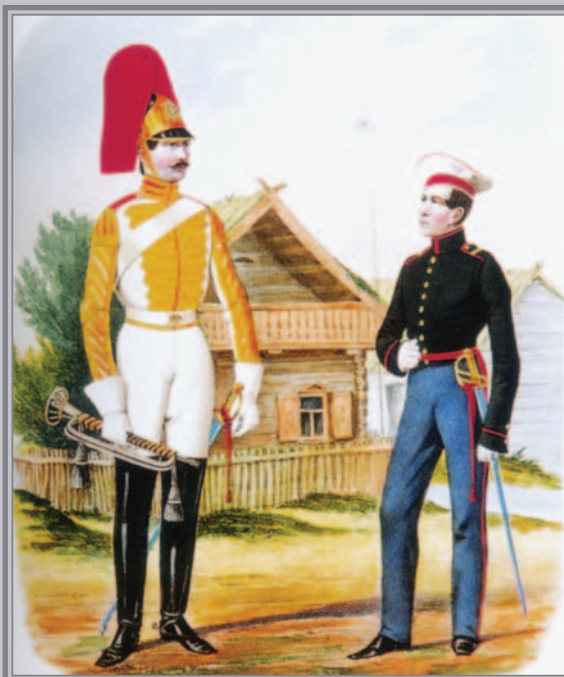

▲ Трубач лейб-гвардии
Конного полка
1786—1796 гг.

▲ Обер-офицер, трубач и рядовой
лейб-гвардии Конного полка
1801—1803 гг.

▲ Трубач и кантонист
лейб-гвардии Конного полка
1845—1848 гг.

Публикацию подготовил
капитан 1 ранга в отставке
Е.Н. КОРЧАГИН

Иллюстрации из кн.: Военная музыка в Санкт-Петербурге. 1703—2003. СПб.: Арт Деко, 2004. 251 с., ил.

ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ **3**
1-80 2006

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи по каталогу «Газеты. Журналы. Книги. Учебные пособия» агентства «Роспечать».

Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков — 70137. Вы можете подписаться на «Военно-исторический журнал» также в киосках по каталогу «Газеты. Журналы. Книги» на всей территории России. Стоимость одного экземпляра журнала по каталогу в первом полугодии 2006 года — 26 рублей. В розницу цена свободная.

Адрес для переписки:
119160, Москва,
Хорошевское шоссе,
д. 38а, редакция «Военно-исторического журнала».
Тел. редакции для справок:
(495) 157-84-50

Электронные версии «Военно-исторического журнала» и интернет — приложения «Военно — исторического журнала» на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут приобретать отдельные номера журнала в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ, тел.: (495) 157-80-47.

Ежемесячное
издание
Министерства
обороны
Российской
Федерации

**ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

март
№ 3
2006 год

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • WWW.MIL.RU

Двойная
«дипломатия»
японских спецслужб
в годы Второй
мировой войны

Стратегическое
развертывание ВВС
фашистской
Германии накануне
нападения на СССР

Эволюция
национальной
военной стратегии
США в конце
XX века

Рождение и крах
«терийокского
правительства»

Из
неопубликованных
рукописей:
Воспоминания
контр-адмирала
С.В. Евдокимова

ISSN-0321-0626

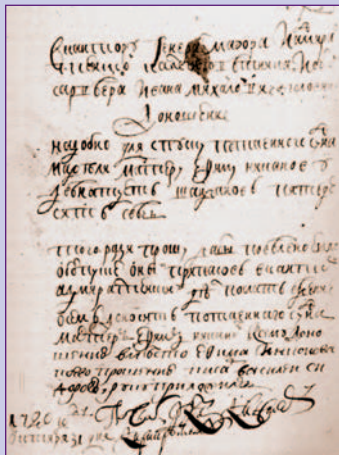

Подводный крейсер проекта 667 БДРМ

Военно-исторический журнал 2006 № 3 март

**19 марта — 100-летие подводных сил России
День моряка-подводника**

«СОЗДАТЬ ПРИ СБЛИЖЕНИИ»

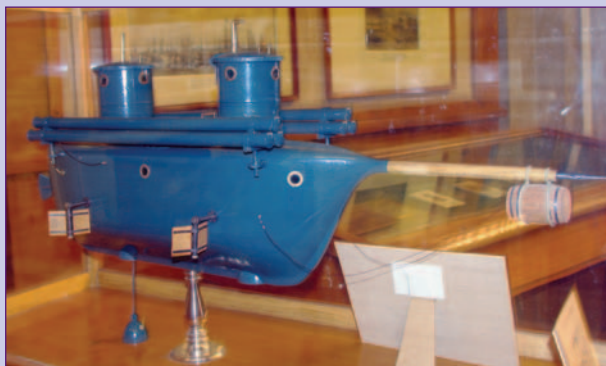

▲ Копия донесения Ефима Никонова о строительстве в Санкт-Петербурге первого в России «потаённого судна» 1720 г.

Из коллекций Центрального военно-морского музея (Санкт-Петербург)

Подводная лодка конструкции С.К. Дзевецкого. Единственный дошедший до наших дней образец серии из 50 единиц 1880-е гг.

**19 марта — 100-летие подводных сил России
День моряка-подводника**

▲ Модель подводной лодки конструкции К.А. Шильдера, которая была вооружена миной и шестью ракетами 1834 г.

Экспозиционный комплекс, посвященный Краснознаменной подводной лодке Северного флота К-21 под командованием Героя Советского Союза капитана 3 ранга Н.А. Лунина

Экспозиционный комплекс, посвященный подводной лодке С-13 Краснознаменного Балтийского флота и ее командиру Герою Советского Союза капитану 3 ранга А.И. Маринеско

Торпеда марки 53-38 — главное оружие советских подводных лодок периода Великой Отечественной войны

▲ Модель подводной лодки «Пескарь», входившей в Учебный отряд подводного плавания в Либаве (Лиепая, Латвия). На ней с 1906 года проходили подготовку русские подводники

▲ Подводный минный заградитель Л-3 выходит в свой первый боевой поход 22 июня 1941 года
Художник М.А. КУЗНЕЦОВ, 1994 г.

Вице-адмирал А.В. Колчак вручает Георгиевский кортик мичману Н.А. Монастыреву

Редактор бизертинского «Морского сборника» капитан 2 ранга Н.А. Монастырев 1921-1923 гг.

Модель подводного минного заградителя «Краб»

«МИННОЕ ЗАГРАЖДЕНИЕ, ИМЕЮЩЕЕ ВАЖНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ХОДА НАШИХ ОПЕРАЦИЙ»

Кортик капитана 2 ранга Н.А. Монастырева

ВХОДЕ Первой мировой войны 25 июня 1915 года подводный минный заградитель «Краб» под командованием лейтенанта Л.К. Феншоу вышел в свой первый боевой поход для постановки мин заграждения в Босфоре. На борту кроме экипажа находились начальник подводной бригады Черноморского флота капитан 1 ранга В.Е. Клочковский и флагманский штурман бригады лейтенант М.В. Пруцкий. Планом командования Черноморского флота предусматривалось, блокируя выход в Черное море германско-турецкому флоту, обеспечить безопасный переход вновь построенного, но не прошедшего артиллерийского испытания линейного корабля «Императрица Мария» из Николаева в Севастополь.

Заградитель успешно выполнил боевую задачу: 27 июня незаметно для противника впервые в мире осуществил постановку мин из подводного состояния. На установленном «Крабом» южнее входных маяков поперек пролива минном заграждении подорвались турецкие канонерская лодка «Иса Рейс» и пароход «Угурола». За отличное выполнение боевой задачи весь личный состав лодки был повышен в чине или награжден. Минный офицер мичман Нестор Александрович Монастырев (1887—1957) высочайшим приказом по Морскому ведомству от 3 декабря 1916 года № 853 был награжден Георгиевским оружием (кортиком).

В 1990 году Георгиевский кортик капитана 2 ранга Н.А. Монастырева был передан в Центральный военно-морской музей его родственницей Александровской Натальей Николаевной, проживающей в США. Георгиевское оружие Н.А. Монастырева выполнено в 1914 году Торговым домом В. Скоарева в Санкт-Петербурге и относится к кортикам офицерским Георгиевским образца 1914 года.

Клинок кортика прямой, четырехгранный, с обоюдоострым концом. Рукоять бронзовая с 15 поперечными желобками. Головка рукояти украшена лавровыми ветками и вензелем императора Николая II. К ее торцу прикреплен знак ордена Св. Георгия. Крестовина бронзовая, с закругленными и загнутыми в противоположные стороны концами. На обеих сторонах ее выгравирована надпись: «За храбрость». Ножны кожаные, наколенник и обоймицы их украшены лавровыми и дубовыми ветвями. Бронзовые элементы кортика и ножен сохранили часть позолоты.

Иллюстрации из кн.: Бизертинский морской сборник. 1921-1923. Избранные страницы / Сост. В.В. Лобыцын. М.: Согласие, 2003. 559 с., ил.; Шелверы и раритеты клинкового оружия из фондов музеев Санкт-Петербурга, художественных мастерских и частных коллекций. Каталог. СПб.: ООО Изд-во «Атлант», 2004. 320 с., ил.

▲ Георгиевский кортик Н.А. Монастырева

РЕДКАЯ КНИГА — ПОБЕДИТЕЛЮ КОНКУРСА

Эти книги получит в подарок победитель конкурса (условия см. на с. 75—77).

Вероятно, в истории Российского флота нет фигуры, которая вызывала бы столько споров, как А.В. Колчак, являющийся одним из известнейших персонажей отечественной истории XX столетия. В последние годы историческая и историко-художественная литература и публицистика регулярно пополняются новыми капитальными трудами и многочисленными статьями о знаменитом адмирале.

Наиболее полным и всесторонним исследованием деятельности А.В. Колчака в период драматических событий 1918—1920-х годов на Востоке России является труд известного историка русского зарубежья С.П. Мельгунова «Трагедия адмирала Колчака»,

вышедший четырьмя отдельными выпусками в Белграде в 1930—1931 гг. Спустя более 7 десятилетий он впервые издан в России двумя книгами*.

В книге первой можно ознакомиться с трагическими страницами жизни верховного правителя России А.В. Колчака, взявшего на себя бремя спасения страны. Заключительная часть труда, книга вторая, посвящена анализу тех причин, которые привели армию Колчака к поражению. История последних дней адмирала Колчака — это трагическая страница истории России, о которой должны знать наши современники.

* Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака: В 2 кн. Кн. первая. Ч. I, II. Предисловие А.С. Кручинина. М.: Айрис-пресс, 2005. 576 с. Кн. вторая. Ч. III. М.: Айрис-пресс, Лагуна-Арт, 2005. 496 с. (Белая Россия).

Основан
в августе 1939 года

Учрежден
Министерством
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

март
№ 3 (551)
2006 год

ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX ВЕКА

А.И. КАЛИСТРАТОВ — Воздушно-наземные действия войск в операции «Буря в пустыне». 1991 год

3

LOCAL WARS AND ARMED CONFLICTS OF THE XXth CENTURY

A.I. KALISTRATOV — Air and land activities of the forces in the operation of "Desert Storm". 1991 year

Радиотехнические войска Вьетнамской народной армии против авиации США в операции «Лайнбекер-2»
(Публикация А.И. ХЮПЕНЕНА)

8

Radiotechnical troops of the Vietnam Peoples' Army against the US Air Force in the operation of "Linebacker-2"
(Publication of A.I. KHYUPENEN)

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

А.А. БОБРИКОВ — Эволюция огневого поражения противника. Конец XIX — начало XXI века

11

MILITARY ART

A.A. BOBRIKOV — Evolution of hitting the enemy. End of XIX — beginning of XXI century

БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ

В.П. ЯМПОЛЬСКИЙ — Двойная «дипломатия» японских спецслужб в годы Второй мировой войны

16

THE SECURITY OF RUSSIA: YESTERDAY, TODAY AND TOMORROW

V.P. YAMPOLSKY — Double game "diplomacy" of the Japan special services during the days of World War II

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Политработники — герои Берлина
(Публикация Ю.А. ГЛУШКОВОЙ)

21

DOCUMENTS AND MATERIALS

Political workers — heroes of Berlin
(Publication of Yu.A. GLUSHKOVA)

ЗА КУЛИСАМИ «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»

М.А. БОБРОВ — Стратегическое развертывание ВВС фашистской Германии накануне нападения на СССР

24

BEHIND THE SCENES OF "THE THIRD REICH"

M.A. BOBROV — Strategic deployment of the fascist Germany Air Force on the eve of attack of the USSR

В ЗАРУБЕЖНЫХ АРМИЯХ

С.Л. ТАШЛЫКОВ — Эволюция национальной военной стратегии США в конце XX века

28

IN FOREIGN ARMIES

S.L. TASHLYKOV — Evolution of the US national military strategy at the end of XX century

ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ

Д.А. БУДКО — «За истинное милосердие и заботу о людях»

34

THE WOMAN IN THE RUSSIAN ARMY

D.A. BUDKO — "For the true mercy and care about people"

МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

В.В. КАПИСТКА — «Заблаговременно... разработать необходимые мероприятия, гарантирующие сохранение военной тайны»

39

BETWEEN THE WORLD WARS

V.V. KAPISTKA — "In good time...to develop necessary measures that guarantee keeping military secrets"

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

М.Л. БОРОДУЛИН — Создание и развитие полигона для испытаний первой отечественной зенитной ракетной системы

44

FROM HISTORY OF ARMAMENT AND MILITARY EQUIPMENT

M.L. BORODULIN — Creation and development of a firing ground to test the first home antiaircraft rocket system

Е.Я. ЛИТВИНЕНКО, В.В. СИДОРЕНКОВ — Первое боевое применение минного оружия русскими военными моряками в XIX веке

48

E.Ya. LITVINENKO, V.V. SIDORENKOV — The first battle application of mine weapon by the Russian military seamen in XIX century

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

М.В. ОСЬКИН — Армия и продовольственное снабжение

52

WORLD WAR I

M.V. OS'KIN — The army and supply of provisions

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ

В.А. ВЕРЕМЕНКО — Семья в обход закона

55

STANDPOINTS, OPINIONS, VERSIONS

V.A. VEREMENKO — A family bypassing the law

ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

Ю.А. НИКИФОРОВ, О.Н. КИСЕЛЕВ — Рождение и крах «териокского правительства»

60

IN THE PAGES OF RARE EDITIONS

Yu.A. NIKIFOROV, O.N. KISELEV — Birth and collapse of "the Terioki government"

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

В.В. Савинков — Приказ на... разложение
(Публикация В.А. АВДЕЕВА)

63

FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS

V.V. SAVINKOV — An order for... demoralization
(Publication of V.A. AVDEEV)

МОЛОДЕЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

С.В. Евдокимов — Воспоминания контр-адмирала
(Публикация В.А. ГУРКОВСКОГО)

65

FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS

S.V. EVDOKIMOV — Recollections of the Rear-admiral
(Publication of V.A. GURKOVSKY)

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Л.Л. СТЕПЧЕНКОВ — «Потешные роты» в Смоленской губернии

69

MILITARY PATRIOTIC EDUCATION

L.L. STEPCHENKOV — "Companies of boy-soldiers" in Smolensk province

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

В.М. КОРОВИН, В.А. СВИРИДОВ — «Родной язык есть для русского юноши предмет самый важный»

72

MILITARY TRAINING AND EDUCATION

V.M. KOROVIN, V.A. SVIRIDOV — "Native language is the most important subject for a Russian youth"

К ЧИТАТЕЛЯМ «МОЛОДЕЖНОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

А.С. ЖДАНОВСКИЙ — Криптограмма «К 90-летию Брусиловского прорыва»

75

TO THE READERS OF "THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE"

A.S. ZHDANOVSKY — The cryptogram "To the 90th anniversary of the Brusilov break-through"

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Б.М. АМУСИН — Не забыть и не потерять никого

78

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

B.M. AMUSIN — Do not forget and do not lose anyone

А.Г. КАВТАРАДЗЕ — Черногорец А.С. Бакич на русской службе

79

A.G. KAVTARADZE — Montenegrin A.S. Bakich at the Russian service

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ — 15, 20, 47, 59;
ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ — 27, 62; КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО
ИСТОРИКА — 33, 54, 79; ХРОНОГРАФ — 40; WWW.MIL.RU — 74;
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И РЕЦЕНЗЕНТАХ НОМЕРА — 80

SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION — 15, 20, 47, 59;
MEMORABLE DATES — 27, 62; THE BOOKSELF OF A MILITARY
HISTORIAN — 33, 54, 79; CHRONOGRAPH — 40;
WWW.MIL.RU — 74; INFORMATION ABOUT
AUTHORS AND REVIEWERS OF THE ISSUE — 80

ВОЗДУШНО-НАЗЕМНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВОЙСК В ОПЕРАЦИИ «БУРЯ В ПУСТЫНЕ». 1991 год

В предлагаемой вниманию читателей «Военно-исторического журнала» статье автор рассматривает комплексное применение воздушно-наземных действий на основе наиболее яркого примера — операции многонациональных сил (МНС) «Буря в пустыне», проведенной в ходе военного конфликта в зоне Персидского залива (17 января — 28 февраля 1991 г.). При этом под воздушно-наземными действиями подразумевается комплексное применение воздушного и наземного компонентов группировок войск в интересах дистанционного разгрома противника на всю глубину его построения огневymi ударами с воздуха и немедленного использования их результатов общевойсковыми (в том числе и авромобильными) формированиями¹. Подобные действия стали возможными в результате массового оснащения вооруженных сил современной авиацией, высокоточным оружием, автоматизированными системами управления войсками и оружием, а также широкого использования космических сил и средств в интересах ведения разведки, навигации и наведения. В зависимости от степени оснащенности и подготовки вооруженные силы могут вести воздушно-наземные действия на всех уровнях военного искусства — от тактики до стратегии.

КОНФЛИКТ в зоне Персидского залива 1991 года в соответствии с принятой классификацией локальных войн и вооруженных конфликтов представлял собой локальную войну. Это обуславливалось, во-первых, остротой разрешавшихся противоречий: борьба за гегемонию в одном из важнейших, с точки зрения запасов энергетического сырья, районов мира, во-вторых, масштабами применявшихся с обеих сторон сил и средств: порядка 1,2 млн. человек, около 80 расчетных дивизий, по 9,5 тыс. танков и артиллерийских орудий, свыше 2700 боевых самолетов², в-третьих, сложностью форм действий, включавших ряд последовательно проведенных операций различного масштаба и видов. Локальность войны вытекала из ограниченности политических целей, связанных с восстановлением гегемонии Запада пусть в очень важном, но относительно небольшом регионе.

Главной особенностью этого конфликта, предопределившей его ход, исход и воздушно-наземный характер ведения, было существенное количественное превосходство МНС над противником в самых эффективных в условиях пустынной местности средствах борьбы. Так, МНС превосходили иракцев по боевым самолетам в 3 раза, по боевым вертолетам — в 16 раз, по танкам — в 4,3 раза. При этом данные о масштабах применявшихся

с обеих сторон сил и средств, приведенные в отечественных источниках³, расходятся с зарубежными.

Началу войны предшествовала беспрецедентная стратегическая перегруппировка МНС из Америки и Европы на расстояние 10—12 тыс. км, носившая преимущественно воздушно-морской характер. При этом для обеспечения воздушных перевозок привлекались 650 транспортных самолетов и 130 самолетов-заправщиков. Среднесуточный темп воздушных перевозок составил порядка 80—100 самолето-рейсов в сутки. Пилотам зачастую приходилось проводить за штурвалами самолетов по 13—17 ч. Самолеты стратегической авиации за время перелетов вынуждены были по 3—4 раза, а тактической — до 10 раз дозаправляться в воздухе. Примечательно, что для обеспечения боевых действий МНС была развернута мощная орбитальная группировка, насчитывавшая 35 космических аппаратов.

«Буря в пустыне» изначально планировалась как воздушно-наземная операция оперативно-стратегического масштаба. Замысел ее предусматривал проведение в течение 6—8 суток воздушной наступательной операции, в ходе которой предполагалось нарушить функционирование всей государственной системы Ирака, ударами с воздуха осуществить дистанционный разгром кувейтской группировки иракских войск, нанести поражение их глубоким оперативным резервам, а также подорвать моральный дух армии и народа. В последующем предполагалось активными наступательными действиями наземной группировки войск в течение 10—15 суток завершить разгром противника и освободить захваченную территорию.

Оперативный маневр наземной группировки войск МНС имел непростой характер (см. рис.1). Первоначально главная ударная группировка (7-й армейский корпус (АК) и 18-й воздушно-десантный корпус (ВДК) США) была развернута на приморском направлении, демонстрируя намерения нанести удар вдоль побережья навстречу оперативному морскому десанту, подготовка к высадке которого в глубоком тылу иракцев также эффективно демонстрировалась. Все это, несомненно, оказало решающее влияние на ошибочное, ориентированное строго на юг и частично на восток построение обороны иракцев.

На завершающем этапе воздушной операции главная ударная группировка должна была стремительно перегруппироваться вдоль фронта за правый фланг кувейтской группировки войск противника и нанести удар в стык между 3 и 7 АК иракцев. При этом 7 АК США осуществлял оперативный охват ее правого фланга, а 18 ВДК — ее глубокий оперативный обход с целью отсечения от остальных сил и прижатия к морю. Одновременно приморская группировка войск (арабское соединение, два саудовских соединения и две экспедиционные дивизии морской пехоты США, всего — более семи расчетных дивизий) активными наступательными действиями сковывала противника. В то же время на левом фланге оперативная группа «ДАГЕ» (французские войска) при поддержке 82-й воздушно-десантной дивизии (вдд) США, наступая через пустыню к реке Евфрат, должна была притянуть к себе глубокие резервы противника с территории Ирака.

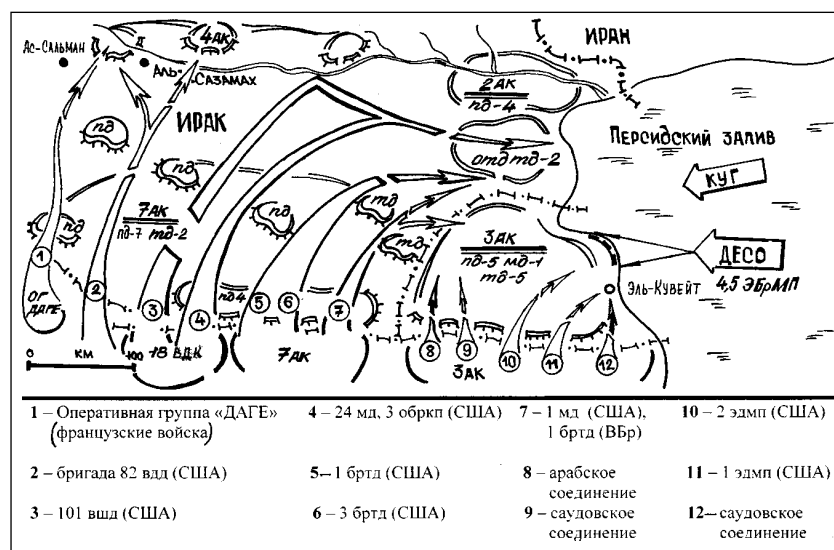

Рис. 1. Характер оперативного маневра наземной группировки войск многонациональных сил в ходе операции «Буря в пустыне»

мобилей перевозили запасы материальных средств на 60 суток боевых действий³. И здесь решающим условием успеха перегруппировки и последовавшего оперативного маневра явились эффективные действия воздушного компонента МНС. Именно авиация «ослепила» иракское командование, полностью парализовав силы и средства его оперативной разведки, что обеспечило оперативную внезапность маневра. Все основные усилия иракцев, направленные на построение прочной, ориентированной на юг позиционной обороны, оказались пере-

черкнуты, их крах стал неизбежен.

В 4.00 24 января 1991 года 620-тысячная группировка 37 государств перешла в наступление. В ходе его воздушно-наземный характер действий войск в оперативно-стратегическом масштабе помимо мощной поддержки с воздуха наступавших ударных группировок в основном обуславливался аэромобильным рейдом 101-й воздушно-штурмовой дивизии (вшд) США, успешно решавшей в глубоком тылу противника целый ряд оперативных задач на пространстве 360 км по фронту и 180 км в глубину.

Сущность аэромобильного рейда соединения заключалась в стремительном перемещении вертолетных бригад дивизии скачками по 50—80 км из одного предварительно захваченного с воздуха и оборудованного пехотными аэромобильными бригадами в тылу противника или в ближайшем тылу своих наступавших войск района передового базирования в другой. Опираясь на эти районы, вертолетные бригады наносили огневые удары по перемещавшимся оперативным и тактическим резервам противника, уничтожали объекты его тыла и коммуникаций, высаживали воздушные десанты для захвата и удержания отдельных ключевых районов и объектов.

Формально 101 вшд входила в состав 18 ВДК США, однако при этом реально помимо содействия наступавшим корпусам выполняла задачи в интересах всей группировки МНС: блокирование проходившего в 200 км от линии соприкосновения стратегически важного шоссе № 8 Ас-Самма — Басра; воспреещение отхода оперативных резервов противника на север через коридор в районе г. Басры (см. рис. 2), а также сковывание глубоких резервов.

На первом этапе рейда, с утра первого дня наступления передовым отрядом дивизии в 80 км от линии фронта была захвачена и к полудню оборудована передовая операционная база (ПОБ) «Кобра». ПОБ имела круговую форму с диаметром порядка 15 км. Передовой отряд был переброшен на 66 вертолетах УН-60 «Блэк Хок» и 30 СН-47 «Чинук» (свыше 500 человек пехоты и артиллерийский дивизион (адн) 105 мм гаубиц). Впоследствии он был усилен десантированными со 100 вертолетов СН-47 1500 пехотинцами, 50 боевыми машинами с противотанковыми управляемыми ракетами (БМ ПТУР) и адн 105-мм гаубиц из состава 1-й парашютной аэромобильной бригады (паэмбр). Боевые вертолеты из ПОБ «Кобра» уже в первый день начали оказывать огневое воздействие по шоссе № 8.

К утру второго дня наступления в ПОБ «Кобра», обойдя узлы сопротивления иракских войск, прибыл наземный конвой с запасами горючего и боеприпасов в составе 700 грузовиков, 2000 человек личного со-

В целом осуществить намеченный замысел удалось, однако в ходе его выполнения в план операции пришлось вносить существенные поправки.

После трех суток проведения воздушной наступательной операции выяснилось, что эффективность огневых ударов ввиду высокого уровня маскировки и инженерного оборудования иракских объектов оказалась значительно ниже расчетной (и это при полном бездействии их ПВО). Поэтому в интересах достижения поставленных целей воздушная наступательная операция плавно перетекла в 38-суточную воздушную кампанию, вследствие чего наземные войска МНС выполнили свои основные задачи за трое суток ведения активных наступательных действий (вместо планировавшихся пятнадцати).

На первом этапе кампании (17—22 января 1991 г.) решались задачи завоевания огневого господства и нарушения системы государственного и военного управления. На втором этапе (23 января — 11 февраля 1991 г.) основные усилия были сосредоточены на подрыве военно-экономического потенциала Ирака, на поражении объектов оперативного оборудования территории. На третьем этапе (12—23 февраля 1991 г.) массированному поражению подверглись группировки сухопутных войск. Эффективность воздушной кампании была довольно высока, что позволило подавить системы ПВО, государственного и военного управления Ирака. Особенно большие потери понесли группировки сухопутных войск оборонявшихся. Так, после третьего этапа кампании средняя укомплектованность дивизий 4 АК составила 58 проц., 7 АК — 42 проц., ближайших оперативных резервов 50—60 проц., глубоких оперативных резервов — дивизий Республиканской гвардии — 60 проц.⁴ Очень важным достижением было почти полное разрушение ударами авиации системы инженерных заграждений на переднем крае обороны иракских войск.

Однако самыми тяжелыми последствиями бомбардировок были не физические потери, а основательный подрыв морального духа войск, ведь не случайно из 363 объектов, подвергшихся поражению в ходе массированных огневых ударов МНС, 161 составляли объекты тыла и коммуникаций.

В КУЛЬМИНАЦИОННЫЙ момент воздушной кампании, с 20 января 1991 года МНС приступили к перегруппировке вдоль фронта своей охватывающей и обходящей группировок наземных войск с целью вывода их на направления ввода в сражение. В течение почти двух недель, по двум маршрутам на расстояние нескольких сотен километров были переброшены свыше 200 тыс. военнослужащих и 12 тыс. боевых бронированных машин, свыше 95 тыс. авто-

става и 30 БМ ПТУР, что позволило резко повысить интенсивность применения боевых вертолетов.

В ходе второго этапа рейда (см. рис. 2), через 30 часов после начала наступления была перерезана важнейшая рокадная коммуникация, которая питала всю кувейтскую группировку иракских войск и проходила примерно в 200 км от переднего края обороны противника, — шоссе № 8. С этой целью в 12 ч 16 мин 25 февраля в 40 км южнее шоссе с 30 вертолетов СН-47 были высажены три противотанковые роты на БМ ПТУР «Тоу», которые, перехватив шоссе, обеспечили высадку прямо на него в 15 ч 08 мин пехотного аэромобильного батальона. Чуть позже туда же была переброшена целая бригада (3 паэмбр), которая и контролировала шоссе до конца операции при поддержке боевых вертолетов из ПОБ «Кобра». С 28 февраля эта бригада принимала участие в блокировании с юго-запада четырех дивизий противника в районе г. Эн-Насирии.

С утра этого же дня в интересах создания выгодных условий для развития наступления 7 АК США на глубину около 70 км была десантирована и 2-я парашютная аэромобильная бригада. Она захватила узел дорог в районе Рахаил с целью воспрепятствования отходу отступавших иракских частей на Басру. Десантированию предшествовали тщательная разведка и рекогносцировка района высадки специальными группами из состава 1-го батальона 327-го парашютного полка (пп) 101 вшд. Высадку и боевые действия бригады обеспечивали до 300 вертолетов различного назначения, в том числе более 50 боевых. Во второй половине дня поддерживавшие бригаду вертолеты нанесением эффективного огневого удара сорвали попытку контрудара танковой дивизии противника «Хаммурапи». При этом один из противотанковых вертолетных батальонов уничтожил около 30 боевых бронированных машин.

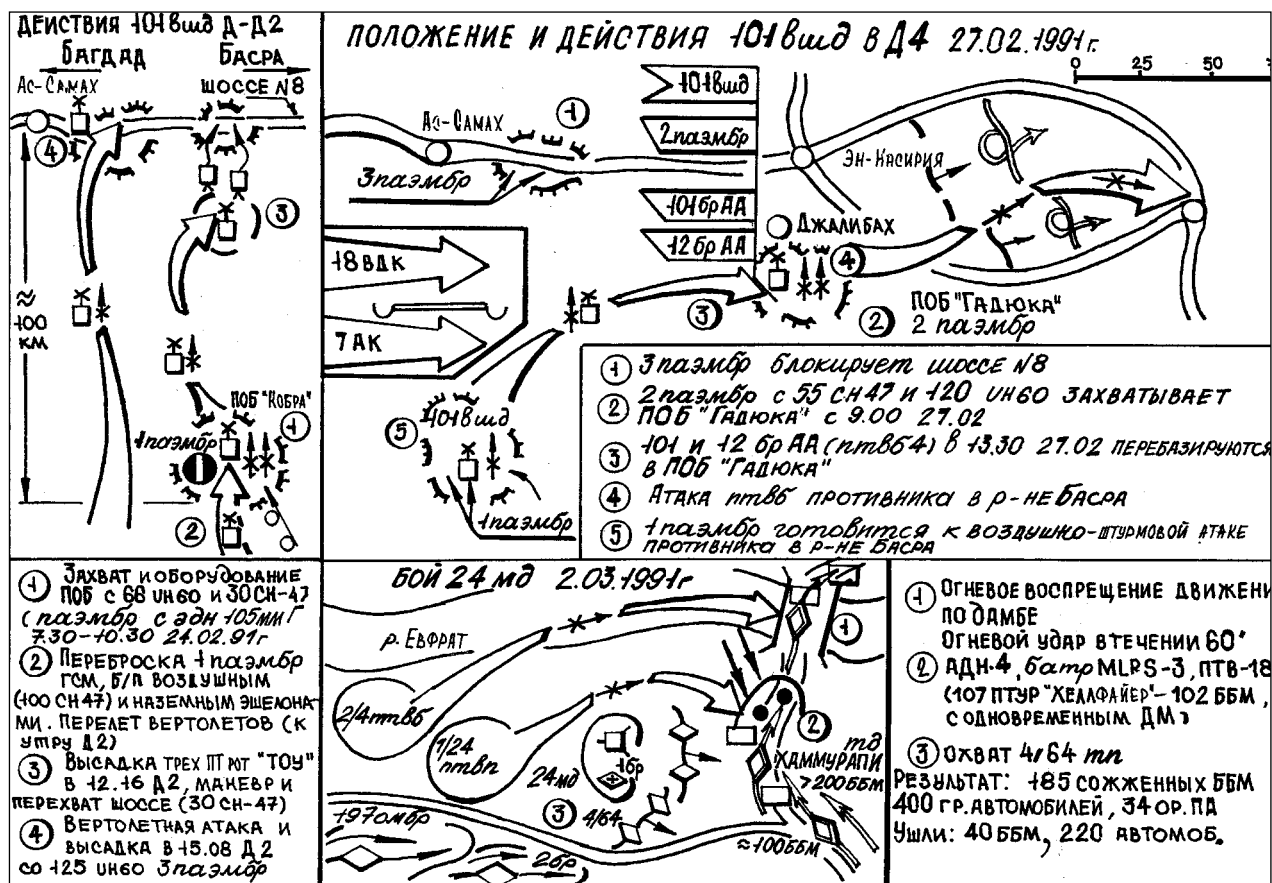
25 февраля к исходу дня бригада выполнила задачу и соединилась с передовыми частями 7 АК США.

На третьем этапе рейда (см. рис. 2) принимались меры по срыву попытки отхода за реку Евфрат крупной группировки противника из района г. Басры. С этой целью в первой половине дня 27 февраля силами переброшенной на вертолетах 2 паэмбр в районе южнее г. Джалибаха, что примерно в 100 км от г. Басры и в 50–60 км от линии боевого соприкосновения и ПОБ «Кобра», была оборудована и обеспечена достаточным количеством горючего и боеприпасов новая ПОБ «Гадюка». Вторая половина дня была посвящена перебазированию в эту ПОБ 101-й и 12-й бригад армейской авиации, подготовке их к боевому применению и нанесению по отходившему противнику серии огневых ударов силами 64 боевых вертолетов АН-64 «Апач». Одновременно проводилась подготовка к высадке севернее г. Басры 1 паэмбр из ПОБ «Кобра». Правда, от высадки бригады пришлось отказаться вследствие стремительного наступления наземных войск, передовые части которых выходили в планировавшийся район высадки намного раньше намеченных сроков.

На оперативном уровне воздушно-наземный характер действий наступавших оперативных группировок войск обуславливался избранным порядком огневого сопровождения наступления, глубоким огнем воздействием корпусов по резервам противника и многократной высадкой в их интересах оперативно-тактических воздушных десантов.

ОГНЕВОЕ сопровождение наступления осуществлялось методом «огневого ковра», «растлаивающегося» перед боевыми порядками войск на глубину около 100 км. При этом важнейшие объекты противника подвергались многократному поражению различными средствами практически без временных интервалов. Первоначально объекты, находившиеся на удалении 50–100 км от переднего края наступав-

Рис. 2. Аэромобильный рейд 101 вшд США 24–25 февраля 1991 г., боевые действия 101 вшд США 27 февраля 1991 г. и воздушно-наземный бой 24 мд 2 марта 1991 г.

ших войск, обрабатывались штурмовой авиацией, разумеется, преимущественно с применением корректируемых авиабомб, управляемых ракет и разовых бомбовых кассет с самонаводящимися суббоеприпасами. По мере приближения фронта на 30—50 км на них обрушивались удары боевых вертолетов, как правило, управляемыми ракетами с инфракрасными головками самонаведения (ИК ГСН) «Хэллфайер», а с 20—30 км они накрывались залпами ракетных систем залпового огня (РСЗО) «MLRS», применявших ракеты с кассетными боевыми частями (по 655 кумулятивно-осколочных боевых элементов каждая). В зоне от 5 до 20 км плотно работала самоходная артиллерия, используя кассетные боеприпасы (155-мм снаряд M483A1 содержит 88 кумулятивно-осколочных боевых элементов) и управляемые снаряды «Копперхэд», от 3 до 5 км — 106,7- и 120-мм минометы. На удалении до 3 км простиралась зона сплошного огня танков, многочисленных пусковых установок ПТУР и БМП, оснащенных весьма эффективными в пустынных условиях местности, особенно в ночное время, тепловизионными прицелами, а также 81-мм минометами.

Эффективность подобного «огневого ковра» была очень высока. Приведем один пример: по американским данным, за четыре часа боя (с 19 до 23 ч 26 февраля) 3-я бригада 1-й бронетанковой дивизии (бртд) США генерала Жанини, потеряв 4 танка и ни одного человека, оставила за своими боевыми порядками уничтоженными 76 окопанных танков Т-72 и 84 БМП. Всего же за 26—27 февраля эта дивизия при поддержке авиации и бригады полевой артиллерии, потеряв в бою одного солдата, уничтожила более 300 боевых бронированных машин оборонявшихся⁷. Такой высокий результат явился прямым следствием эффективных воздушно-наземных действий в оперативно-тактическом масштабе.

Значительную роль в успехе операции сыграли наносившиеся наступавшими корпусами глубокие огневые удары по ближайшим оперативным резервам противника. В основном их выполняли корпусные бригады армейской авиации. Удары наносились противотанковыми вертолетными батальонами на глубину 50—100 км и более, как правило, ночью и в тесном взаимодействии с тактической авиацией. Ночные условия для ведения активных боевых действий МНС выбирались не случайно. Как известно, в пустыне ночью резко падает температура воздуха, повышается тепловой контраст целей, а нагретые работающие двигатели боевых бронированных машин прекрасно видны в тепловизионные прицелы на предельных дистанциях стрельбы и безошибочно воспринимаются ИК ГСН управляемых ракет и суббоеприпасов.

Характерным примером является глубокий удар 11-й бригады армейской авиации 7 АК США, нанесенный в ночь на 27 февраля совместно с истребителями-бомбардировщиками FB-111 по 10-й танковой дивизии (тд) и тд «Хаммурапи» иракцев, пытавшимся вырваться из наметившегося окружения. На подготовку удара было затрачено 5,5 ч времени при весьма интенсивной работе органов управления. Порядок нанесения удара был следующий: перелет вертолетов в передовой исходный район «Скип», подготовка к удару, «расчистка» маршрута шестью боевыми вертолетами, перелет через передний край и выход в пункт развода, одновременная атака тремя ротными линиями боевых вертолетов с применением ПТУР «Хэллфайер» отходивших колонн противника, возвращение, подготовка и осуществление второго вылета (см. рис. 3). Примечательно, что дальность применения ПТУР (8 км) позволяла не входить в зону эффективного огня средств противовоздушной самообороны войск противника, а тактическая авиация работала параллельно, в своей полосе каждые 20 мин парами самолетов, оснащенных четырьмя управляемыми авиабомбами каждый. Результатом удара явилось поражение более сотни иракских бронемашин⁸.

В ИНТЕРЕСАХ поддержания высоких темпов наступления оперативных группировок войск, быстрой реализации результатов огневых ударов и захвата объектов оперативного значения широко применялись оперативно-тактические воздушные десанты, которые высаживались на глубину от 30 до 80 км, их боевой состав был разнообразным: от усиленного батальона до бригады. При этом необходимо помнить, что батальон армии США является общевойсковой тактической частью, а не подразделением, как у нас, и по своим боевым возможностям вполне способен выполнять в тылу противника отдельные оперативно-тактические задачи.

Так, через четыре часа после начала наступления в районе аэропорта Эль-Кувейт парашютным способом была десантирована бригада 82 ввд США в составе двух парашютно-десантных батальонов (около 1,5 тыс. человек). Задачей десанта являлись захват и удержание аэропорта до подхода передовых частей приморской группировки войск. Его действия были четко скоординированы с вертолетным десантом морской пехоты, высаженным для захвата плацдарма на побережье в южной части Эль-Кувейта, ударами авиации и огнем корабельной артиллерии. К середине следующего дня десант соединился с наступавшими вдоль берега частями 2-й экспедиционной дивизии морской пехоты США. Утром 25 февраля десантированный парашютным способом батальон 82 ввд в интересах содействия наступлению оперативной группы «ДАГЕ» захватил аэродром Эс-Сальман.

Утром 27 февраля в тыл отходившему перед фронтом 18 ВДК США противнику на глубину порядка 40 км была высажена бригада 82 ввд, которая овладела важным узлом дорог севернее Махаттат-Джалиба, значительно затруднив отход 17 тд и 46-й пехотной дивизии (пд) противника на Эн-Насирию. В это же время десантированный восточнее Самавы парашютно-десантный батальон этой же дивизии перерезал оперативно важное шоссе на Эн-Насирию, а с утра следующего дня высаженная западнее этого города воздушно-десантная бригада совместно со 101 ввд и 24 механизированной дивизией (мд) блокировала находившуюся в этом районе крупную группировку иракских войск.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что в оперативном масштабе воздушно-наземные наступательные действия включают три этапа. Содержанием первого этапа является мощное и эффективное комплексное огневое поражение оперативных группировок войск противника на всю глубину их построения. Второй этап заключается в немедленном использовании результатов огневых ударов аэромобильными силами. Цель их действий — создание в оперативной глубине обороны врага активно действующего фронта в интересах формирования условий разгрома объединений противника по частям в ходе третьего этапа. Другими словами, авиация, оперативные и оперативно-тактические воздушные десанты, а также аэромобильные войска (последние путем широкого применения боевых вертолетов) расчлняют объединение противника по глубине. Они изолируют соединения его первого эшелона от второго и оперативных резервов, нарушают их оперативное взаимодействие, дезорганизуют работу оперативного тыла и системы управления, а «тяжелые» дивизии ударных группировок последовательно завершают их разгром.

На тактическом уровне воздушно-наземный характер наступательных действий проявлялся в многократной высадке тактических воздушных десантов, а также в ведении дальнего воздушно-наземного огневого боя бригадами «тяжелых» дивизий.

Тактические воздушные десанты выделялись, как правило, из бригад первого эшелона в составе взвода-роты и высаживались вертолетами дивизионных бригад армейской авиации на глубине 10—30 км. Их основными задачами были: захват и удержание клю-

чевых участков местности или важных объектов; срыв маневра тактических резервов противника и восприятие его отхода; корректирование огня артиллерии и наведение высокоточных боеприпасов авиации. Кроме того, отмечались случаи высадки одиночными вертолетами в тылу иракцев расчетов ПТУР «Тоу» с последующей эвакуацией их по воздуху после израсходования боекомплекта.

Дальний огневой воздушно-наземный бой является прямым следствием органичного внедрения армейской авиации в организационно-штатную структуру тактических формирований сухопутных войск. Вследствие этого боевой вертолет радикально изменил характер современного наземного боя, как это сделал в 30–40-е годы прошлого века танк.

Сторона, упреждавшая противоборствующую сторону в оснащении соединений и частей сухопутных войск собственными вертолетами, получила колоссальные тактические преимущества, обусловленные резким возрастанием огневой мощи и получением беспрецедентных возможностей осуществления маневра. Рельеф местности, гидрография, состояние грунтов и почв, растительного покрова перестали быть препятствиями в преодолении пространства высокоскоростными и очень эффективными огневыми средствами. Командиры соединений и частей получили возможность лучше контролировать обстановку в своей полосе действий, быстро реагировать на ее изменения, наносить удары по удаленным объектам, эффективно поражать противника еще до того, как он появится в биноклях корректировщиков огня артиллерии или в прицелах пусковых установок ПТУР, танковых пушек и пушек БМП.

ПОКАЗАТЕЛЬНЫМ примером дальнего огневого воздушно-наземного боя является бой 24 мд США с остатками одной из лучших иракских дивизий — тд «Хаммурапи» 2 марта 1991 года (см. рис. 2). Бой произошел уже после официального прекращения огня, когда остатки этой дивизии попытались ускользнуть от МНС на территорию Ирака по дамбе через реку Евфрат. Маршрут отхода проходил примерно в 10 км от боевой линии 1-й бригады (бр) 24 мд. Разведывательный вертолет своевременно обнаружил отходившего противника. Первоначально колонна иракцев посредством артиллерийского огня была дистанционно накрыта минным полем (каждый 155-мм снаряд M718 и M741 содержит по 9 противотанковых противоднищевых мин, а M692 и M731 — по 36 противопехотных мин). В дальнейшем она в течение часа подвергалась огневому ударам четырех адн 155-мм самоходных гаубиц, дивизиона РСЗО «MLRS» и 18 боевых вертолетов АН-64 «Апач» 1-го батальона 24-го противотанкового вертолетного полка (птвп) дивизионной бригады армейской авиации. Вертолеты выпустили 107 ПТУР «Хэллфайер», уничтожили 102 боевые бронированные машины (ББМ), не понеся никаких потерь, так как в зону действительного огня прикрывавших колонну средств ПВО (зенитно-ракетные комплексы «Стрела-1,2», зенитные самоходные установки ЗСУ-23-4 «Шилка») не входили. В то же самое время 2-я рота 4-го противотанкового вертолетного батальона (птвб) фактически парализовала движение иракцев по дамбе. Бой был завершён фланговым маневром батальона танков «Абрамс» (4-й батальон 64 тп) и расстрелом остатков колонны. Результат боя: 185 горящих боевых машин и 400 грузовиков, повреждены 34 артиллерийских орудия. Уйти удалось примерно 40 бронемашинам и двум сотням грузовиков⁹.

Таким образом, уроки локальной войны в Персидском заливе 1991 года говорят о том, что современная вооруженная борьба немыслима без широкомасштабного применения воздушно-наземных действий. Превосходство в воздухе и в аэромобильности дает возможность в кратчайшие сроки одерживать победы при беспрецедентно низких потерях своих войск. За 100 с стремительного наступления далеко не слабая и не-

- 1 — КП 11 бр. АА, 2/6 рп. 4/229 птвп с 10.00 до 18.00 перегруппировываются в передовой исходный р-н «Скип».
- 2 — Перелет для первого удара, «расчистка» маршрута шестью АН-64.
- 3 — Пролет над районом танкового сражения в 21.40.
- 4 — Атака отходящего противника тремя ротными линиями вертолетов из пункта развода с 21.30 до 22.30.
- 5 — Довооружение и дозаправка вертолетов.
- 6 — Повторная атака двумя линиями рот вертолетов.

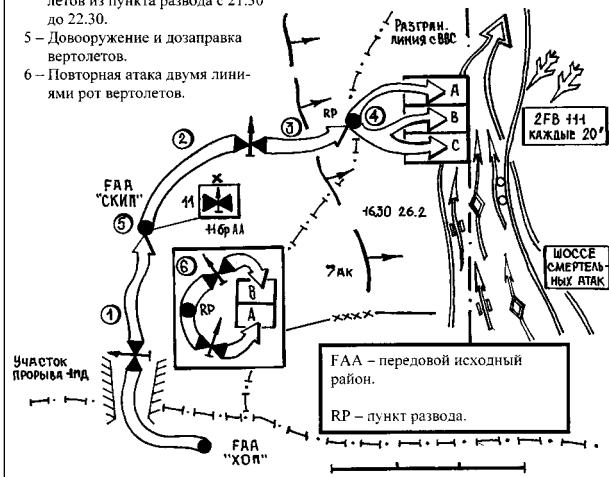

Рис. 3. Глубокий удар 7 АК США 27 февраля 1991 г.

плохо оснащенная кувейтская группировка иракских войск (танковых дивизий — 5, механизированных дивизий — 1, пехотных дивизий — 5) была обойдена, отрезана и разгромлена. При этом львиная доля победы была обеспечена действиями с воздуха, в воздухе и в космическом пространстве. Иракцы потеряли до 60 тыс. убитыми, ранеными и взятыми в плен. Были уничтожены, выведены из строя или захвачены до 360 боевых самолетов (из них 120 перелетели на территорию Ирана), до 3,8 тыс. танков, 1,4 тыс. БМП, 2,2 тыс. артиллерийских орудий, до 48 пусковых установок оперативно-тактических и тактических ракет и до 5 боевых кораблей¹⁰. В то же время МНС потеряли около 800 человек убитыми и ранеными, 70 боевых самолетов, 28 вертолетов и два десятка боевых бронированных машин.

Формулу победы коротко и ясно выразил командующий МНС генерал Н. Шварцкопф: «Если вооруженные силы хотят победить быстро и без больших потерь, они должны контролировать все передвижения противника и разгромить их психологически и физически до вступления в ближний бой». Решить же эту задачу без космических средств, военно-морских сил, авиации, широкомасштабного применения высокоточного оружия и аэромобильных сил в наше время, и особенно в обозримом будущем, практически невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Аэромобильные формирования здесь — воинские формирования, доставляемые в район боя (сражения) по воздуху и предназначенные для ведения наземных боевых действий.

² Robert H. Scales. Certain Victory: The US Army in the Gulf War, Fort Leavenworth. Kansas, 1994.

³ См., например: Военная Энциклопедия. М.: Воениздат, 1994. Т. 2. С. 236.

⁴ Robert H. Scales. Op. cit. P. 207.

⁵ Peter C. Langenus. Moving an Army: Movement Control for Desert Storm // Military Review. Sep. 1991. P. 41.

⁶ Robert H. Scales. Op. cit. P. 216—220.

⁷ Ibid. P. 270.

⁸ Ibid. P. 290.

⁹ Ibid. P. 320.

¹⁰ Norman H. Schwarzkopf. Central Command Briefing 27.2.91 // Military Review. Sep. 1991. P. 100.

Полковник запаса А.И. КАЛИСТРАТОВ

РАДИОТЕХНИЧЕСКИЕ ВОЙСКА ВЬЕТНАМСКОЙ НАРОДНОЙ АРМИИ ПРОТИВ АВИАЦИИ США В ОПЕРАЦИИ «ЛАЙНБЭКЕР-2»

РАДИОТЕХНИЧЕСКИЕ войска Вьетнамской народной армии (РТВ ВНА) накануне начала массированных налетов авиации США на территорию Северного Вьетнама, т.е. операции «Лайнбэкер-2»*, имели в своем боевом составе четыре полка и один отдельный радиотехнический батальон, на вооружении которых состояло 109 радиолокационных станций (РЛС), из которых советских — 89, китайских — 28 и венгерских — 1. При этом радиолокационные роты имели РЛС различных диапазонов волн: 42 проц. радиолокационных рот имели РЛС трех диапазонов волн, 47 проц. — двух диапазонов и 11 проц. — одного диапазона.

Если в зоне обнаружения американских самолетов не было, радиотехнические войска находились в боевой готовности № 2. При этом боевое дежурство на командных пунктах (КП) всех степеней несли сокращенные боевые расчеты. В дежурных ротах для ведения радиолокационной разведки использовалась одна из радиолокационных станций метрового или дециметрового диапазона волн. При обнаружении самолетов противника радиотехнические войска в течение двух минут переводились в готовность № 1, при этом включение дополнительного числа РЛС в роты осуществлялось по команде с КП радиотехнического полка (рtp).

Оповещение войск о воздушной опасности осуществлялось как централизованно, так и децентрализованно. В первом случае вся радиолокационная информация о самолетах противника и полетах своих истребителей непосредственно от рот через КП рtp передавалась на КП РТВ, т.е. на Центральный командный пункт (ЦКП), который обрабатывал ее и централизованно выдавал на оповещение войск ПВО и ВВС. Столь жесткая система приводила к тому, что данные на КП зенитных ракетных войск (ЗРВ), зенитной артиллерии (ЗА) и истребительной авиации (ИА) ПВО поступали с большим опозданием (до 5—6 мин), что значительно снижало их эффектив-

ность по отражению налета. Для сокращения времени оповещения радиолокационная информация передавалась методом «транзит», по которому данные от одной специально назначенной (опорной) роты, минуя КП радиотехнического полка, шли непосредственно на КП РТВ (ЦКП). Это уменьшало общее время передачи данных на КП ЗРВ, ЗА и ИА ПВО до 2—3 мин. При массированных налетах самолетов В-52 в целях сокращения объема передаваемой информации данные об обеспечивающих их группах на оповещение не выдавались, а данные о высоте передавались с большой дискретностью (прерывистостью), так как потолок полета В-52 практически не менялся. Некоторое сокращение времени достигалось также благодаря тому, что обязанности двух лиц расчета (телеграфиста и планшетиста) выполнял один человек. Наиболее эффективным способом сокращения времени прохождения радиолокационной информации была ее децентрализованная передача от радиолокационных рот на КП дивизионов, батарей ЗА, иап, органов управления формированиями народного ополчения. При этом время передачи радиолокационной информации сокращалось до 30 с.

Для улучшения общей организации сбора информации, сокращения времени ее прохождения до ЦКП (КП РТВ), исключения параллелизма в получении данных о противнике в условиях сложной воздушной обстановки в каждом полку назначались две—три опорные роты. В случае потери цели или выхода ее из зоны обнаружения РЛС одной опорной роты использовались данные других рот. Опорными назначались роты, которые располагались на флангах предполагаемых направлений полета В-52, имели разнодиапазонное радиолокационное вооружение, где была налажена четкая работа расчетов РЛС и пункта управления (ПУ). Для каждой радиолокационной роты устанавливались варианты и режимы боевой работы, которыми предусматривались конкретные задачи, секторы от-

ветственности и порядок использования РЛС в зависимости от высоты полета целей.

Боевые расчеты пунктов управления радиолокационных рот в основном своевременно обнаруживали и вели воздушные цели, в установленные сроки обрабатывали и выдавали информацию частям ЗРВ, ИА и ЗА.

В состав полного боевого расчета ПУ роты метрового диапазона входили: командир роты, два планшетиста — считывающий и записывающий, два радиотелеграфиста — командной радиосети и по передаче донесений. В боевой расчет ПУ роты сантиметрового диапазона, на котором, как правило, разворачивался пункт наблюдения (ПН) ИА, дополнительно входили один планшетист и один радиотелеграфист сети оповещения (он же планшетист общей воздушной обстановки).

Командир роты получал боевую задачу на начало поиска воздушного противника от командира полка (по командной радиосети), затем лично по телефону ставил эту задачу начальникам РЛС.

При обнаружении воздушной цели оператор РЛС по телефону в системе координат «азимут — дальность» выдавал данные планшетисту, который наносил их на планшет роты. Считывающий переводил координаты цели из системы «азимут — дальность» в координаты общей сетки ПВО и выдавал их записывающему. Полученные от него данные радиотелеграфист передавал на КП рtp, а в некоторых случаях и на КП РТВ (ЦКП).

При развешивании ПН ИА на ПУ роты сантиметрового диапазона устанавливался также планшет общей воздушной обстановки (ПОВО), данные на который наносились радиотелеграфистом сети оповещения (он же планшетист). Эти данные использовались штурманом наведения для штурманских расчетов.

БОЕВАЯ работа РТВ по самолетам В-52 в условиях помех имела свои особенности. Возможности РЛС П-35 по обна-

* См.: Воен.-истор. журнал. 2004. № 2, 4, 7, 8, 12.

ружению американских стратегических бомбардировщиков в шумовых помехах во многом зависели от того, каким курсом те летели. Так, если ракурс цели был больше 45°, а помехи от других самолетов отсутствовали, дальность обнаружения самолетов В-52 на высоте 10—12 км составляла 280—330 км. При ракурсе меньше 45° дальность обнаружения значительно сокращалась, так как РЛС находилась в диаграмме направленности передатчиков помех бомбардировщиков В-52. Эффективность воздействия активных шумовых помех, создаваемых отрядом самолетов В-52, на РЛС П-35 и РЛС П-12 показана в таблицах.

Большой диапазон частот станции позволял расчету РЛС П-35 в ряде случаев найти один—два канала, наименее подверженных влиянию шумовых помех. Наилучшие результаты достигались, как правило, при использовании пятого канала, а не первого, как это рекомендовалось инструкцией по боевой работе РТВ ВНА. Приемники, забытые помехами, выключались, чтобы не создавать на экранах дополнительного засвета. Некоторый эффект давало и изменение положения антенны по углу места.

При проводке самолетов В-52 в условиях активных шумовых помех наилучшие результаты достигались путем регулировки усиления сигнала. Однако отсутствие автоматической регулировки на станции вынуждало операторов корректировать сигнал вручную, причем делать это приходилось крайне осторожно. Применявшийся высотомер ПРВ-11 использовался для уточнения характеристик постановщиков шумовых помех, обнаруженных на экранах РЛС метрового диапазона. Большой энерге-

тический потенциал высотомера, значительно меньший (по сравнению с РЛС П-35) уровень боковых лепестков и более высокая разрешающая способность по углу места позволяли расчету обнаруживать самолеты В-52 на дальности до 300—340 км. В случае если отметка от цели не обнаруживалась из-за помех, то, определяя азимут и угол места самолета В-52 — постановщика помех, при известной высоте его полета можно было грубо (с точностью 5—10 проц.) определять и дальность до него. Высокая разрешающая способность ПРВ-11 по углу места позволяла осуществлять селекцию (отбора) помех и уменьшать их суммарную мощность.

В условиях массированных налетов В-52 высотомеры широко использовались и для проводки целей с выдачей всех трех координат: азимута, дальности и высоты. При этом использовался режим быстрого (28—30 в минуту) качания антенн высотомера. Для определения всех трех координат оператору достаточно было сделать одно-два качания антенной.

Как и на РЛС П-35, операторы ПРВ-11 для улучшения наблюдаемости целей на фоне помех широко использовали регулировку усиления, а при работе в пассивных помехах — когерентный режим. Что касается РЛС П-12, она применялась в качестве первичной станции обнаружения В-52. Отметим, что в отличие от РЛС П-35 и ПРВ-11 ракурс полета самолета относительно станции П-12 не оказывал существенного влияния на дальность его обнаружения. Это обстоятельство, очевидно, объяснялось широкой диаграммой направленности антенн передатчиков помех В-52 в метровом диапазоне волн. Дальность обна-

ружения в большей степени зависела от углового расстояния между отрядами самолетов В-52: при малой величине углового расстояния сектор помех от одного отряда сливался с сектором помех от другого отряда, что снижало дальность обнаружения. Кроме того, дальность обнаружения цели на фоне помех зависела и от рабочей частоты самой П-12. В среднем дальность обнаружения стратегических бомбардировщиков — постановщиков помех составляла 150—170 км. Величина сектора помехи, ее интенсивность и характер изменения отметок от помех на экранах индикаторов позволяли в ряде случаев определить тип постановщика помех. При проводке самолетов В-52 в условиях постановки активных шумовых помех расчет П-12 нередко применял изменение угла места антенны, что позволяло уменьшить уровень помехи от наиболее интенсивного источника и тем самым способствовало проводке целей. В ряде случаев гониометры (приборы для измерения углов) выключались, так как при некоторых положениях антенны это позволяло добиваться лучшей наблюдаемости отметок от цели на фоне помех.

Для проводки самолетов, находившихся на больших углах места, диаграмма направленности антенны поднималась, благодаря чему уменьшался уровень помех от постановщиков, находившихся на малых углах, и увеличивалась возможность проводки воздушных целей, идущих под большими углами места.

НАИБОЛЕЕ трудными и сложными задачами в работе РТВ были обнаружение и проводка маловысотных целей, особенно в условиях исключительно сложного, гористого рельефа местности, когда ближняя зона обнаружения на экранах индикаторов РЛС забивалась отражениями от местных предметов, а на радиолокационных станциях, не имеющих специального оборудования, цели, летящие на высотах ниже 300 м, фактически не наблюдались. Тем не менее, благодаря применению специальной аппаратуры, ее тщательной настройке, изучению «розы» местных предметов и упорным тренировкам операторам все же удавалось обнаруживать и проводить маловысотные цели. Кроме того, широко применялись посты визуального наблюдения. На каждую роту поступали данные, как правило, от трех визуальных постов, один из которых располагался вблизи позиции роты, а два других — на удалении 20—30 км. Данные постов визуального наблюдения использовались для обнаружения маловысотных и маневрирующих целей, определения момента пус-

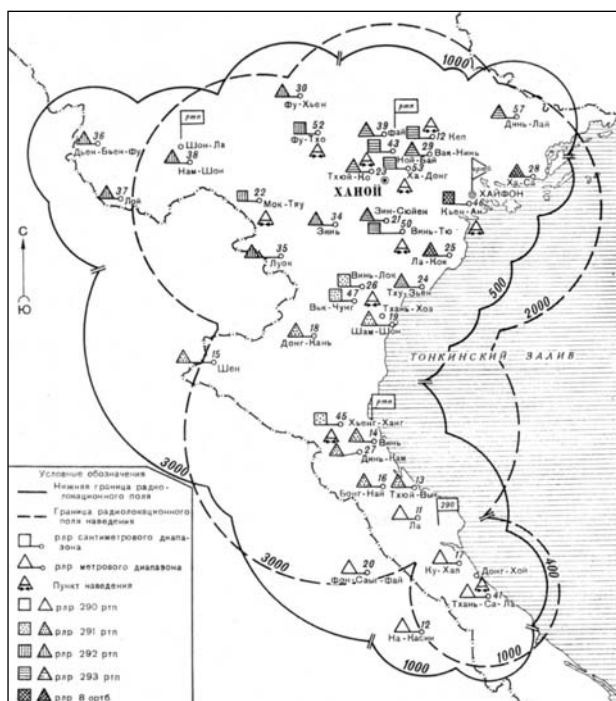
Эффективность воздействия активных шумовых помех, создаваемых отрядом самолетов В-52, на РЛС П-35

Дальность до постановщиков помех, км	350	300	250	200	150	100	50
Ширина сектора помехи на экране РЛС, град	1-2	2-3	4-5	6-7	10-15	25-30	40-50
Степень интенсивности помехи в основном секторе	1	1-2	2	3	3	3	3

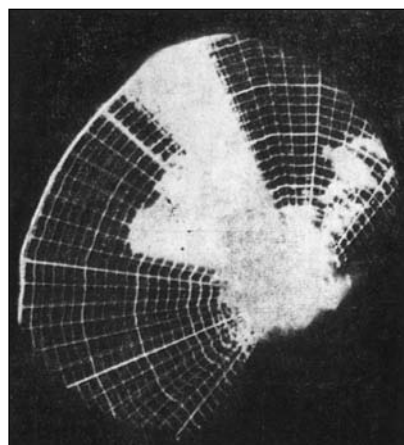
Примечание. Здесь и в табл. 2 степень интенсивности помех принята: 1 — слабая; 2 — средняя; 3 — сильная.

Эффективность воздействия активных шумовых помех, создаваемых отрядом самолетов В-52, на РЛС П-12

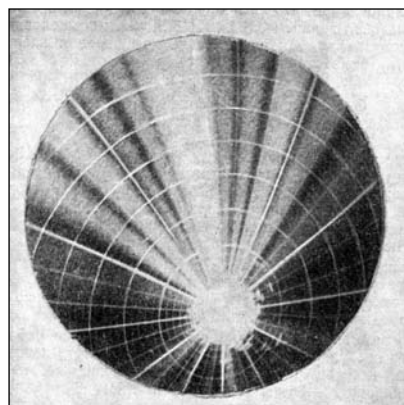
Дальность до постановщиков помех, км	350	300	250	200	150	100	50
Ширина сектора помехи на экране РЛС, град	8-9	10-12	12-15	15-30	30-180	180-360	360
Степень интенсивности помехи в основном секторе	1	2	3	3	3	3	3
Наличие боковых секторов помех и степень их интенсивности	-	-	1	2	2	3	3

Группировка РТВ ВНА по состоянию на 18 декабря 1972 года. Нижняя граница сплошного радиолокационного поля над Тонкинским заливом составляла 400—500 м, вдоль вьетнамско-китайской границы — 1000 м, вдоль вьетнамско-лаосской границы — 3000 м. Верхняя граница радиолокационного поля составляла 22—25 тыс. м

▲ Вид экрана индикатора РЛС П-35 при одновременном воздействии шумовых помех от отряда самолетов В-52 и пассивных помех, поставленных самолетами F-4

▲ Вид активной шумовой помехи от отряда самолетов В-52 на экране РЛС П-12

ка самонаводящихся снарядов, числа, типов, а также боевых порядков самолетов.

В зависимости от направления полета маловысотных целей боевые расчеты РЛС применяли разные способы: режим накопления — при полетах целей со стороны моря; режим «К» или «стробирование местных предметов» — при их полетах со стороны гор. При поиске цели основным режимом фазирования антенн был режим Ф-2, при проводке ее — режим Ф-1, который через 2—3 оборота антенн переключался на Ф-2, что повышало вероятность обнаружения новых целей, летящих на малых высотах.

Для обнаружения низколетящих целей использовался также и высотомер ПРВ-11, работавший в режиме кругового обзора на автономный индикатор в масштабе 100—150 км и обеспечивавший селекцию целей на высотах менее 1000—2500 м.

Вместе с тем необходимо отметить, что обнаружение и проводка самолетов F-111A, летящих на высоте менее 300 м, были крайне затруднены или просто невозможны. Дальность обнаружения в большинстве случаев была настолько мала, что даже при децентрализованном оповещении батареи не успевали своевременно открыть огонь.

Серьезной проблемой была и защита РЛС от противорадиолокационных снарядов (ПРС). Так, на РЛС специально назначались операторы для определения отметок от самонаводящихся снарядов в радиусе до 100 км. Постоянно включенными оставались только РЛС метрового или дециметрового диапазона; после об-

наружения ими целей разрешалось включать РЛС сантиметрового диапазона. В ряде случаев использовались данные о пуске самонаводящихся снарядов от постов визуального наблюдения.

Для защиты РЛС П-35 применялся режим «мерцание», т.е. периодическое включение и выключение высокого напряжения всех передатчиков одновременно, что приводило к срыву управления ПРС и его падению на безопасном удалении. Выключение и включение высокого напряжения осуществлялись вручную. Применялись два способа использования режима «мерцание»: первый — при обнаружении и проводке самолетов противника, второй — при наведении своих истребителей. В первом случае передатчики включались на один оборот антенны (10 с), затем выключались на два оборота (20 с). Цикл повторялся до тех пор, пока в зоне возможного пуска ПРС (до 50 км от РЛС) находились американские самолеты. Во втором случае передатчики включались только в секторе наведения через один оборот антенны. Ширина сектора выбиралась в зависимости от взаимного расположения ПРС и истребителя.

Для защиты высотомеров ПРВ-11 применялся способ быстрого качания антенны и непрерывного изменения азимута приемопередающей кабины (ППК). Для измерения высоты цели приемопередающая кабина высотомера останавливалась на азимуте цели на несколько секунд, после чего азимут изменялся на 50—60°. Однако этот способ оказался менее эффективным и надежным, чем режим «мерцание», применявшийся на РЛС П-35. Так,

20 декабря высотомер ПРВ-11, находившийся на позиции в 12 км северо-западнее Ханоя, был выведен из строя противорадиолокационным снарядом. Подрыв ПРС произошел в воздухе в 8 м от ППК, в результате чего были повреждены кабель, волновод и часть аппаратуры. Устранение повреждений проводилось силами личного состава роты и заняло 4 ч. 26 декабря ПРС разорвался в воздухе на расстоянии 6 м от ППК, в результате высотомер получил серьезные повреждения, для устранения которых потребовалось уже двое суток. Надо отметить, однако, что, несмотря на большое число пусков противорадиолокационных снарядов по позициям радиолокационных рот, серьезных случаев поражения техники не было. Подрывы ПРС происходили, как правило, довольно далеко от РЛС.

*Публикацию подготовил
генерал-полковник
в отставке
А.И. ХЮПЕНЕН*

ЭВОЛЮЦИЯ ОГНЕВОГО ПОРАЖЕНИЯ ПРОТИВНИКА.

Конец XIX — начало XXI века

АКТУАЛЬНОСТЬ предлагаемой вниманию читателей статьи обусловлена постоянно возрастающим значением в современных условиях роли огневого поражения в операции (бою). Автор на основе анализа исторических фактов XIX—XX вв., опыта локальных войн XX—XXI вв. и собственного многолетнего опыта службы в ракетных войсках и артиллерии рассматривает эволюцию совершенствования всех элементов, составляющих огневое поражение и дает обоснованные прогнозы его дальнейшего развития. В статье рассказывается о научном вкладе российских ученых в решение теоретических, технических и практических проблем организации и осуществления огневого поражения, что прежде всего связано с созданием и оснащением российской армии нарезными орудиями, заряжаемыми с казенной части и имеющими противооткатные устройства, появлением первых образцов ракетного оружия и, что немаловажно, разработкой теории стрельбы и на ее основе «правил стрельбы» наземной артиллерии.

В то же время справедливо отмечается отставание развития средств разведки, управления, топогеодезического и метеорологического обеспечения, существенно влияющее на эффективность огневого поражения, не позволяющее в полной мере реализовать возможности РВИА как рода Сухопутных войск.

Автором профессионально и обстоятельно рассматриваются вопросы совершенствования огневого поражения в Великой Отечественной войне, в послевоенный период при появлении ядерного оружия и в настоящее время, а также правомерно даются рекомендации, связанные с созданием единой общевойсковой разведывательно-огневой системы Сухопутных войск, путей ее формирования.

ПОИСТИНЕ прорывным событием в совершенствовании огневого поражения противника силами и средствами артиллерии стало появление на рубеже XIX и XX веков орудий со стальными нарезными стволами, стрелявшими продолговатыми снарядами, зарядание которыми производилось с казенной части. Решающий научный вклад в дело перевооружения русской артиллерии нарезным оружием внес генерал от артиллерии Н.В. Маиевский (1823—1892). Его трудами «О влиянии вращательного движения снарядов на углубление их в твердые среды» и «Курс внешней баллистики» были заложены теоретические основы создания нарезной артиллерии. Под его руководством были разработаны основные технические вопросы, связанные с усовершенствованием артиллерийского вооружения во второй половине XIX века. Все сконструированные им типы орудий полевой и крепостной артиллерии по своим качествам не имели равных в мире.

Важнейшее значение в области проектирования и технологии

производства артиллерийских стволов имели труды выдающегося ученого-артиллериста А.В. Гадолина. Он первым предложил способ изготовления двух- и более слойных стволов, что решило проблему их прочности без увеличения общего веса орудий, позволяя при этом повысить их мощность и дальность.

Трудами В.С. Барановского и А.П. Энгельгардта были созданы стальные лафеты, противооткатные устройства, унитарный патрон, быстродействующие механизмы наведения, зарядания и выстрела, что обеспечило повышение скорострельности с двух—трех до десяти выстрелов в минуту. В это же время Р.А. Дурляхов разработал дульный тормоз к полевой пушке, а внедрение в конце 80-х — начале 90-х годов XIX века бездымного (пироксилинового) пороха группой инженеров под руководством профессора Михайловской артиллерийской академии Н.П. Федорова по существу завершило обновление отечественной артиллерии, начатое вооружением русской армии нарезными орудиями в 1860 году.

Появившаяся техника обладала новыми качествами: дальностью, скорострельностью, меткостью, повышенной мощностью действия снаряда у цели, маневренностью, которые открывали большие возможности в решении огневых задач. Для их реализации необходимо было разработать более современные методы стрельбы и тактики боевого применения артиллерии.

Основы теории стрельбы нарезной артиллерии заложил профессор Михайловской артиллерийской академии полковник В.Н. Шкларевич. В 1874 году он создал первые научно обоснованные Правила стрельбы для дальнобойной нарезной полевой артиллерии. Еще в 60-е годы XIX века Н.Л. Чебышев (брат математика П.Л. Чебышева) разработал простейшие способы стрельбы с закрытых позиций. Эту идею развил и теоретически обосновал К.Г. Гук в своем труде «Закрытая стрельба полевой артиллерии» (1882). Впервые в боевой обстановке стрельбу с закрытой огневой позиции применил при обороне Порт-Артура в начале мая 1904 года командир батареи капитан Л.Н. Гобято. А 11 июля 1904 года в бою под Дашчао артиллеристы 1-й и 9-й Восточно-Сибирских артиллерийских бригад впервые в боевых условиях массово применили стрельбу с закрытых огневых позиций и достигли значительных успехов в «заблаговременном» огневом поражении артиллерии противника.

В начале XX века развитие способов огневого поражения продолжилось. Были приняты на вооружение семь новых артиллерийских систем различного калибра и назначения, начиная с 76-мм горной пушки и кончая 203-мм мортирой, а в 1915 году была принята на вооружение 305-мм система, которая участвовала в Великой Отечественной войне в боях за Ленинград и при взятии Кёнигсберга.

Совершенствовалась штатная организация артиллерии. Полевая артиллерия стала делиться на легкую, конную, конно-горную, мортирную (гаубичную) и тяжелую. В легких и горных батареях было по 8 орудий, в конных и мортирных — по 6, в тяжелых — по 4

орудия. Дивизионы состояли из 2—3 батарей. Корпусная артиллерия представлялась дивизионом или полком 122-мм легких гаубиц, а дивизионная — бригадой или полком 76-мм пушек.

Большое внимание было уделено разведке и связи. В полевые батареи включали команды разведчиков с артиллерийскими стереотрубами (АСТ) и телефонистов со средствами проводной связи. В 1906 году была принята на вооружение оптическая орудийная панорама, в 1909 году — буссоль Михайловского-Турова, стоявшая на вооружении до конца Великой Отечественной войны. В том же 1909 году капитан Н.А. Бенуа разработал первую в мире звукометрическую станцию для засечки стреляющих батарей.

В порядке организационного совершенствования огневого поражения противника был осуществлен решительный переход к стрельбе с закрытых позиций, подчеркивалась исключительная роль стрельбы группой батарей, были разработаны и внедрены в практику войск методы ведения сосредоточенного огня, огня шрапнелью, методы борьбы с артиллерией и способы стрельбы по батареям противника. Особый упор делался на взаимодействие артиллерии с пехотой и конницей. Боевые действия артиллерии на главном направлении должны были планироваться и вестись под руководством одного начальника.

РУССКИЕ артиллеристы были хорошо подготовлены к Первой мировой войне. Кайзеровские и австро-венгерские войска, действовавшие в маневренный период войны в линейных боевых порядках («цепями»), и их артиллерия на открытых огневых позициях несли колоссальные потери от огня русской артиллерии.

Боевые действия в позиционных условиях потребовали новых средств разведки и корректирования огня. В 1915—1916 гг. была создана специальная артиллерийская авиация, на самолетах которой были установлены первые в мире автоматические пленочные аппараты для маршрутной съемки. Появилась бомбардировочная авиация, в связи с чем увеличилась глубина огневого поражения противника и оно стало комплексным. Для подавления траншейной обороны потребовались большое количество артиллерии, проведение продолжительной артиллерийской подготовки атаки и более тесное взаимодействие огня артиллерии и действий войск. В эти же годы началось формирование 48-го артиллерийского корпуса тяжелой

артиллерии особого назначения (ТАОН), в состав которого входили шесть тяжелых артиллерийских бригад (388 орудий от 120-мм до 305-мм калибра). Так зародилась артиллерия РГК.

Выдающимся событием в кампании 1916 года стала наступательная операция Юго-Западного фронта — Брусиловский прорыв, охарактеризованная возросшей ролью и творческим применением артиллерии. Были массово использованы все приемы и методы огневого поражения противника, теоретически и практически наработанные после Русско-японской войны с учетом ее опыта: артиллерия сосредоточивалась на участках прорыва с плотностью от 18 до 35 орудий на 1 км фронта; артиллерийская подготовка в армиях планировалась централизованно по конкретным целям продолжительностью от 8 до 48 ч; атака поддерживалась подвижным огнем или огневыми завесами (огневым валом это еще не называлось); для обеспечения тесного взаимодействия наблюдательные пункты артиллерии располагались вблизи наблюдательных пунктов командиров поддерживавшихся пехотных частей; в армиях на основе придававшейся артиллерии создавались артиллерийские группы по конкретным задачам, а именно: группы противобатарейной борьбы и группы разрушения; корпусная артиллерия и часть артиллерии дивизий ударных корпусов объединялась под управлением одного начальника; часть артиллерии оставалась у командиров дивизий для непосредственной поддержки пехоты; с началом атаки часть легкой артиллерии действовала в качестве орудий сопровождения в боевых порядках пехоты; часть артиллерии выделялась в резерв. Расчет установок для стрельбы с закрытых огневых позиций производился с учетом отклонения ряда условий стрельбы от табличных. Появление новых средств разведки, увеличение точности определения координат целей и учет условий стрельбы позволили заложить основы полной подготовки установок для стрельбы на поражение.

В ходе операции Юго-Западного фронта войска прорвали глубокоэшелонированную оборону противника в полосе 470 км и продвинулись на глубину от 60 до 150 км. Австро-венгерская армия в этой операции потеряла около 1,5 млн. человек.

КОНЦУ Первой мировой войны огневая мощь русской артиллерии значительно возросла, ее количественный состав

увеличился с 7 до 10 тыс. орудий. Боевые действия показали, что успех боя и операции обеспечивается решительным сосредоточением артиллерии на главном направлении, умелым созданием артиллерийских групп и твердым управлением их огнем, проведением артиллерийской подготовки атаки, непрерывной поддержкой наступающих, тесным взаимодействием огня и движения войск и всесторонним материальным обеспечением. Огневое поражение стало одним из основных факторов достижения конечных целей операции (боя). Методы огневого поражения противника, примененные в ходе Брусиловского прорыва и других операций Первой мировой войны, стали предметом пристального изучения и дальнейшего совершенствования вплоть до начала Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Гражданская война не внесла каких-либо новых решений в организацию и ведение огневого поражения противника. Можно отметить опыт установки орудий на железнодорожные платформы, баржи, пароходы для создания своего рода подвижных артиллерийских батарей. Впервые в военном искусстве при обороне Каховского плацдарма в августе—сентябре 1920 года была создана противотанковая артиллерийская оборона, которая успешно противостояла войскам Врангеля.

Двадцатилетний период (1921—1941) между Гражданской и Великой Отечественной войнами в строительстве артиллерии был весьма напряженным и результативным. Техническая политика перевооружения была такой же, как и нынче, — в два этапа: на первом — модернизация, на последующем — создание новых образцов. При этом модернизировалось только то, что мало стоило и просто осуществлялось, а основные усилия науки и конструкторской мысли были направлены на создание новых перспективных образцов вооружения. Страна, преодолевая разруху после двух войн, нашла силы и средства для перевооружения своей армии и создала систему вооружения, в частности артиллерийского, качественно превосходящую системы армий капиталистических государств, в том числе и Германии. Однако следует признать, что средства разведки, управления, связи, топогеодезического, метеорологического и баллистического обеспечения огневого поражения существенно отставали в своем развитии. Возникла «хроническая болезнь» в строительстве рода войск, продолжающаяся до сих пор. Суть ее заключается в

том, что средства обеспечения, отставая в своем развитии, не позволяют реализовывать все имеющиеся потенциальные возможности ракетных и артиллерийских средств поражения. В настоящее время это отставание особенно ощутимо в области развития средств разведки и управления.

Основным идейным стержнем развития тактики артиллерии и соответственно огневого поражения противника явились положения теории глубокого боя (глубокой операции). Признавалось необходимым обеспечить пехоту, танки и кавалерию огнем артиллерии на всю глубину выполнения боевых задач. С этой целью предусматривалось: в наступлении проводить артиллерийскую подготовку атаки и артиллерийское сопровождение; в обороне поддерживать огнем артиллерии действия передовых отрядов, боевого охранения, скользящей (первые эшелоны) и ударной (вторые эшелоны и резервы) групп войск. В наступлении предусматривалось создание из штатной и приданной артиллерии временных артиллерийских групп: в дивизии — групп поддержки пехоты (ПП) по числу полков первого эшелона; в корпусе — группы дальнего действия (ДД) и группы артиллерии разрушения (АР) по числу дивизий на главном направлении. При организации прорыва обороны считалось необходимым создавать плотность артиллерии, равную 75—110 орудиям и минометам на 1 км фронта участка прорыва. Учитывая опыт Первой мировой войны, в ходе которой продолжительность артиллерийской подготовки атаки от нескольких дней в 1915—1917 гг. сократилась до 1,5—3 часов в 1918 году, считалось, что артподготовка может быть от 1,5 до 2 часов в зависимости от условий. С развитием боя в глубине обороны противника от артиллерии требовалось последовательно подавлять очаги сопротивления перед фронтом и на флангах наступающих войск, артиллерию, органы управления, объекты тыла противника, а также воспрепятствовать огнем его контратаки, маневр резервами и отходящими частями.

В ходе оборонительных действий артиллерия готовила огонь по районам сосредоточения противника, маршрутам его выдвижения, перед передним краем и в глубине своей обороны. Она подготавливала дальние огневые нападения (ДОН), сосредоточенный огонь (СО), неподвижный заградительный огонь (НЗО) и противотанковый огонь заграждения (ПТОЗ). Предусматривались подготовка и ведение массированно-

го огня, проведение артиллерийской контрподготовки и поддержка контрударов.

На основе боевого опыта, полученного в военных конфликтах 1939—1940 гг. (Хасан, Халхин-Гол, Финляндия), выявилась необходимость в период артиллерийской подготовки атаки привлекать орудия прямой наводки для разрушения ДОСов, ДЗОСов, ДОТов. Также пришли к выводу, что артиллерия должна поддерживать атаку танков и пехоты при прорыве обороны противника огнем валом, последовательным сосредоточением огня или их комбинацией в сочетании с огнем орудий танковой поддержки, ведущих огонь прямой наводкой.

ВЕЛИКАЯ Отечественная война подтвердила правильность технической политики в создании средств и основных положений организации и ведения огневого поражения противника, выработанных в мирное время. Этим мы обязаны прежде всего выдающимся ученым, конструкторам и организаторам военной науки: В.А. Алексееву, В.А. Артемьеву, А.А. Благоднарову, Д.Н. Вишневному, В.Н. Верховому, П.А. Гельвиху, В.Г. Грабину, И.П. Граве, В.Д. Грендалю, Н.Ф. Дроздову, Р.А. Дурляхову, В.Г. Дьяконову, Н.Е. Жуковскому, Г.А. Забудскому, И.И. Иванову, В.А. Ильину, С.Н. Капустину, И.Т. Клейменову, С.П. Королеву, А.Н. Крылову, Г.Э. Ленгемаку, Л.В. Люльеву, А.А. Намову, Г.В. Оплокову, Ф.Ф. Петрову, С.Г. Петровичу, Б.С. Петропавловскому, Ю.А. Победоносцеву, В.К. Пономареву, М.В. Ростовцеву, А.К. Сивкову, А.В. Таланову, Н.И. Тихомирову, В.М. Трофимову, Ф.А. Цандеру, С.А. Чаплыгину, Б.И. Шавырину, Я.М. Шапиро. Приведенные имена ученых и конструкторов составляют всего лишь небольшую долю процента всех тех, кто создавал огневую мощь Вооруженных Сил Советского Союза.

Великая Отечественная война внесла в рассматриваемый вид боевых действий много нового. Битва под Москвой положила начало новому этапу в боевом применении артиллерии и организации огневого поражения в наступлении. В директивном письме Ставки ВГК от 10 января 1942 года было сформулировано требование применять артиллерию не разрозненно, а массировать ее на направлении главных ударов. От нее требовалась непрерывная поддержка пехоты и танков в течение всего наступательного боя. Огонь артиллерии должен был вести их за собой от одной атакуемой позиции к другой. Такой порядок действий артиллерии получил

название «артиллерийское наступление». Впервые в наиболее полном объеме оно было организовано и проведено в контрнаступлении под Сталинградом. Директива об «артиллерийском наступлении» в сущности не меняла выработанной до войны схемы огневого поражения, но уточняла и усиливала ее. В это же время были разработаны и практически освоены основы организации и ведения «авиационного наступления».

По мере роста качественно-количественного состава артиллерийского вооружения возрастало массирование сил и средств огневого поражения на главных направлениях, что позволяло достигать огневого превосходства над противником и высокой степени его поражения, обеспечивавшей успешные действия пехоты и танков.

Опыт начального периода войны потребовал перейти к созданию артиллерийских групп по организационно-тактическому признаку. Как в наступлении, так и в обороне создавались полковые (ПАГ), дивизионные (ДАГ), корпусные (КАГ) и армейские (ААГ) артиллерийские группы. Это прежде всего обеспечило более тесное взаимодействие артиллерии с пехотой и танками, повысило оперативность управления артиллерией, улучшило условия подготовки и ведения сосредоточенного и массированного огня, организацию разведки и связи.

ОПЕРАЦИИ Великой Отечественной войны подтвердили правильность положения о том, что успех прорыва обороны противника обеспечивается проведением мощной артиллерийской подготовки атаки. Артиллерийская подготовка стала важнейшим этапом артиллерийского наступления. Изменение ее параметров в ходе войны шло следующим образом:

глубина одновременного подавления обороны противника увеличивалась до позиций дивизионных резервов (6—8 км от переднего края), а в ряде случаев и до позиций корпусных резервов (10—12 км);

продолжительность артиллерийской подготовки атаки, как правило, была 1—2 часа, иногда больше, например при штурме Кёнигсберга — 3 часа. С ростом плотности артиллерии артиллерийская подготовка имела тенденцию к сокращению до 20—40 мин. Так, в Висло-Одерской и Берлинской операциях она шла 20—25 мин;

в построении артиллерийской подготовки атаки все больший вес приобретали огневые налеты (до 50 проц. времени и более);

для быстрого и эффективного решения задач по уничтожению важных целей на переднем крае и

в ближайшей глубине в ходе артиллерийской подготовки практиковалось поражение их огнем орудий прямой наводки. Плотность орудий, выделенных для этих целей, составляла 20—25 и более на 1 км фронта.

Методы артиллерийской поддержки атаки определялись характером обороны противника, степенью ее вскрытия, наличием артиллерии и боеприпасов. В зависимости от этих условий применялись последовательное сосредоточение огня (ПСО), огневой вал, сочетание огневого вала и ПСО. Шел непрерывный поиск способов увеличения глубины одновременного огневого поражения в ходе поддержки атаки и обеспечения тесного взаимодействия огня и движения пехоты и танков. С целью решения этой проблемы довольно широко применялись двойной огневой вал, метод сползания, двойное ПСО, в системе огневого вала велся сосредоточенный огонь и огонь по отдельным целям. Целесообразным оказалось ведение дивизионных, батарейных и взводных залпов реактивной артиллерии по целям в глубине внакладку с огнем ствольной артиллерии. Глубина артиллерийской поддержки атаки составляла 1,5—2,5 км и определялась глубиной обороны батальонов первого эшелона. В операциях 1944—1945 гг. глубина поддержки атаки достигала 3—4 км, до позиций полковых резервов.

Различный характер выполнявшихся задач с развитием боя в глубине вражеской обороны, последовательность и способы их решения артиллерией, необходимость удержания огневого превосходства над артиллерией противника, поддержания тесного взаимодействия с пехотой, танками и авиацией определили потребность в выделении отдельного периода артиллерийского наступления — периода сопровождения пехоты и танков в глубине. Боевой опыт показал, что основным видом огня в ходе сопровождения пехоты и танков при бое в глубине являлся массированный огонь, который осуществлялся в масштабе артиллерии дивизии, корпуса, армии с привлечением до 15—20 артиллерийских дивизионов. Применялись и все другие виды огня. Особенно тщательно планировалось и осуществлялось огневое поражение с целью обеспечения ввода в сражение подвижных групп фронтов и армий с целью завершения прорыва обороны и развития успеха операции.

В ходе Великой Отечественной войны была решена важнейшая задача огневого поражения танков противника путем создания

системы глубокой противотанковой обороны, основу которой составляли противотанковые опорные пункты и сильные противотанковые резервы различного уровня, действовавшие во взаимодействии с подвижными отрядами заграждения. К борьбе с танками привлекались все виды артиллерии, в том числе зенитная. Была заново создана пушечная противотанковая артиллерия. В борьбе за завоевание огневого превосходства получило теоретическое обоснование и практическое развитие огневое поражение артиллерийских и минометных батарей противника — контрбатареиная борьба.

В тот период была материально и организационно создана реактивная артиллерия. О масштабах ее развития говорят следующие цифры: к концу 1944 года наша оборонная промышленность поставила в войска 10 114 самоходных боевых машин (в это число не вошли пусковые станки для запуска реактивных снарядов крупного калибра) и 12 570 000 реактивных снарядов. Такие высокие темпы становления реактивной артиллерии обеспечили ученые и конструкторы А.И. Семенов, А.Г. Мрыкин, Л.В. Виноградов, Я.Б. Шор, С.А. Христианович, В.Г. Бессонов, Ф.Н. Пойда, М.П. Горшков, В.П. Бармин и коллектив его СКБ.

Во время войны получили дальнейшее развитие управление огнем и все виды обеспечения огневого поражения — артиллерийская разведка, топогеодезическое, метеорологическое, баллистическое обеспечение стрельбы. Были разработаны и введены в действие Правила стрельбы 1942 года (ПС-42), с которыми артиллеристы и закончили войну. Этими правилами наряду с полной подготовкой вводился новый способ расчета установок для стрельбы на поражение — методом пристрелочных орудий (ПОР). Однако основным способом расчета установок для стрельбы на поражение оставался перенос огня от пристрелянного репера и использование пристрелянной поправки (упрощенный способ ПОР). В ПС-42 более широко излагалась контрбатареиная борьба и давались рекомендации по стрельбе прямой наводкой.

Таким образом, Великая Отечественная война внесла огромный вклад в развитие огневого поражения, основных принципов его организации и ведения. Во многом это стало заслугой таких выдающихся организаторов, как Д.Ф. Устинов, Б.Л. Ванников, П.И. Паршин, Н.Н. Воронов, Н.Д. Яковлев, М.Н. Чистяков, Ф.А. Самсо-

нов, М.И. Неделин, В.И. Казаков, К.П. Казаков, Г.Ф. Одинцов, Н.С. Фомин, Н.А. Хлебников, М.М. Барсуков, Г.С. Кариофилли, А.К. Сивков, Н.Н. Жданов.

В ПОСЛЕВОЕННЫЕ годы, вплоть до принятия на вооружение ядерного оружия, а по некоторым направлениям и по сей день, развитие огневого поражения достигается изучением, осознанием опыта войны и дальнейшим совершенствованием приемов и способов его подготовки и ведения. В этом эволюционном процессе необходимо отметить ряд весьма значимых событий и их творцов.

Так, в 1950-е годы благодаря высокому уровню профессионального обучения командиров и штабов на существовавших тогда средствах поражения и подготовки стрельбы были достигнуты феноменальные результаты по управлению сосредоточенным и массированным огнем больших масс артиллерии. Например, сосредоточение огня артиллерийской группы на основе полной подготовки по любой цели осуществлялось за 50—55 сек. Трудными Г.И. Баскова, Г.И. Блинова, С.Б. Борщевского, Н.П. Бусленко, Б.А. Гавердовского, К.Д. Гребнева, И.Д. Гублера, И.В. Долинина, В.Г. Дьяконова, Г.М. Изумрудова, С.Н. Капустина, А.И. Колмогорова, Л.И. Кузьмина, М.А. Оськина, А.А. Свешникова, Н.М. Фендрикова, А.А. Червоного, П.А. Шетинина были первоначально решены вопросы сведения ошибок подготовки к двум группам, разработаны способы оценки эффективности сосредоточенного и массированного огня, предложены соответствующие показатели эффективности огневого поражения и законы поражения целей; при обосновании Правил стрельбы распределение цели заменено распределением центра рассеивания. На основе анализа документов планирования и реализации огневого поражения в успешных операциях Великой Отечественной войны были обоснованы критерии для определения степени поражения целей. Были рассчитаны нормы расхода снарядов для планирования огневого поражения и расчета запасов боеприпасов на соответствующих театрах военных действий. В этот же период началась работа по созданию методики оперативно-тактических расчетов планирования огневого поражения (затем комплексного огневого поражения). Работа по ее совершенствованию продолжается по сей день.

С появлением ядерного оружия революции в огневом поражении противника не произошло. Прин-

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ВETERАНСКАЯ ЖИЗНЬ «МЕГАПИРА»

ЗАМЕТНАЯ роль в ветеранском движении Российской Федерации принадлежит Ассоциации офицеров запаса Вооруженных сил «Мегапир». Ассоциация оказывает постоянную и существенную материальную помощь ветеранам Великой Отечественной войны и военной службы, ведет активную работу с молодежью по патриотическому воспитанию будущих воинов на героических традициях, занимается плодотворной издательской деятельностью.

О значительном вкладе сообщества в ветеранское движение можно судить по насыщенным мероприятиям, проведенным активистами ассоциации в 2005 году в честь 60-летия Великой Победы, а также по географической широте охвата их деятельности. Так, в соответствии с планом юбилейных мероприятий представители «Мегапира» побывали в Калужской и Владимирской областях, в Ставрополье и на Кубани, в Северной Осетии и многих других местах. В поселке Кондрово Калужской области организовали выступление бывших фронтовиков перед местной молодежью, во Владимире провели конференцию, посвященную 60-летию Победы, во Владикавказе — презентацию выпущенной в свет издательским домом «Мегапир» книги «Гордость Осетии», весь тираж которой (3000 экземпляров) был передан в дар Республике Северная Осетия — Алания.

Интересным получился публичное обсуждение другого «мегапировского» издания — «60 лет полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады». Проходило оно в Доме офицеров Ленинградского военного округа в Санкт-Петербурге при участии представителей руководства города и области, ветеранских и общественных организаций, силовых ведомств и военных вузов. Делегацию «Мегапира» возглавлял председатель совета директоров ассоциации доктор философских наук полковник запаса А.Н. Канышин. В подготовке материалов для книги перед ее выходом в свет и в дискуссии по ней активно участвовали члены совета Философского клуба ассоциации «Мегапир».

Представительная делегация ассоциации во главе с Маршалом Советского Союза Д.Т. Язовым побывала в Краснодаре. После городского собрания, посвященного Дню памяти и скорби, на площади Павших героев у Вечного огня состоялась церемония возложения венков. Затем прошли презентация книги Д.Т. Язова «Ударт судьбы» и встречи с личным составом Краснодарского высшего военного училища, активом ветеранских организаций, представителями науки, детьми — стипендиатами фонда «Мегапир», 700 человек из которых были поощрены премиями.

Поощрены были и участники всероссийских состязаний артиллеристов, состоявшихся в Лужском учебном центре. Воинским коллективам, ставшим призерами, вручили легковой автомобиль, телевизор, музыкальный центр. Не остался без внимания ветеранской организации и личный состав подшефного артиллерийского полка Таманской дивизии: в честь Дня ракетных войск и артиллерии передовым войнам части представители «Мегапира» вручили премии.

Крепки у ассоциации и зарубежные связи. Так, осенью 2005 года официальная делегация «Мегапира» выезжала в США на международную конференцию, проводившуюся Ассоциацией армии США. В ходе визита представители «Мегапира» посетили выставку техники и вооружения, приняли участие в дискуссии с руководителями американских региональных отделений, а также преподавателями и студентами Гарвардского университета.

А.В. МЕДВЕДЕВА,
студентка Московского
гуманитарно-экономического
института

ципы организации, способы и методы его ведения не изменились, а только трансформировались применительно к изменившимся условиям. Прошло время, атомный ажиотаж утих, и огневое поражение противника как основной способ достижения конечных целей боевых действий снова заняло свое место в военном искусстве. Более того, оно становится фактором не только тактического, но и оперативного значения, а опыт последних войн убеждает в том, что и фактором стратегического значения в достижении конечных целей войны.

НА РУБЕЖЕ XX и XXI вв. развитие огневого поражения противника происходит под воздействием следующих обстоятельств: появились тактические и оперативно-тактические ракеты, крупнокалиберные системы РСЗО, способные наносить огневые удары на большую глубину; интенсивно поступает на вооружение самоходная артиллерия; создаются совершенные образцы радиолокационной, воздушной, звуковой разведки; развивается и внедряется в войска автоматизированная система управления; появляются соответствующие современным требованиям образцы (комплексы) средств топогеодезической, метеорологической и баллистической подготовки стрельбы артиллерии и пусков ракет; разрабатываются и постоянно совершенствуются противотанковые комплексы с противотанковыми управляемыми реактивными снарядами (ПТУРС); наконец, принимаются на вооружение новые высокоточные боеприпасы, качественно-количественные параметры которых и будут определять перспективный облик ракетных войск и артиллерии Вооруженных сил Российской Федерации как современной разведывательно-огневой системы.

В теории огневого поражения на высоком научном уровне решены вопросы оценки поражающего действия боеприпасов, эффективности поражения объекта с учетом функции восстановления его боеспособности и эффективности поражения группировок противника. Создается специальное математическое обеспечение для решения задач огневого поражения в автоматизированной системе управления и разрабатываются соответствующие комплексы средств автоматизации управления ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск (КСАУ РВиА СВ). Разрабатываются методология оперативно-тактического обоснования развития Ракетных войск и артиллерии Сухопутных войск, идеология и концепция ее качественно-количес-

венного перехода в современную разведывательно-огневую систему (РОС) как составную часть общевойсковой РОС.

Во всех направлениях обоснования развития средств и методов огневого поражения силами и средствами РВиА, реализации их в металле и практике применения войсками участвовали и продолжают это делать сейчас представители многих научных коллективов Министерства обороны, КБ и НИУ промышленности. На основе научно-технических и производственных результатов этой работы еще в 1983 году под руководством начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза Н.В. Огаркова в Прибалтике было проведено исследовательское учение с целью отработки вопросов применения «прототипов» разведывательно-огневых и разведывательно-ударных комплексов в ходе подготовки и ведения разведывательно-огневой операции. Думается, что выводами, полученными по результатам этого учения, очень продуктивно воспользовались в НАТО и США при строительстве своих разведывательно-огневых сил, что подтверждается характером действий их войск в локальных войнах XX века.

Анализ истории развития вооруженной борьбы и вооружений, в частности эволюции развития огневого поражения противника за последние более чем сто лет, свидетельствует: для того чтобы ускорить процесс создания Вооруженных сил в облике современной разведывательно-огневой системы, необходимо уже сейчас на основе имеющегося вооружения, совершенствуя организацию войск и способы их действий, приступить к практической реализации новых принципов огневого поражения и достигать по его результатам конечных целей тех или иных боевых действий. Для ведения разведывательно-огневых действий целесообразно создавать разведывательно-огневые группировки того или иного уровня и назначения, возглавляемые теми командами (начальниками), средства поражения которых выполнят основной объем задач по огневому поражению противника в операции (бою). Это будут либо артиллеристы, либо авиаторы. Практическое изучение разведывательно-огневых действий позволит быстрее и более обоснованно решить проблемы строительства современных Вооруженных Сил в облике современной разведывательно-огневой системы и организации огневого поражения в новых условиях.

**Полковник в отставке
А.А. БОБРИКОВ**

ДВОЙНАЯ «ДИПЛОМАТИЯ» ЯПОНСКИХ СПЕЦСЛУЖБ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

НАКАНУНЕ и в ходе Второй мировой войны армейское и флотское командование Японии не только оказывало решающее влияние на внешнеполитический курс правительства, но в ряде случаев открыто вторгалось в сферу компетенции дипломатического ведомства. Проводились соответствующие самостоятельные акции через военных и военно-морских атташе, а также других чинов генштаба армии и главного морского штаба, командированных со специальными миссиями в дипломатические учреждения за рубежом. Этот параллелизм был назван самими японцами «нидзю-гайко», т.е. двойной дипломатией, примером которой могут служить японо-германские переговоры в 1936 году по поводу заключения антикоминтерновского пакта. Они велись военным атташе в Берлине Осимой исключительно по директивам высшего армейского командования. Японское министерство иностранных дел, поставленное перед свершившимся фактом уже после успешного завершения переговоров, вынуждено было согласиться с утверждением главного переговорщика в должности посла в Германии с целью продолжения его миссии — зондирования почвы для установления в последующем японо-германского военного союза.

Система двойной дипломатии ставила японских военных и военно-морских атташе в совершенно независимое положение от МИД, а следовательно и от дипломатических представительств, в штате которых они числились, что приводило к острым ситуациям, возможным, пожалуй, только в практике японских дипломатических учреждений. Так, из-за происшедшего в 1936 году острого конфликта между японскими представителями в Тегеране, военным атташе и посланником последний, о чем свидетельствуют исследуемые документы, вынужден был обратиться к иранской полиции с просьбой защитить его от враждебно настроенного соотечественника.

В силу этих японских специфических особенностей должности

военного и военно-морского атташе, как правило, служили трамплином для успешной военной и политической карьеры. Высшие военные руководители Японии (генералы и адмиралы, занимавшие посты министров, руководителей разведки, командующих армиями и эскадрами) почти все имели в своих послужных списках стаж военно-дипломатической работы. Например, премьер-министры из военных (генералы Танака, Абэ, Хаяси, адмиралы Като, Йонаи, Суэугу), военные министры (Араки, Тероучи, Итагаки), начальник генерального штаба (фельдмаршал Сугияма), командующий соединенной эскадрой (адмирал Яомото) и многие другие, состоя в штаб-офицерских чинах, прошли школу военных и военно-морских атташе или официальных военных резидентов за границей. Их дальнейшему продвижению способствовало то, что они находились в курсе установок высшего командования и предстоящих изменений в политике, получая заранее соответствующую информацию либо от своего руководства, либо от осведомленных коллег. Так, чины военных и военно-морских атташе (атташатов) в СССР были заблаговременно поставлены в известность о предстоящих операциях японских войск на юге и об окончательном решении своего правительства начать войну с Соединенными Штатами Америки и Великобританией в конце 1941 года. Об этом можно судить по письму майора Нохары помощнику военного атташе в СССР подполковнику Нагахаме от 5 октября, где сообщалось о том, что вопрос о продвижении японских войск на юг Индокитая разрешится в начале ноября, и это сообщение полностью подтвердилось. Такую же информацию содержали письма, отосланные из Токио диппочтой 2 ноября (за месяц до начала войны на Тихом океане) в адрес военно-морского атташе в СССР, из которых можно узнать о решении правительства генерала Тодзэ начать войну со США и Англией и двинуть войска на юг.

В одном из подобных посланий, полученных военно-морским атташе в СССР капитаном 1 ранга

Ямагучи из главного морского штаба Японии, обращалось, к примеру, особое внимание на то, что «выкладки и прогнозы относительно внутривнутриполитической и внешнеполитической ситуации империи», приобретающие первостепенное значение, во многом будут зависеть от одного «из важнейших факторов», т.е. линии поведения Советского Союза в отношении Японии, «когда наступят ожидающие нас события». Исходя из таких соображений, военно-морскому атташе предлагалось проанализировать перспективы политической и военной мощи правительства Сталина: в какой степени СССР может в будущем влиять на развитие ситуации на Дальнем Востоке, в частности в Китае; можно ли уже констатировать то или иное изменение в характере власти Сталина; до каких пределов Германия сможет развивать наступательную мощь, а СССР оказывать сопротивление; какую позицию займет СССР, когда Япония двинет свои силы на юг? «В процессе изучения этой проблемы можно будет определить удобный момент для разрешения наших проблем, связанных с СССР», — указывалось в инструктивном письме.

РЯД ФАКТОРОВ свидетельствовал о том, что мнение военных и военно-морских атташе оказывало немаловажное влияние на позиции высших инстанций армии и флота Японии по вопросам военно-политического курса. Так, в 1940 году по инициативе военных сфер возникло движение за нормализацию отношений с СССР. Видную роль в этом движении играл полковник Дои, который, вернувшись из СССР, где он находился в качестве военного атташе, выступил в Ассоциации внешней политики с докладом, содержавшим аргументацию в пользу пересмотра политики в отношении Советского Союза. Он предупреждал, что существовавшие в Японии представления об СССР устарели и подлежали пересмотру с учетом его экономической мощи, громадной численности населения и необъятной территории.

Можно утверждать, что именно руководящие чины японской разведки были инициаторами создания видимости нормализации отношений с Советским Союзом на дипломатической основе. Это не замедлило сказаться на деятельности японского милитаристского правительства, которое 13 апреля 1941 года заключило с СССР пакт о нейтралитете. Однако данный шаг следует расценивать как отражение все той же двойной дипломатии, как очередной маневр, предпринятый с целью дальнейшей подготовки войны против советского государства. Подтверждением может служить то, что тот же Дои, сравнивая русское Приморье с «кинжалом у бока Японии», предлагал заполнить этот «кинжал», чтобы он не мешал продвижению Японии в строительстве «Великой Восточно-Азиатской сферы процветания».

Между тем вторжение германских войск в пределы СССР поставило перед японскими военным и военно-морским атташе в Советском Союзе ответственной задачей: объективно информировать свое руководство о ходе войны, военном потенциале соседней страны, отражающей агрессию, перспективах ее вооруженного сопротивления и на основе оценок общей ситуации представлять соображения, касающиеся линии поведения Японии в отношении давнего политического и военного соперника в дальневосточном регионе.

ИССЛЕДОВАНИЕ архивных документальных материалов, полученных оперативным путем, позволяет проследить за тем, как в зависимости от ситуации изменялись взгляды военного атташе в СССР полковника Ямаоки и военно-морского атташе капитана 1 ранга Ямагучи на общий ход войны, на отдельные ее составляющие. Ими детально и соответственно каждому этапу оценивались шансы воюющих сторон и так называемая проблема Севера. Важно отметить, что и тот и другой были заранее информированы о предстоящем нападении Германии на Советский Союз, что подтверждают их письменные свидетельства, являющиеся черновыми тезисами для донесения в Токио. Так, полковник Ямаока еще в апреле 1941 года фиксировал данные о сроках начала войны («середина июня»), о предположении германского военного командования захватить Украину в течение шести недель. В записях капитана 1 ранга Ямагучи, тоже сделанных до начала агрессии

Германии против Советского Союза, указывается на сообщение итальянского военного атташе в СССР о предстоящем вторжении на Украину, на факт сосредоточения германских войск в районе Кенигсберга и в Польше, а также на то, что в японских кругах в Москве считают советско-германскую войну неизбежной. Примечательна ссылка на телеграмму японского посла в Берлине генерала Осиму о том, что «Гитлер склоняется к мнению о двухмесячной кампании».

Вместе с тем при сопоставлении прогнозов военного и военно-морского атташе сразу же обнаруживается расхождение в оценках германских планов ведения войны. Первый из них о замысле «блицкрига» рассуждает без какого-либо сомнения, всецело разделяя уверенность германского командования в том, что до конца года удастся добиться решающих результатов. Совершенно иная точка зрения у второго.

По дневнику корреспондента «Токио Ничи-Ничи» в Москве Маэсибы, поддерживавшего самое тесное общение с полковником Ямаокой и его помощниками и получавшего от них информацию, можно судить о том, как военный атташе расценивал ход войны. В записи, помеченной 12 июля 1941 года, утверждается, что «все советские войска, действующие на первой линии, уже уничтожены», 19 июля, что «судьба Москвы решится в течение этой недели», а 21 июля, что, поскольку «уже в 15 местах советские войска очутились в полном окружении», «исход войны в основном уже определен», «падение Москвы произойдет в течение этой недели».

Не смутило поначалу японских аналитиков, что «блицкриг» несколько не уложился в намеченные сроки. Спустя три недели, 11 августа, Маэсиба записал: «Германское командование объявило, что Москва будет взята в течение первой декады сентября. Судя по всему, так оно и будет. Москва должна пасть в начале сентября». Пометки за 21 сентября: «Как повлияет падение Киева на оборону Ленинграда и Москвы? Этот вопрос решится в течение двух-трех недель». Правда, 2 октября зазвучал иной акцент: «После падения Ленинграда и Харькова, очевидно, назреет обстановка для заключения мира между Германией и Советским Союзом». И все же, выезжая в Куйбышев вместе с дипкорпусом в середине октября, полковник Ямаока оставил в Москве подполковника Сасаки

специально для того, чтобы тот смог проследить последнюю фазу боев под Москвой и вступление немцев в город, совершенно определенно приказывая своему помощнику перейти, после того как он окажется по ту сторону фронта, в подчинение к военному атташе в Германии.

А вот военно-морской атташе Ямагучи значительно раньше стал выражать сомнения относительно успешной реализации германских планов войны. В письме, адресованном руководящему работнику военно-морского министерства Такате 11 августа 1941 года, он писал: «По имеющимся сведениям, германская сторона начала войну с расчетом на захват Москвы через две недели и полный разгром Советского Союза через два месяца. Если война действительно начата на основе таких стратегических установок, то она, вне всякого сомнения, кончится провалом, и в будущем можно ожидать чрезвычайно грозную ситуацию». В своем же блокноте по этому поводу он сделал такую пометку: «В центре внимания военно-морского атташе в Москве — большие опасения насчет затягивания советско-германской войны».

Подводя итоги летних боев 1941 года на советско-германском фронте, Ямагучи пришел к следующему заключению (тезисы донесения относятся к сентябрю): «Успехи германских войск громадны, но пока не удалось осуществить план окружения и уничтожения... Если только не удастся добиться стремительной победы под Ленинградом и Харьковом или у Ильмена, взять Москву до наступления зимы будет невозможно». Он также предполагал, что в течение зимнего периода на Северо-Западном и Западном фронтах «немцы остановят свое наступление (продвижение) и будут придерживаться позиционной войны».

В донесении, касающемся первой попытки немцев взять Москву путем наступления через Брянск (в сентябре), Ямагучи тоже был достаточно объективным, сообщив о том, что «советские войска действовали весьма успешно и нанесли большой урон немецким войскам (вермахту), в частности мотомехчастям генерала Гудериана».

ТАКИМ образом, еще в начале осени 1941 года, в то время, когда германская армия продолжала развивать активные операции на всех направлениях советско-германского фронта, капитан 1 ранга Ямагучи дал правильный прогноз относи-

тельно исхода операции под Москвой. Правда, в момент самых напряженных боев у стен советской столицы у него возникли некоторые колебания, и он набросал черновик телеграммы в Токио о возможности падения Москвы, рекомендуя в таком случае принять чрезвычайное решение. Однако эта телеграмма осталась не только не отосланной, но и недописанной.

В дальнейших записях Ямагучи, опровергая сообщения германской стороны о разгроме основных сил советских войск, обращал внимание своего руководства на то, что боеспособность советских войск не подорвана, что советская артиллерия продолжает быть мощной, что сохранены советские резервы. В его пометках, касающихся зимней кампании, когда «после неудачи октябрьской офензивы германская армия понесла большие потери, отразившиеся на ее воинском духе», делается примечательный вывод: «Отступающая в зимних условиях немецкая армия несет в боях большой урон, и вермахт уже не тот, каким был 22 июня 1941 года». Он также дал отрицательное заключение о возможности продвижения немецких войск зимой 1941-го на Кавказ.

Весьма сдержанно оценил Ямагучи результаты наступления немецких войск, начатого летом следующего года, на которое, судя по тону японской печати того времени, в Японии возлагались большие надежды. Относительно триумфальных заявлений германской стороны по этому поводу он в письме от 11 июня 1942-го, адресованном офицеру штаба Квантунской армии подполковнику Омори, отзывался так: «Вряд ли в этом году немцам удастся хлынуть стремительным потоком вперед, как в прошлом году. С той-то думаю о том, что придется опять зимовать в Куйбышеве». В тот же день он отправил в Токио с диппочтой и другое послание, где размышлял о темпах немецкого очередного продвижения: «С точки зрения нас, находящихся здесь, успех немецкого наступления довольно сомнителен. В общем, у нас сложилось следующее мнение — в течение года немцы проведут два—три крупных и эффективных наступления, но после этого война примет затяжной характер, а когда она закончится, неизвестно».

В телеграмме от 15 августа 1942 года Ямагучи сообщил в главный морской штаб о том, что «планы германского командования заключаются в следующем: стремительно развернуть опера-

ции на Кавказе, в направлении Волги — взять Сталинград, после чего провести заключительный штурм Москвы и Ленинграда, а затем продвигнуться до линии Урала». И тут же прокомментировал этот план не в пользу немцев: «Учитывая ряд факторов, в частности, климатические условия, советские резервы, а также наличие африканского фронта, следует признать, что шансы на возможность осуществления германского стратегического плана в течение этого года ничтожны».

ПРОГНОЗЫ Ямагучи относительно зимней кампании 1942/43 года сводились к тому, что обе стороны будут накапливать боевую мощь и вряд ли предпримут операции крупного масштаба (телеграмма от 21 октября 1942 г.). Оценивая военный потенциал советской стороны, он видел состоятельность ее вооруженных сил продолжать войну, хотя и без проведения крупных наступательных операций летом будущего года. Этим самым Ямагучи предупреждал свое руководство о том, чтобы оно при определении дальнейшей линии поведения в отношении СССР исходило из расчета на длительную советско-германскую войну, окончательно принявшую затяжной характер.

Чем больше активных сотрудников спецслужб, в первую очередь работников военного и военно-морского атташатов, убеждалось в провале «блицкрига», тем чаще у сторонников двойной дипломатии возникал вопрос о выступлении Японии перед СССР и Германией с мирным посредничеством. Так, в донесениях и записях полковника Ямаоки и капитана 1 ранга Ямагучи еще осенью 1941 года, как раз в момент приближения германских войск к Москве, озвучивается надежда на то, что СССР ввиду своего критического положения может пойти на сепаратный мир с Германией и тем самым порвать с Англией и Соединенными Штатами Америки. Ведь проблема изоляции СССР от его союзников в тот момент приобретала для Японии особо актуальное значение, поскольку она настойчиво готовилась к объявлению войны последним. Однако оба офицера спецслужб признали выступление Японии в тот период с мирным посредничеством преждевременным. Так, телеграмма военно-морского атташе, посланная им после эвакуации дипкорпуса в Куйбышев, гласила: «При нынешних условиях, когда Москву решено отстаивать любой ценой, когда там находятся все главные члены правительства, вопрос о мире можно

будет поставить только в том случае, если советское правительство приобретет характер нулевой власти, но пока что никаких симптомов не видно». В его же черновых записях (тезисах для доклада) отмечалось: «Если подходить с точки зрения материальных ресурсов, еще не время для выступления Японии с мирным посредничеством. Считаем, что еще не настал момент для заключения мира. Германия инспирирует посла Осиму на роль второго Гесса».

Более обстоятельно по этой проблеме размышлял полковник Ямаока, свидетельством чему является докладная записка, представленная им в генштаб в конце октября 1941 года.

«Что касается срока выступления с посредничеством, — отмечал полковник, — то представляется необходимым выждать развитие обстановки. В данный момент выступать с посредничеством пока преждевременно... Для нашей Империи заключение мира между Германией и Советским Союзом — на основе нашего посредничества — представляется необходимым в следующих случаях:

А. Если Германия не сможет завершить сокращение Советского Союза в течение 1942 г.

Б. Если перспектива войны станет неблагоприятной для Германии, — мир будет необходим.

В. Если у Германии, несмотря на возможность дальнейшего ведения войны с Советским Союзом, начнут постепенно иссякать резервы, предназначенные для ведения войны с Англией, — мир будет необходим.

Г. Если Германия, несмотря на сохранение резервов, не сможет поставить Советский Союз на колени, — в этом случае для нас будет выгодным заключение мира между Германией и Советским Союзом.

Д. Если и СССР, и Германия сохраняют резервы и война затянется надолго, — для нас будет выгодно заключение мира между Германией и СССР».

ЯМАОКА, проявляя особую приверженность к японской двойной дипломатии, настоятельно советует своему руководству становиться на платформу посредничества лишь в том случае, если «Германия, хотя и разгромив большую часть вооруженных сил СССР, все же не сможет нанести последний смертельный удар, и СССР, кое-как избежав гибели, убедится в невозможности победить Германию в процессе дальнейшей борьбы». В этом случае, по мнению офицера спецслужб, Япония выходит на

первое место, может диктовать свою волю, поскольку «в той или иной степени окажется обладателем решающего голоса и ее слово приобретет громадный вес».

Оба атташе высказались за то, чтобы Япония выступила с посредничеством только после завершения всех приготовлений к войне с Советским Союзом с целью придания японскому демаршу характера ультиматума, ставящего «северного соседа» перед дилеммой: либо порвать с союзниками и пойти на сепаратный мир, либо решиться на войну на два фронта. Таким образом, вопрос о мирном посредничестве Японии сводила к тому, чтобы оторвать СССР от США и Англии путем дипломатических комбинаций.

Не поколебало уверенности в успехе задуманного у японских политиков и спецслужб изменение ситуации в мире после возникновения войны на Тихом океане и окончательного оформления англо-советско-американской коалиции. Об этом свидетельствуют те установки, которых придерживались японские военный и военно-морской атташе в СССР при информировании своего руководства о внешнеполитической позиции советской стороны. Расходясь во взгляде на ход войны и реальность германских стратегических планов, оба офицера полностью солидаризировались в оценке взаимоотношений СССР с Англией и США, подчеркивая недовольство первого из этой тройцы союзниками. Например, в донесении от 26 февраля 1942 года военный атташе сообщал, что «накануне возвращения в Англию посол в СССР Криппс хотел нанести визит Сталину, но не добился приема». В другой его информации о несостоявшемся из-за неявки слушателей публичном докладе об Англии перед куйбышевцами делался вывод о том, что «советский народ не питает симпатий в отношении хитрых и эгоистичных англичан».

Военно-морской атташе в свою очередь обращал внимание на холодный прием советской стороной нового английского посла Кэрра. В телеграмме от 25 марта 1942 года в главный морской штаб он сообщал: «Если сопоставить с примерами, имевшими место до сих пор, то видно, что советское правительство оказало Кэрру прием более небрежный, чем представителю какого-нибудь эмигрантского правительства. Из беседы Татекавы* с Молотовым ясно вырисовывается недовольство СССР поведением Англии».

* Посол Японии в СССР.

Особым обстоятельством в перспективности советско-американских и советско-английских отношений, дающим козыри Японии, представители спецслужб последней видели в затяжке союзниками СССР открытия второго фронта в Европе, который, как предполагалось, те и вовсе не откроют. «СССР, ставя целью избежать возникновения войны с Японией и в то же время побудить Англию и Америку увеличить материальную помощь, прилагает все старания к тому, чтобы не создавать коллизий с Японией и одновременно с этим пытается предпринять в отношении Англии и Америки дипломатические комбинации, содержащие намерения на то, что СССР намерен пойти на сближение с Японией и изменить свою позицию в войне с Германией», — сообщал 4 марта 1942 года военный атташе в телеграмме заместителю начальника генерального штаба. Он пришел к выводу, что выступление Японии в соответствующий момент с мирным посредничеством могло оказаться успешным. В депеше, составленной в конце февраля 1942 года, полковник Ямаока писал: «Что касается проблемы германо-советского мира, то СССР, придерживающийся принципа — ставить свои выгоды на первый план, не будет считать себя связанным англо-советским договором о не заключении сепаратного мира и прочими соглашениями. Поэтому возможность того, что СССР может пойти на мир с Германией, отнюдь не исключается — СССР может пойти на это в зависимости от предложенных ему условий». А в набросках для докладной записки военно-морского атташе капитана 1 ранга Ямагучи содержится следующий тезис: «Придется пойти на солидные уступки — затягивание войны выгодно для Англии и Америки. Поэтому нужно дать что-то Советскому Союзу, чтобы оторвать от Англии и Америки».

Но ведь у того же Ямагучи встречаются примечательные откровения и противоположного содержания. Так, зная досконально о стратегических установках своего руководства, он в начальный период советско-германской войны записал: «По линии дипломатии: временный компромисс с Америкой, чтобы потребовать у СССР отвода Дальневосточной армии». Таким образом, по мнению военно-морского атташе, для проведения активной политики в отношении СССР являлся компромисс с Америкой, хотя бы на время, чтобы избежать опасности одновременной войны с СССР и англо-американским блоком.

В докладной записке по вопросу о выступлении Японии с мирным посредничеством его коллеги, военный атташе Ямаока, тоже исходил из того, что Америка не вступит в войну, а, следовательно, не помешает угрожающим демаршем Японии в отношении СССР: «Успешный нажим на Америку со стороны нашей империи (по линии Индокитая и т.д.), а также победы германских войск на фронтах войны с СССР могут поколебать решимость Америки входить в войну».

ПОСЛЕ краха попыток компромисса и нажима на Англию и Америку Япония начала войну на Тихом океане, решив во избежание одновременной войны на две стороны сохранить в силе советско-японский пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 года.

В письме военно-морскому атташе Ямагучи из главного морского штаба от ответственного работника советского сектора Усуи, датированном 18 марта 1942 года, сообщалось о том, что в отношении СССР утвержден курс политики, предложенный высшим флотским командованием.

«Наши отношения с Советским Союзом, — подчеркивалось в нем, — вот проблема, которая в данный момент вызывает чрезвычайное напряжение нервов всего японского народа. Среди населения распространяются самые сенсационные, выдаваемые за правду, слухи. Вопросы, с которыми обращаются к нам по поводу этих слухов, приводят нас в замешательство. В наших центральных инстанциях пришли к единодушному решению — все силы обратить на закрепление позиций на Юге, а в отношении Севера — выдерживать до конца пассивную линию. Эта установка, по-видимому, уже дана Квантунской армии».

После вступления Японии в войну с Англией и Америкой в центре внимания военных сфер Японии встал вопрос: удастся ли Англии и США толкнуть СССР на войну с Японией? Известный журналист, член редакционной коллегии влиятельнейшей в Японии газеты «Токио Ничи-Ничи» Баба Хидэо, весьма осведомленный в то время по части настроений, царящих в политических кругах Токио, сообщал военно-морскому атташе в Москве Ямагучи в письме от 3 июня 1942 года: «Мы не думаем, что в условиях нынешней международно-политической конъюнктуры Советский Союз легко поддастся уговорам Америки».

Вряд ли он двинется против нас. Но тем не менее приходиться опасаться этого наступле-

ния. Разумеется, надо избегать всяких акций, которые могут нервировать СССР».

Вместе с тем японский атташе в СССР в ряде своих донесений вышшему армейскому руководству доказывал несостоятельность подобных опасений в отношении СССР. Так, в телеграмме от 11 марта 1942 года он извещал заместителя начальника генштаба о том, что «кадровые части Сибирского военного округа уже направлены на советско-германский фронт, и, таким образом, главные резервы СССР, предназначенные против Японии, в настоящее время почти полностью исчерпаны». В депеше, составленной несколько раньше, в конце февраля, он представил по команде следующее заключение о линии поведения СССР в отношении Японии: «Советский Союз не желает войны с Японией и больше всего боится очутиться из-за инспирации со стороны Англии и Америки или же стратегических диверсий (камчат) в положении таскающего каштаны (из огня) для чужих». Если капитан 1 ранга Ямагучи советовал японскому правительству «не раздражать СССР», то полковник Ямаока видел в этом положении Советский Союз, стремившийся к тому, чтобы «не раздражать Японию и предотвращать все комбинации Англии и Америки по втягиванию СССР в войну с Японией и вместе с тем вести дипломатическую игру с целью стимулирования помощи со стороны Англии и США».

НА ФОНЕ всех высказываний обоих атташе относительно хода войны, ее перспектив и прочих проблем, связанных с обстановкой на советско-германском фронте, резко выделяется акцент на обстоятельство, при котором СССР не намерен выполнять роли «таскателя каштанов» для Англии и Америки. Будучи недовольным их поведением, он проводит «дипломатическую игру» во имя собственных интересов.

Приводя конкретные примеры «заигрывания» советской стороны, оба атташе указывали на вполне лояльный тон советской прессы в отношении Японии и на благосклонное отношение к ней советского военного командования, в частности на то обстоятельство, что «заместитель начальника советского генерального штаба поздравлял японцев с победой», а на банкете 23 февраля 1942 года советская сторона проявляла к японцам «более предупредительное отношение, чем к американцам и англичанам». Обращая внимание своего руководства на «дипломатическую игру» советской сторо-

ны, оба атташе тем самым констатировали наличие почвы для проведения со стороны Японии тех или иных дипломатических комбинаций в отношении СССР. Словом, делался вывод, вполне соответствовавший «нидзю-гайко» — политике двойной дипломатии японской военщины.

Таким образом, содержание переписки японских военного и военно-морского атташе свидетельствует об интенсивном добывании ими разведывательной информации после нападения Германии на Советский Союз. Однако сбор нужных и достоверных сведений более эффективно осуществлял военно-морской атташе капитан 1 ранга Ямагучи, их анализ позволял ему делать правильные, объективные выводы и прогнозы относительно хода советско-германской войны. Военный же атташе полковник Ямаока не совсем обдуманно разделял уверенность немецкого командования в реализации планов разгрома СССР в течение 2—3 месяцев. В своих докладах в центр он завышал промежуточные успехи немецких войск и делал прогнозы, не подтверждавшиеся в последующем. Вот почему руководство генштаба японской армии было вынуждено в начале 1942 года его заменить полковником Ябэ, хорошо знавшим СССР.

Разведывательная деятельность упомянутых официальных представителей японского дипломатического корпуса в начальный период советско-германской войны свидетельствует также о том, что те прилагали максимум усилий в решении основной задачи, поставленной перед ними центром, — определить такую фазу в войне, когда Советский Союз будет близок к поражению, и Япония должна выступить против него на Дальнем Востоке. Дальнейшие события Второй мировой войны поставили перед японскими спецслужбами уже другую задачу — выявлять позицию СССР и его намерения в отношении Японии. Такая постановка вопроса была закономерной, поскольку японская Квантунская армия численностью в 1 млн. человек практически в ходе всей войны выжидала удобного момента для нападения на СССР, а советская разведка своевременно информировала об этом свое военно-политическое руководство. Победы Красной армии над вермахтом сорвали планы японских милитаристов и привели к краху их политику двойной дипломатии.

*Полковник в отставке
В.П. ЯМПОЛЬСКИЙ*

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ЗАСЕДАНИЕ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ И РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА «ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

НА ЗАСЕДАНИИ редакционной коллегии и редакционного совета «Военно-исторического журнала» в Институте военной истории Минобороны (ИВИ) подведены итоги работы редакции за 2005 год и рассмотрены перспективы сотрудничества коллектива Института военной истории с редакцией «Военно-исторического журнала». С докладом по первому вопросу выступил главный редактор «Военно-исторического журнала» капитан 1 ранга И.А. Анфертьев. Он отметил, что в 2005 году на страницах журнала на конкурсной основе увидели свет 139 научных и 18 научно-популярных статей, 9 научно-публикаторских материалов и непубликовавшихся воспоминаний, 32 рецензии, 65 цветных иллюстративных подборок, а также 105 информационных материалов.

В минувшем году, году 60-летия Победы, наибольшее внимание редакция уделила проблематике Великой Отечественной войны. Этой теме посвящены 58 опубликованных материалов, еще 7 — Второй мировой войне (почти 25 проц. общего количества материалов). Кроме того, особое внимание было обращено на подготовку к публикации материалов в следующих рубриках: «Из истории вооружения и техники» — 17 статей, «Военная летопись Отечества» — 16, «Военная символика» — 16, «Военное строительство» — 14, «Военно-патриотическое воспитание» — 10, «Военское обучение и воспитание» — 10, «Локальные войны и вооруженные конфликты» — 10, «Военное искусство» — 9, «Историкография и источниковедение» — 6.

В 2005 году рубрика «Локальные войны и вооруженные конфликты» была наполнена научно-практическими материалами генерал-полковника в отставке А.И. Хлюпенца, полковников В.И. Ткачева и К.А. Шипачева, полковника в отставке А.П. Павлова. Продолжен выпуск «Молодежного Военно-исторического журнала», в том числе конкурсов для читателей на военно-исторические темы: кроссвордов, чайнвордов, викторин. Всего в 2005 году в «Молодежном военно-историческом журнале» опубликовано 30 статей, и в каждом номере — конкурс.

В 2005 году в журнале помещены статьи 59 докторов наук, 110 кандидатов наук и 8 представителей руководящего состава Министерства обороны РФ. В целом по итогам выполнения перспективного тематического плана публикаций «Военно-исторического журнала» за 2005 год работа редакции признана удовлетворительной.

С докладом о перспективах сотрудничества коллектива Института военной истории МО РФ с редакцией «Военно-исторического журнала» выступил начальник ИВИ полковник запаса А.А. Кольтоков. Он отметил, что коллектив Института оценивает сотрудничество с журналом как одно из важных направлений своей деятельности. В 2005 году на страницах журнала опубликовано 18 статей и рецензий сотрудников Института военной истории МО РФ, на 2006 год планируется 28 публикаций. Вместе с тем начальник ИВИ подчеркнул, что уровень сотрудничества Института и журнала может быть более высоким.

В обсуждении рассматриваемых вопросов приняли участие члены редакционной коллегии журнала: В.П. Козлов, генерал-лейтенант В.И. Останков, генерал-майор А.В. Кирилин, И.О. Гаркуша, полковник С.И. Чувашин, подполковник С.В. Аверченко, И.В. Кузина, А.В. Островский; члены редакционного совета: полковник И.И. Басик, полковник А.К. Никонов, А.А. Чурилин, И.С. Даниленко, Г.А. Куманев, генерал-майор в отставке В.В. Градосельский, а также заместитель начальника ИВИ полковник Н.И. Никифоров. Состоялось награждение наиболее активных членов редакционной коллегии и редакционного совета журнала памятной медалью журнала «За заслуги» и памятным знаком «Военно-исторического журнала».

ПОЛИТРАБОТНИКИ — ГЕРОИ БЕРЛИНА

БЕРЛИНСКАЯ операция 1945 года, проведенная 16 апреля — 8 мая войсками 1-го и 2-го Белорусского, 1-го Украинского фронтов, частью сил Балтийского флота, 18-й воздушной армией, Днепровской военной флотилией, стала завершающей стратегической наступательной операцией в Великой Отечественной войне. Она была подготовлена в короткие сроки, а ее основные цели — окружение и уничтожение главной ударной группировки немецко-фашистских войск и овладение Берлином — достигнуты за 16–17 дней. Одновременное наступление трех фронтов в 300-км полосе с нанесением шести ударов скрывало резервы противника, способствовало дезорганизации его управления и в ряде случаев позволило достигнуть оперативно-тактической внезапности. Берлин был взят. Выполнение этой исторической задачи стало возможным потому, что Красная армия подошла к концу войны материально и духовно могущественной, значительно превосходящей противника в оперативно-стратегическом искусстве и в воинском мастерстве личного состава. В ходе боев войска Красной армии разгромили 70 пехотных, 23 танковые и моторизованные дивизии, взяли в плен около 480 тыс. человек, захватили до 11 тыс. орудий и минометов, свыше 1500 танков и штурмовых орудий, 4500 самолетов. Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За взятие Берлина», которой были награждены около 1082 тыс. воинов; 187 частям и соединениям, наиболее отличившимся при штурме вражеской столицы, присвоено почетное наименование «Берлинские». Более 600 участников Берлинской операции удостоены высокого звания Героя Советского Союза. 13 человек награждены второй медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

За всеми этими цифрами — судьбы обычных людей, их мужество, героизм и их великая победа, свой вклад в которую внесли также героически воевавшие политработники. Память о них — лучшая им благодарность. О подвигах этих героев — доклад по политическому обеспечению Берлинской операции начальника политотдела 4-го гвардейского стрелкового Бранденбургского Краснознаменного корпуса.

Работа политотдела 4-го гвардейского ск по политическому обеспечению Берлинской операции

I. Подготовительный период к наступлению на г[ород] Берлин

14 января 1945 г[ода] войска 4-го гвардейского стрелкового Бранденбургского Краснознаменного корпуса начали свое крупное наступление. Опрокинув противника по р[еке] Радомка на Вислинском плацдарме южнее Варшавы, прогнав его долговременную и глубококошелонированную оборону, части и соединения корпуса, стремительно преследуя противника, в течение 20 дней прошли на запад около 600 км, в ночь на 3 февраля форсировали р[еку] Одер и захватили на его левом берегу плацдарм для развития последующих операций на Берлинском направлении.

II. Период боев за расширение и удержание плацдарма на западном берегу реки Одер

Огромные победы наших войск в зимнем наступлении обязывали нас закрепить достигнутые боевые успехи и готовить войска к решающим боям по овладению логовом врага — Берлином. Вся партийно-политическая работа с выходом на р[еку] Одер была подчинена этой решающей задаче, а также изучению доклада тов[арища] Сталина о 27-й годовщине Октябрьской Социалистической революции и приказов тов[арища] Сталина номера 220 и 5.

С момента форсирования р[еки] Одер, т.е. с 3 февраля, на протяжении полутора месяцев части и соединения корпуса вели непрерывные бои за закрепление и расширение плацдарма. Противник делал все, чтобы приостановить наше движение вперед, широко применял массированные налеты авиации, которая непрерывно с утра до ночи обстреливала из пулеметов и бомбила наши боевые порядки, применял почти ежедневные контратаки танков, но все это разбивалось о стойкость и мужество советских воинов. В период боев на плацдарме корпус провел несколько крупных местных операций по захвату Радштока, канатной фабрики, Альт-Тухебанда, Гоггаста и особенно пригорода г[орода] Кюстрин — Китц. За овладение пригородом Китц бои продолжались непрерывно в течение целого

месяца, начавшись 14 февраля, и закончились 13 марта. Эти бои носили особенно упорный и ожесточенный характер. [...]

В 5.00 16 апреля, как и всегда, первыми начали работу славные артиллеристы. По всему фронту появилось зарево орудийных вспышек и лучи мощных прожекторов, освещавших поле предстоящего боя. Это был сигнал начавшегося решительного и окончательного штурма центра фашистской Германии. 25 минут не смолкал сплошной гул орудийных залпов, слившихся с грохотом разрывов снарядов. В 5 часов 25 минут пехота, сопровождаемая танками и СУ, под прикрытием огневого вала артиллерии поднялась и стремительно двинулась в атаку. Несмотря на яркий свет прожекторов и фар танков и СУ, весь передний край заволочло тучами пыли и дыма, поле боя просматривалось исключительно слабо. Подавленный морально и физически, достигнутый врасплох, противник особого сопротивления на переднем крае не оказал, и войска корпуса успешно продвигались вперед.

Уже к 10.00 142-й гв[ардейский] с[трелковый] п[олк] 47-й гв[ардейской] с[трелковой] д[ивизии] начал штурм вост[очных] скатов Зееловских высот. Только углубившись до 4 км в глубь обороны противника, части корпуса на рубеже канала Хаупт-Грабе встретили организованное сопротивление, в том числе артиллерии и танков, закопанных в землю. В 10.00 17 апреля после 15-минутной артподготовки начался штурм Зееловских высот.

Много примеров беззаветного мужества и героизма показали бойцы и офицеры в боях за овладение Зееловскими высотами. В бою 17 апреля отличился комсомолец 137-го гв[ардейского] с[трелкового] п[олка] 47-й гв[ардейской] с[трелковой] д[ивизии] рядовой Махортов. После артиллерийской подготовки с лозунгом «Вперед на Берлин! За Родину!» он поднял батальон в атаку и, идя все время далеко впереди наступающей цепи, неся в руках красный флажок, первым достиг вершины высоты и водрузил на ней красный флаг. За отвагу и мужество тов[арищ] Махортов тут же на поле боя был награжден командиром дивизии орденом Красной Звезды. О подвиге этого героя по цепи и через специально выпущенную листовку «молния» стало известно всему личному составу полка.

Мужественно сражался парторг 2-й пулеметной роты 142-го гв[ардейского] с[трелкового] п[олка] 47-й гв[ардейской] с[трелковой] д[ивизии] сержант Лыткин. В самый разгар боя выбыл из строя командир роты. Секундное замешательство могло дорого стоить подразделению. В эту решающую минуту громко прозвучал голос парторга: «Слушайте мою команду! Вперед товарищи!». Решительными действиями под руководством парторга Лыткина рота выбила немцев из укрепленного рубежа.

Мужественно сражался при прорыве обороны противника зам[еститель] командира полка по политчасти гв[ардии] майор Шимченко — 142-го гв[ардейского] с[трелкового] п[олка] 47-й гв[ардейской] с[трелковой] д[ивизии]. В бою погиб командир батальона гв[ардии] майор Старченко. Тов[арищ] Шимченко взял на себя командование этим батальоном и повел его на штурм вражеской обороны. В бою 19 апреля был ранен командир 140-го гв[ардейского] с[трелкового] п[олка] той же дивизии гв[ардии] подполковник Кабинин. Командование полком принял на себя его заместитель по политчасти гв[ардии] подполковник Давыдов, и он успешно справлялся с возложенными на него обязанностями. Полк под его командованием действовал лучше других.

Зам[еститель] по политчасти командира 172-го гв[ардейского] с[трелкового] п[олка] 57-й гв[ардейской] с[трелковой] д[ивизии] полковник Ражев в течение всего дня 16 апреля непосредственно находился в батальоне и в наиболее тяжелые моменты боя был в боевых порядках рот, увлекая вперед весь личный состав своим примером. Бойцы говорили: «С нами идет полковник, да как смело идет, вот по нему и будем равняться». Парторг этого же полка гв[ардии] капитан Смолин все время находился в боевых порядках рот, организовывал выпуск листов «молния», в которых освещались героические дела штурма. Комсорг 3-го с[трелкового] б[атальона] 172-го гв[ардейского] с[трелкового] п[олка] Винокуров, будучи раненным, не ушел с поля боя, а повел бойцов на штурм второй линии траншеи противника. Все политработники по[литотдела] кор[пуса], по[литотделов] див[изий], полков и батальонов в период прорыва находились в боевых порядках и непосредственно помогали командирам руководить боем, воодушевляя личный состав своим примером.

О действиях политработников и коммунистов можно судить хотя бы только по тому, как велики были потери политработников и коммунистов в первый же день наступления. Так, например, в 57-й гв[ардейской] с[трелковой] д[ивизии] за

день вышло из строя 9 политработников, в том числе был убит зам[еститель] начальника политотдела гв[ардии] подполковник Черных, в первом батальоне 137-го гв[ардейского] с[трелкового] п[олка] 47-й гв[ардейской] с[трелковой] д[ивизии] были убиты парторг, комсорг и зам[еститель] по политчасти батальона. В 57-й гв[ардейской] с[трелковой] д[ивизии] вышло из строя 200 коммунистов и комсомольцев и 12 парторгов. В 35-й гв[ардейской] с[трелковой] д[ивизии] с 17 по 20 апреля из строя вышло 11 парторгов рот.

Ожесточенность боев при прорыве обороны немцев на р[еке] Одер видна из того, что с 14 апреля по 20 одна только 47-я гв[ардейская] с[трелковая] д[ивизия] потеряла 1554 чел[овека].

В период боев с 16 по 20 апреля по этой же дивизии было награждено и представлено к наградам 287 чел[овек]. Из них на поле боя командиром дивизии было награждено 23 чел[овека].

К вечеру 16 апреля долговременная и глубокоэшелонированная оборона противника, опиравшаяся на Зееловские высоты, была прорвана. На этих высотах реяли красные флаги наших частей и подразделений.

III. Бои в Берлине и взятие Берлина

Овладев Зееловскими высотами, части корпуса продолжали наступление на Берлин. В ночь на 24 апреля войска корпуса с боем форсировали р[еку] Шпрея, захватив плацдарм на ее левом берегу, а уже 25 апреля войска корпуса завязали уличные бои в Берлине. Все это время работники по[литотдела] кор[пуса] и по[литотделов] див[изий] находились в частях, занимались вопросами расстановки партийно-комсомольских сил, подбором парторгов и комсоргов рот вместо выбывших из строя, помогали оформлению дел по приему в партию отличившихся в боях, занимались проверкой эвакуации раненых, захоронения погибших в боях, вопросами своевременного снабжения частей боеприпасами, питанием, доставкой газет, помогали оформлять материалы для представления к наградам. В эти дни во всех подразделениях проводились накоротке партийно-комсомольские собрания, на которых подводились итоги боев по прорыву противника и ставились задачи перед коммунистами и комсомольцами по штурму Берлина. На этих собраниях отличившиеся в боях принимались в партию и комсомол. Всюду были проведены красноармейские митинги по итогам прошедших боев и задачам по овладению Берлином. Во всех подразделениях выпускались боевые листки, в

которых освещались героические подвиги бойцов, сержантов и офицеров. В боевом листке подразделения офицера Филимонова 35-й гв[ардейской] с[трелковой] д[ивизии] были такие обращения к бойцам: «Гвардеец! Действуй смело и решительно и ты победишь», «Разгромим врага, водрузим знамя победы над Берлином», «Вперед, боевые друзья, к победе. Перед нами Берлин».

23 апреля был опубликован приказ тов[арища] Сталина о прорыве обороны немцев на р[еке] Одер, о том что наши войска ворвались в пригород Берлина.

25 апреля был опубликован приказ тов[арища] Сталина о том, что войска 1-го Белорусского фронта при содействии войск 1-го Украинского фронта полностью окружили фашистское логово — Берлин. В это же время военный совет 1-го Белорусского фронта обратился к войскам с призывом усилить натиск, разгромить врага в Берлине и водрузить знамя победы над германским рейхстагом. Эти исторические документы были основным содержанием всей партийно-политической работы частей и соединений корпуса в период уличных боев в Берлине. Эти документы были доведены до личного состава и восприняты им с огромным воодушевлением.

Бойцы и офицеры, вооруженные этими историческими документами, еще с большей решительностью и героизмом продолжали громить врага в Берлине. Всюду царил исключительный подъем. Повсеместно слышались возгласы «Даешь Берлин!». В разговорах и высказываниях бойцы и офицеры клялись еще крепче бить врага. Гвардии рядовой 140-го гв[ардейского] с[трелкового] п[олка] Федоренко сказал: «Вот мы уже в центре фашистского логова — в Берлине. Сегодня великий день, мы начинаем штурм Берлина. Не раз уже русские бывали в Берлине. И сейчас Берлин будет взят». Рядовой мин[ометной] батареи Гайдай сказал: «Хотели союзники первыми войти в Берлин, но не удалось им это. Все-таки первыми вошли в Берлин мы».

Большую работу по подготовке уличных боев в Берлине провели комсомольские организации частей корпуса. В каждом стрелковом батальоне перед началом уличных боев за город Берлин были созданы по две группы, входящие в штурмовой отряд. Комсоргами отрядов были назначены комсорги батальонов, а комсоргами групп — комсорги рот. В каждой группе было по 5—10 комсомольцев. Кроме штурмовых групп по инициативе комсомольской организации 142-го гв[ардейского] с[трелкового] п[олка] 47-й гв[ардейской] с[трелковой] д[ивизии] были организованы группы

смельчаков из наиболее смелых и решительных комсомольцев и не-комсомольцев. Комсорг отряда брал на временный учет комсомольцев подразделений, приданных штурмовому отряду. Это повысило ответственность комсомольцев приданных частей и обеспечивало лучшее взаимодействие и согласованность в бою. Как только части 35-й гв[ардейской] с[трелковой] д[ивизии] с боями вошли в пригороды Берлина, комсорги полков и батальонов вместе с зам[естителями] командиров батальонов по политчасти провели в штурмовых группах совещания об авангардной роли комсомольцев в бою. Здесь же комсомольцам давались поручения. Комсомольцу Брычину было поручено с возгласом «Вперед! На штурм фашистской столицы» первым подняться и увлечь за собой на штурм укрепленных кварталов остальных товарищей.

Комсомольцам Агасияну и Несерову были вручены красные флажки, с которыми они должны были первыми ворваться в сильно укрепленный кирпичный завод. Все поручения комсомольцы выполнили с честью.

Исключительную выдержку, отвагу и героизм проявили бойцы и офицеры в боях за Берлин. Вот примеры. В боях за канал Тельтов отличился комсомолец-пулеметчик Страут. Огнем своего пулемета он обеспечил переправу бойцов на противоположный берег канала. Гитлеровцы пытались уничтожить пулемет и забросали его фауст-патронами. Из строя вышел пулемет и весь расчет. Тов[арищ] Страут был контужен, но с поля боя не ушел. Он взял пулемет у раненого бойца, открыл огонь по гитлеровцам, уничтожил до 30 фрицев и тем обеспечил переправу через канал. Комсомолец Малюшин первым ворвался в церковь, взял в плен немецкого пулеметчика и водрузил на крыше красный флажок. В уличных боях Малюшин уничтожил 8 солдат и двух офицеров противника.

Комсомолец-снайпер Носуля в уличных боях из своей винтовки уничтожил 18 солдат. В районе ж[елезно]д[орожной] станции немецкий снайпер мешал нашим бойцам продвигаться вперед. Тов[арищ] Носуля выследил этого снайпера и убил его. Командование наградило тов[арища] Носулю орденом Славы.

Комсорг 7-й стр[елковой] роты 172-го гв[ардейского] с[трелкового] п[олка] 57-й гв[ардейской] с[трелковой] д[ивизии] (он же комсорг штурмовой группы) Лебедь в бою при форсировании канала, когда был ранен командир отделения, сам стал командовать отделением, первым переправился через канал и вел бой против группы немцев, засевших в доме. В этом

бою отделение захватило 30 немецких солдат и трех офицеров. Вместе с комсоргом дрался пулеметчик Моиса, который огнем своего пулемета обеспечил переправу через канал всей роты. Когда отважный пулеметчик был ранен, он отказался идти в часть, заявив: «Куда же я пойду, когда роте надо продвигаться вперед. Впереди дом, займем его, тогда и пойду».

Когда в одном из боев огонь немецкого пулемета и снайпера мешал нашим бойцам перейти улицу, молодые бойцы Шубин, Садыков, Сверда достали в подполье дома пакли и тряпки, облили их маслом, связали в узел, привязали кирпич, подожгли паклю и бросили на середину улицы. Так была сделана дымовая завеса, через которую взвод роты перебежал улицу. Командир роты гв[ардии] ст[арший] лейтенант Нежко похвалил бойцов, сказав: «Молодцы хлопцы, помогли мне. Побольше бы мне таких комсомольцев».

В боях с немецкими захватчиками комсорг 3-го стр[елкового] батальона 172-го с[трелкового] п[олка] показал пример мужества и отваги. Во время уличных боев он был в тех ротах, где складывалось наиболее опасное положение, и личным примером воодушевлял бойцов на героические подвиги. Тов[арищ] Брылин дважды заменял выбывших командиров рот и, будучи ранен сам, с поля боя не ушел, а продолжал руководить комсомольской организацией. Кроме личной отваги Брылин был инициативным комсоргом. В дни тяжелых боев он сумел организовать работу по приему в комсомол. За время боев в Берлине в его батальоне было принято в комсомол 17 чел[овек]. Комсорг Брылин за мужество и отвагу, проявленные им в боях при штурме Берлина, награжден орденом Красного Знамени.

Заместитель командира 170-го гв[ардейского] с[трелкового] п[олка] по политчасти гв[ардии] майор Калмаков находился в штурмовых группах и непосредственно способствовал выполнению боевых задач, показывая всему личному составу пример мужества и бесстрашия.

Первомайский приказ тов[арища] Сталина н[оме]р 20 в частях и подразделениях корпуса был принят по радио. В течение ночи накануне 1 мая и днем 1 мая всюду проводились митинги. В проведении этой работы активно участвовали все работники пол[итотдела] корпуса. Там, где нельзя было провести митинги, приказ тов[арища] Сталина зачитывался в группах бойцов сержантов и офицеров. Большой политический подъем среди личного состава частей и подразделений вызвал приказ тов[арища] Сталина. На митинге 57-й гв[ардейской] с[трелковой] д[ивизии] сержант Дергунов гово-

рил: «Тов[арищ] Сталин в приказе н[оме]р 20 отметил великие победы нашего народа и Красной армии. Сегодня мы радуемся своей победе и мощи нашей Родины. Большие жертвы в войне мы понесли даром. Враг находится накануне своего издыхания. Благодарим тружеников тыла за их самоотверженный труд».

В результате упорных уличных боев в течение 1 мая и в ночь на 2 мая врагу был нанесен смертельный удар. Утром 2 мая немцы, не прекращая сопротивления, большими группами стали сдаваться в плен. К 15.00 2 мая части корпуса вышли на опушку парка Тиргартен. А еще до этого к 12.00 того же дня только через штаб 47-й дивизии проследовало пленных: генералов — 4, офицеров — 359, рядовых и унтер-офицеров — 3114. К вечеру 2 мая сопротивление противника было окончательно сломлено и гарнизон Берлина полностью капитулировал. [...]

2. В проведенной операции [части] корпуса получили огромный опыт по ведению боя за крупные населенные пункты, особенно в ночных условиях, а также по преодолению водных преград и других препятствий. При бое в населенных пунктах особое значение имели штурмовые группы, «фаустники», «дымовики» и огнеметчики.

3. Успех проведенной операции говорит о том, что офицерский и генеральский состав в совершенстве овладел искусством вождения войск и организацией взаимодействия на поле боя всех родов войск, умением организовать планирование операции, боевую подготовку войск.

4. В этой операции личный состав частей и подразделений корпуса показал высокую боевую готовность, морально-политическую выдержку, знание целей и задач боевых приказов и мастерское их выполнение, проявляя беспримерное мужество, отвагу и героизм.

5. Бои за Берлин показали, что партийные и комсомольские организации, политработники всех степеней поняли свои обязанности и правильно направляли высокую активность бойцов, сержантов и офицеров на решение боевых задач, используя для этого все формы партийной и агитационно-пропагандистской работы.

**Начальник политотдела
4-го гв[ардейского]
с[трелкового]
К[раснознаменного]
Б[ранденбургского] к[орпуса]
гвардии полковник ЗОЛОТЫХ**

«16» марта 1946 г.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 233. Оп. 2374. Д. 93. Л. 666, 675—680, 683.

**Публикация
Ю.А. ГЛУШКОВОЙ**

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ ВВС ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ НАКАНУНЕ НАПАДЕНИЯ НА СССР

РАЗГРОМИВ мощными первыми ударами практически полностью вооруженные силы Польши, Франции и в короткие сроки завладев значительными территориями, фашистская Германия стала усиленно готовиться к развязыванию войны против СССР. В основу плана «Барбаросса», по которому намечалось вести эту войну, был положен уже имевшийся опыт, когда прерогатива в начале боевых действий отдавалась ВВС, а наступательные операции предварялись массированными авиационными налетами на авиабазы противника с полным уничтожением или значительным ослаблением его военно-воздушных сил. Руководящим стратегическим постулатом при этом служило положение германского военного теоретика генерала Карла фон Клаузевица¹, содержащееся в его фундаментальном труде «О войне»², о том, что, «чем значительнее будет первый успех, тем благоприятнее его влияние на последующие, несмотря на то, что он не является единственным, определяющим конечную победу»³.

В первой половине 1941 года общая численность самолетного парка ВВС Германии достигала почти 20 тыс. единиц⁴. Из этого количества на момент вторжения германских войск в пределы Советского Союза 10 100 машин, или около 50 проц., являлись боевыми⁵. Характерно, что при этом в общем количестве боевых самолетов (см. табл. 1) наибольший удельный вес имели бомбардировщики (5840 единиц, или 57,9 проц.). Истребителей было 31,2 проц.⁶ Как показал опыт войны на западе, такое соотношение в родах авиации позволяло ей эффективно поддерживать сухопутные войска, нарушать коммуникации врага, быстро завоевывать господ-

ство в воздухе путем уничтожения самолетов противника на аэродромах и прочно удерживать его сравнительно немногочисленными силами истребительной авиации. Относительно большим был и удельный вес самолетов-разведчиков — 10,9 проц. от всей численности ВВС⁷. Это свидетельствует о том, что немецкое командование уделяло много внимания воздушной разведке в предстоящей войне против СССР.

Все самолеты, состоявшие на вооружении люфтваффе, были созданы или прошли модернизацию накануне войны.

ВВС Германии находились на надлежащем уровне не только в техническом отношении. Располагая высокоподготовленными кадрами командного, летного и технического состава, обладавшего почти двухлетним опытом войны, они к июню 1941 года представляли собой самостоятельный вид вооруженных сил. В отличие от военно-воздушных сил других стран в их состав входили также войска ПВО, войска связи и парашютно-десантные войска, подчинявшиеся главнокомандующему ВВС, являвшемуся одновременно министром авиации. Основу же немецких авиационных сил представляли пять воздушных флотов (см. схему). При наличии централизованного управления имелась возможность использовать их как для выполнения самостоятельных задач, так и для действий в интересах сухопутных войск на направлении главного удара.

Воздушный флот, насчитывавший 800—1600 самолетов⁸, состоял из одного-двух авиационных и зенитно-артиллерийских корпусов, а также аэродромных районов (соединений авиационного тыла), число которых равнялось количеству авиационных корпусов и отдельных групп транспортной и разведывательной авиации.

Авиационный корпус являлся высшим тактическим соединением и имел смешанный состав. Он включал в себя 1—2 истребительные, 2—3 бомбардировочные эскадры, из которых одна могла быть эскадрой

пикирующих бомбардировщиков. Эскадра как основное тактическое соединение включала 3 группы. Каждая состояла из трех отрядов по 9—12 самолетов. Низшей тактической единицей являлось звено. В бомбардировочной авиации оно состояло из трех, а в истребительной — из четырех самолетов. Основу боевого порядка звена истребителей составляла пара.

Одной из особенностей организации люфтваффе было то, что большая часть разведывательной авиации была передана в оперативное подчинение сухопутных войск. Отряды воздушных разведчиков были укомплектованы истребителями и разведчиками и находились в полевых армиях и танковых группах. В корпусах сухопутных войск имелись отряды ближних самолетов-разведчиков и самолеты связи.

Экипажи самолетов-разведчиков не только вели наблюдение за противником, но и контролировали передвижение и переброски своих войск, что упрощало управление ими. В подчинении воздушных флотов оставалась разведывательная авиация в основном дальнего действия. Однако воздушную разведку кроме них вели экипажи и бомбардировщиков, и истребителей, входившие в эскадры ночных разведчиков (НРАЭ).

В целях эффективного обслуживания авиационных частей, более полного их обеспечения, организации местной противовоздушной обороны и связи, накопления и подготовки резервов для авиации на территории Германии были созданы военно-воздушные округа. Как правило, штаб одного военно-воздушного округа взаимодействовал с одним авиационным корпусом. Каждый округ объединял несколько (от 2 до 5) аэродромных районов, в состав которых входили авиационные базы с обслуживающим персоналом и подразделениями аэродромно-технической, метеорологической, медицинской и других служб, а также подразделения связи и охраны. В распоряжении командования авиабаз находились основные и запасные (в том числе и полевые) аэродромы, где авиационные части должны были рассредоточиться с началом войны. Такая организация МТО и снабжения ВВС, когда летные части не имели громоздкого аппарата обслуживания, существенно повышала маневренные возможности люфтваффе. Авиационные группы включали в свой штатный состав

Таблица 1

Численность самолетного парка ВВС Германии перед нападением на СССР

Типы самолетов	Дата	
	1 мая 1941 г.	22 июня 1941 г.
Боевые самолеты строевых частей, авиашкол, резерва, из них:	10 980	10 100
бомбардировщиков	5940	5840
истребителей	3820	3150
разведчиков	1220	1110
Транспортные самолеты	2000	Нет данных
Учебные и учебно-боевые	4320	—
Самолеты морской авиации	2200	—
Всего самолетов	19 500	—

Составлена по: Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 319. Оп. 4798. Д. 4. Л. 12

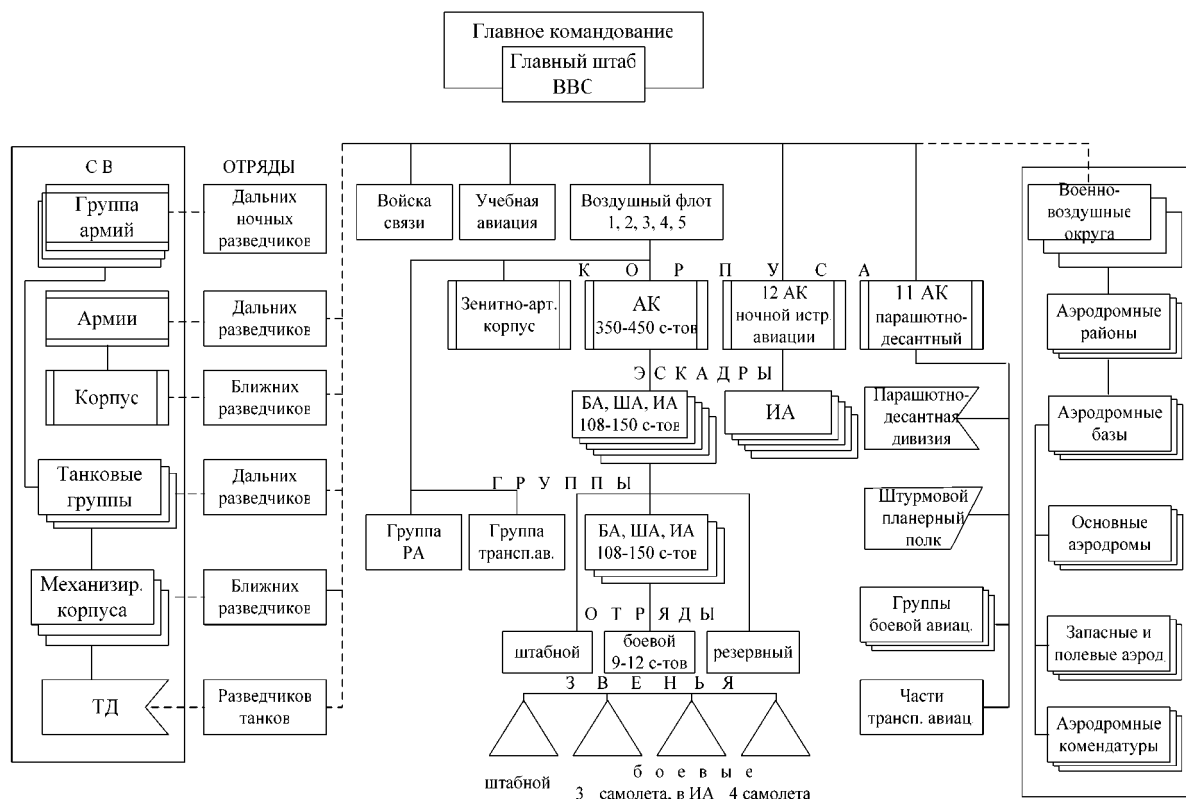

Схема. Организация ВВС фашистской Германии к июню 1941 г.

Составлена по: ЦАМО РФ. Ф. 319. Оп. 1798. Д. 4. Л. 12.

только тот обслуживающий персонал и технические средства, которые могли быть размещены в боевых и транспортных самолетах, придаваемых для перебазирования. Все остальное оборудование и специалистов, необходимых для обеспечения боевых вылетов, обязана была предоставить авиационная база по месту новой дислокации авиагруппы.

С середины 1940 года руководство Германии приступило к выполнению мероприятий по стратегическому сосредоточению и развертыванию своих вооруженных сил на востоке. На начальном этапе летом и осенью того же года проводилась частичная передислокация войск и отдельных штабов вермахта ближе к границам с СССР. Большие усилия фашистское командование приложило к строительству новых и переоборудованию старых аэродромов в восточных районах. С лета 1940 до мая 1941 года на территории Германии были оборудованы 250 аэродромов и 160 посадочных площадок, а в Польше за этот же период их построено и восстановлено соответственно 100 и 60⁹; заново создавались и усовершенствовались аэродромы в Румынии и Венгрии. Широко развитая аэродромная сеть обеспечила в последующем немецким ВВС рассредоточенное базирование и свободу маневра авиации.

Значительную роль в организации и проведении развертывания авиации сыграли созданные в феврале — мае 1941 года «рабочие штабы» (оперативные группы) воздушных флотов и авиационных корпусов. Так, на оккупированных территориях Польши и Чехословакии начали действовать штабы военно-воздушных округов, которые занимались под-

готовкой районов для сосредоточения и развертывания авиационных соединений, контролировали ход строительства новых аэродромов, объектов связи, радионавигации, решали вопросы расквартирования личного состава.

В ходе подготовки к развертыванию авиационной группировки штабы военно-воздушных округов сформировывали в районе будущей дислокации каждого воздушного флота по два штаба (группы) материально-технического обеспечения, которые руководили деятельностью соединений авиационного тыла, осваивавших закрепленную за военно-воздушным округом территорию. Как правило, на территории военно-воздушного округа находилось до пяти аэродромных районов. В дальнейшем, с началом военных действий и продвижением фашистских войск в глубь территории Советского Союза, такие оперативные группы и «рабочие штабы» создавались на оккупированной территории для обеспечения перебазировавшейся вслед за сухопутными войсками авиации.

Переброска боевой авиации к советским границам происходила поэтапно, достигнув наивысших показателей к июню, а ее наращивание производилось по четко разработанному единому плану переброски сухопутных войск и авиации в приграничные с СССР районы. Самолеты перебрасывались как по воздуху, так и наземными эшелонами.

С февраля 1941 года гитлеровское командование начало переброску основных сил — последовательно, пятью эшелонами. В первых четырех эшелонах передислоцировались войска и авиация, предна-

значенные для участия в наступлении с первого дня войны. Пятым эшелонам выдвигался резерв главного командования.

Развертывание авиационной группировки производилось с соблюдением строжайших мер маскировки. Так, доставка необходимых материалов к аэродромам, расположенным в приграничной полосе, велась только ночью; во всех авиационных соединениях соблюдался жесткий режим радиообмена; передислокация частей 2-го воздушного флота из Бельгии и Франции шла поэтапно (вначале истребители, затем бомбардировщики) под видом мероприятий по расширению сети летных школ и частей резерва для авиационных соединений, действовавших против Англии.

Передислокация основных сил ВВС производилась скрытно в первые три недели июня 1941 года. Авиационные части перелетали в районы развертывания со своих постоянных баз одиночными самолетами или звеньями, прокладывая маршруты, минуя крупные населенные пункты и объекты. Одновременно с передислокацией боевых частей на восток летные школы перебазировались на запад. Все перелеты осуществлялись при полном радиомолчании.

Контролировалась передислокация авиации разведывательными самолетами, наблюдавшими также и за передовыми аэродромами. К се-

Таблица 2

**Силы немецко-фашистской авиации,
сосредоточенные
у западных границ СССР к 22 июня 1941 г.**

Типы боевых самолетов	Всего самолетов	Процент от общего количества имевшихся самолетов	Соотношение родов авиации
Бомбардировщики	1519	26	46
Истребители	965	31	30
Разведчики	781	70	24
Итого	3265	32	100

Составлена по: ЦАМО РФ. Ф. 362. Оп. 6169. Д. 6. Л. 8-17, 33, 234.

редине дня 21 июня соединения ВВС первого удара были сосредоточены на передовых аэродромах и площадках западнее реки Вислы. К вечеру того же дня они одиночными самолетами на малой высоте перебазировались на оперативные аэродромы в непосредственной близости к границе с СССР.

Район развертывания и сосредоточения соединений ВВС по плану «Барбаросса» охватывал по фронту 3400 км (Финляндия — Ленинград — Одесса) и в глубину до 1600 км. Каждую группу армий поддерживал один воздушный флот, а каждую армию и танковую группу на направлении главного удара — один авиакорпус.

Распределение сил и средств у границ СССР отражало главную ставку немецко-фашистского командования на проведение «молниеносной войны». Создание значительных стратегических резервов считалось при этом нецелесообразным. В то же время командование люфтваффе имело так называемый центральный резерв — до 400 самолетов. В качестве стратегических резервов отчасти можно было также рассматривать авиацию 3-го воздушного флота, дислоцировавшегося к тому времени на территории оккупированной

Франции, и авиационные соединения, базировавшиеся на Балканах и в Северной Африке¹⁰. К 22 июня 1941 года вдоль границы с СССР Германия сосредоточила (см. табл. 2) четыре воздушных флота, в составе которых имелись 3265 самолетов (32 проц. от общего количества боевых самолетов ВВС), в том числе 70 проц. разведчиков, 31 — истребителей и 26 — бомбардировщиков. Соотношение родов авиации было следующим: 46 проц. составляли бомбардировщики, 30 — истребители и 24 — разведчики¹¹. Сателлиты фашистской Германии (Финляндия и Румыния) выделили 1010 боевых самолетов. Таким образом, общая численность авиации агрессора (см. табл. 3) у западных советских границ составляла 4275 боевых самолетов. Кроме того, 90 самолетов наготове держала Венгрия, которая ввела их в бой в июле 1941 года¹².

К началу вторжения противник перегруппировал свои основные авиационные силы: против ВВС Западного и Киевского ОВО должно было действовать соответственно 34,3 и 22,7 проц. общей численности немецкой авиации, находившейся у советских границ. В целом на восточном направлении противник сосредоточил 43,6 проц. всей ударной авиации, добившись таким образом равенства в количестве бомбардировщиков с ВВС Красной армии. Здесь же было до

25 проц. разведывательной авиации, чем достигалось превосходство над советскими разведчиками и корректировщиками в численном отношении в 1,7 раза. С учетом же боеготовности экипажей в целом неприятель здесь обеспечил более чем полуторный перевес сил.

Независимо от характера выполняемых задач боевой деятельностью люфтваффе руководило лишь командование ВВС. Командующие воздушными флотами, командиры авиационных соединений и частей руководствовались только его приказами. Это позволяло массировать авиацию на главных направлениях, сосредоточивать ее усилия на решении главных задач. Благодаря такой организационной структуре достигались централизация управления ВВС, удобство руководства боевыми действиями, а также их всестороннее обеспечение.

Таким образом, авиационная группировка, созданная у границ СССР к июню 1941 года, отвечала требованиям гитлеровской концепции «молниеносной войны». Немецкие ВВС упреждали советскую авиацию в развертывании, при этом их части и соединения были укомплектованы высококачественной техникой и личным составом, имевшим богатый боевой опыт. Все это позволяло эффективно выполнять стоящие перед ними задачи, действовать массированно, энергично, с высоким боевым напряжением, что и обеспечило им захват стратегической инициативы в ведении войны в общем и стратегическое превосходство в воздухе над советскими ВВС в частности.

Таблица 3

**Группировка ВВС фашистской Германии и ее сателлитов,
сосредоточенная у западных границ СССР к 22 июня 1941 г.**

Районы базирования авиации	Всего	В том числе		
		бомбардировщиков	истребителей	разведчиков
В полосе гр. А «Норвегия» и финских армий «Юго-Восточная» и «Карельская», в том числе:	614	302	173	139
5 ВФ (Германия)	98	66	12	20
гр. А «Норвегия» (Германия)	10	—	—	10
ВВС Финляндии	506	236	161	109
В полосе гр. А «Север», в том числе:	669	271	203	195
1 ВФ (Германия)	530	271	203	56
гр. А «Север» (Германия)	139	—	—	139
В полосе гр. А «Центр», в том числе:	1468	822	384	262
2 ВФ (Германия)	1252	822	384	46
гр. А «Центр» (Германия)	216	—	—	216
В полосе гр. А «Юг», в том числе:	1473	492	570	411
4 ВФ (Германия)	772	360	366	46
гр. А «Юг» (Германия)	197	—	—	197
ВВС Румынии	504	132	204	168
В распоряжении ГК ВВС	51	—	—	51
Всего боевых самолетов	4275	1887	1330	1058
Самолетов связи и транспортных	639	—	—	—
Итого	4914	1887	1330	1058

Составлена по: ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 1128. Д. 154. Л. 180; Бабкин В.Д. Опыт подготовки и ведения боевых действий объединений и соединений фронтовой авиации в начальный период Великой Отечественной войны и его значение для современных условий. Дисс. ... канд. ист. наук: Моноин: ВВА, 1989. С. 35, 165.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Клаузевиц Карл (1780—1831) — немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии (1818). В 1812—1814 гг. находился на военной службе в русской армии.

² Более подробно об этой работе см.: Воен.-истор. журнал. 2003. № 1, 2, 3.

³ Клаузевиц К. О войне. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 28.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 319. Оп. 4798. Д. 4. Л. 12.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Ф. 35. Оп. 11285. Д. 154. Л. 180.

¹⁰ 1941 год — опыт планирования и применения Военно-воздушных сил, уроки и выводы. Материалы научно-научной конференции руководящего состава центрального аппарата ВВС (к 70-летию СА и ВМФ). М.: ЦОТИ, 1989. С. 37.

¹¹ Бабкин В.Д. Указ. соч. С. 36.

¹² Там же. С. 35, 165; ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11285. Д. 154. Л. 180.

Полковник М.А. БОБРОВ

А.Н. Максименков

ОСНОВАТЕЛЬ И ПЕРВЫЙ НАЧАЛЬНИК ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОГО МУЗЕЯ

29 МАРТА 2006 года отмечается 100 лет со дня рождения выдающегося деятеля отечественной медицины, первого начальника Военно-медицинского музея, начальника кафедры оперативной хирургии Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова, члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР, лауреата Государственной (Сталинской) премии 1-й степени, заслуженного деятеля науки РСФСР, профессора генерал-майора медицинской службы А.Н. Максименкова.

Алексей Николаевич Максименков родился в 1906 году в многодетной семье рабочего киевского завода «Арсенал». После получения начального образования он поступил на медицинские курсы, по окончании которых работал лекарским помощником. В 1925 году был зачислен в Киевский медицинский институт, а спустя три года стал слушателем Военно-медицинской академии (ВМА) и начал работать в научном кружке профессора В.Н. Шевкуненко.

После окончания ВМА в 1931 году А.Н. Максименков служил врачом в войсках. Закончив адъюнктуру при кафедре оперативной хирургии и топографической анатомии ВМА, остался на кафедре, где прошел путь от младшего преподавателя-ассистента до старшего преподавателя-профессора. В 1936-м он защитил кандидатскую диссертацию, через два года — докторскую. В 1944 году Алексей Николаевич был назначен начальником кафедры оперативной хирургии Военно-морской медицинской академии, в 1948-м — начальником кафедры оперативной хирургии и топографической анатомии ВМА, сменив на этом посту своего учителя профессора В.Н. Шевкуненко, и возглавлял ее до своей кончины.

Идея создания, а точнее возрождения Музея военно-медицинской службы родилась в Главном военно-санитарном управлении Красной армии (ГВСУ КА) еще осенью 1941 года, когда стало ясно, что с началом Великой Отечественной войны вместе со всей страной медицинская служба Красной армии и Военно-морского флота подверглась тяжелейшим испытаниям.

Начальник ГВСУ КА Е.И. Смирнов, главные хирурги фронтов и ведущие ученые Н.Н. Бурденко, В.Н. Шевкуненко, П.А. Куприянов, А.Н. Максименков, В.Н. Шамов и другие зимой 1941/42 гг.

выступили с инициативой организации Музея военно-медицинской службы Красной армии¹. Следует заметить, что к 1941 году музея медицинского профиля в стране не было. Предпринимавшиеся попытки создания такого успеха не имели.

Ведущие специалисты ГВСУ КА и ВМА разработали концепцию первого государственного медицинского музея страны — центра сбора, накопления, сохранения, тщательного изучения, анализа и обобщения огромного опыта многотысячного коллектива военно-медицинских работников в текущей войне. Это неоднократно подчеркивалось начальником ГВСУ КА и являлось руководством к действию для его создателей².

Уже в сентябре 1942 года обязанности начальника музея были возложены на профессора А.Н. Максименкова. Такой выбор был не случаен. Принимался во внимание приобретенный еще в 1930-х годах опыт А.Н. Максименкова, который, будучи адъюнктом кафедры оперативной хирургии, являлся ответственным за ее музей. При назначении на должность начальника музея учитывался также опыт Алексея Николаевича в деле организации архива материалов санитарной службы Красной армии за период Советско-финляндской войны и подготовки документов для научной разработки³.

В октябре 1942 года для обсуждения структуры музея и основных направлений его деятельности прошло совещание, на котором с соответствующим докладом выступил А.Н. Максименков. В результате был определен состав музея — 11 отделов, 9 из которых являлись научно-исследовательскими.

Приступая к формированию музея, Алексей Николаевич пришел к выводу о целесообразности использования в первую очередь материалов фронтовых и армейских конференций. При этом сбор необходимых экспонатов осуществлялся непосредственно на фронтах. Уже в конце 1942 года с Карельского, Волховского, Калининского и других фронтов начали поступать разнообразные материалы, а 26 апреля 1943 года группе офицеров ГВСУ КА была представлена первая экспозиция музея⁴.

А.Н. Максименков, опережая время, рассматривал музей не только как «институт по изучению опыта Отечественной войны, а следовательно, и последующих войн»⁵, но в качестве достойного преемника первых медицинских музеев Российской Империи и СССР и, по сути, единственного хранителя основных медицинских коллекций России XVIII—XX вв. Поэтому в фондах музея уже тогда находились произведения живописи, скульптуры, фотографии, макеты, подлинные вещи, предметы военно-медицинского снабжения, научные труды, указы, атласы (ряд экспонатов X—XII вв., среди которых предметы вооружения и труда славян; «Рецепт», выписанный док-

тором Иваном по приказу Б.Я. Бельского в 1581 г.; указ Петра I «Об устройстве медицинской части в войсках» (1706) и др.).

На основе материалов музея стало возможным создание фундаментального 35-томного труда «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Алексей Николаевич являлся ответственным секретарем и автором ряда его разделов.

Следует подчеркнуть, что еще в сентябре 1942 года, при обсуждении в ГВСУ КА структуры будущего музея, А.Н. Максименков одним из непременных его отделов называл научную библиотеку и приложил немало усилий для организации снабжения ее бесплатными экземплярами всех книг в области медицины, выходящих в свет.

Огромные трудности были связаны с передислокацией музея в Ленинград (решение Государственного Комитета Обороны от 22 марта 1945 г.)⁶. Алексею Николаевичу в тот период неоднократно пришлось проявлять свой незаурядный талант организатора, так как предстояло найти подходящее помещение для экспозиции, размещения фондов, лаборатории, огромного архива медицинских документов. А.Н. Максименков также уделял большое внимание оформлению экспозиций музея и сумел привлечь к этой работе лучших деятелей искусства. 25 сентября 1951 года состоялось публичное открытие экспозиционных залов музея.

В 1952 году А.Н. Максименков вернулся на кафедру ВМА и был освобожден от должности начальника музея.

Яркая жизнь Алексея Николаевича оборвалась слишком рано — он умер в 1968 году, но его идеи получили дальнейшее развитие. Главное же дело его жизни — Военно-медицинский музей продолжает активную собирательскую деятельность, проводит научно-исследовательские работы по истории медицины, анализирует, обобщает опыт медицинского обеспечения современных локальных войн и вооруженных конфликтов, занимается культурно-просветительной деятельностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Будко А.А., Шабунин А.В. В.Н. Шевкуненко — видный топографоанатом и хирург // Воен.-мед. журн. 2002. № 3. С. 66—68.

² Архив Военно-медицинского музея Министерства обороны РФ (ВММ МО РФ). Ф. 1. Оп. 55144. Д. 7. Л. 6.

³ Там же. Ф. 2. Оп. 69530. Д. 1. Л. 13.

⁴ Там же. С. 66.

⁵ Там же. Оп. 46958. Д. 2. Л. 7.

⁶ Там же. Оп. 52027. Д. 5. Л. 2.

*Полковник медицинской службы
А.А. БУДКО,
Н.Г. ЧИГАРЕВА,
Л.Д. ИВАНОВА*

ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ США В КОНЦЕ XX ВЕКА

Вступление мирового сообщества в последнее десятилетие XX века проходило в условиях коренных изменений геополитической обстановки в мире, связанных с развалом международной системы социализма и ее военно-политической организации — Варшавского договора. При этом развитие этого процесса отличалось скоротечностью и непредсказуемостью, что в свою очередь явилось неожиданностью для стратегов Запада. В данной связи сложность прогнозирования изменений обстановки в лагере бывшего противника обусловила частую корректуру военно-политических концепций, а вместе с ними и национальной военной стратегии США в первой половине 1990-х годов, являющейся предметом исследования автора статьи.

ВМАРТЕ 1990 года в ежегодном послании конгрессу президент США Дж. Буш наряду с признанием снижения напряженности в отношениях между Востоком и Западом указал на возможность возврата к политике прямой конфронтации с Советским Союзом. Рассматривая его по-прежнему как военную сверхдержаву, американский руководитель предлагал на неопределенное время сохранить основные элементы военной стратегии 1980-х годов, ориентированной на подготовку вооруженных сил к войне с СССР¹.

Вместе с тем в докладе отмечалось, что при благоприятном для США развитии обстановки в Советском Союзе и странах Восточной Европы в перспективе возможен пересмотр приоритетных направлений стратегии национальной безопасности в пользу региональных интересов. При этом в качестве признаков изменения обстановки в выгодном для Соединенных Штатов направлении назывались: в политической области —

коренные изменения в советской системе, которые носили бы необратимый характер и гарантировали невмешательство СССР в политику стран бывшего социалистического содружества; в военной сфере — значительное сокращение вооружений и численности вооруженных сил СССР и конверсия его военного производства².

Начало кризиса в Персидском заливе, вызванного вторжением иракских войск в Кувейт, ускорило процесс перехода к новой военной стратегии. Уже 2 августа 1990 года Дж. Буш выступил с речью, в которой сформулировал направления национальной оборонной стратегии³, сориентированной на противодействие региональным угрозам.

Эти направления, проработанные в министерстве обороны США и дополненные новыми положениями с учетом опыта военных действий в Персидском заливе, легли в основу национальной военной стратегии, принятой в январе 1992 года. В ней, в частности, были отражены глобальные изменения в мире, связанные с распадом Советского Союза. Так, в докладе председателя объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США генерала К. Пауэлла конгрессу в этой связи подчеркивалось, что в новой национальной военной стратегии содержится определенный отход от принципов, на основании которых формировалась военная политика США со времен Второй мировой войны. В числе наиболее существенных из них отмечались «переход от политики сдерживания распространения коммунизма и агрессии со стороны СССР к более разносторонней, гибкой, имеющей региональную ориентацию стратегии, способной решительно реагировать на вызовы текущего десятилетия»⁴.

Центральным положением новой стратегии являлся тезис о необходимости «обеспечения руководства США мироустройством», однако ее главнейшей задачей по-прежнему оставалось сдерживание агрессии путем устрашения⁵. Это обосновывалось в первую очередь сохранением ядерного потенциала в республиках бывшего Советского Союза и возрастанием угрозы со стороны «потенциально враждебных государств», разрабатывающих оружие массового поражения. С учетом данного

обстоятельства программу Стратегическая оборонная инициатива (СОИ) предполагалось перенацелить на разработку системы, обеспечивающей защиту от ограниченных ракетно-ядерных ударов.

Уроки кризиса в районе Персидского залива внесли соответствующие изменения и во взгляды на подготовку и ведение обычных войн, среди которых стала выделяться категория региональных конфликтов. В этой связи в плане реализации задачи «реагирование на кризисы» предполагалось применение мощных группировок, способных быстро реагировать на изменение обстановки в широком диапазоне — от нанесения одиозного выборочного удара до крупномасштабной операции. От вооруженных сил требовалось находиться в постоянной готовности к ведению военных действий (самостоятельно или во взаимодействии с союзниками) в одном «существенном региональном кризисе». Помимо этого они должны были иметь силы для одновременного обеспечения американских интересов в других районах.

Задача «передовое присутствие» в документе объявлялась «жизненно необходимой» для ответных действий в случае возникновения кризисных ситуаций и «осязаемой демонстрации» намерений США обеспечить свои интересы военными способами. Ее предполагалось решать размещением в различных регионах мира на постоянной или ротационной основе группировок вооруженных сил с обеспечением их заблаговременно созданной системой баз и складов.

В связи с сокращением численности группировок сухопутных и военно-воздушных сил на заморских территориях значительно большая роль в обеспечении решения этой задачи новой военной стратегии отводилась военно-морским силам, для которых уменьшение контингентов, развернутых на передовых рубежах, не предусматривалось.

Задача по подготовке вооруженных сил к ведению глобальной войны претерпела наибольшие изменения. Это определялось фундаментальными переменами, происшедшими в оценке угроз для США. В качестве основных из них были названы угрозы со стороны Северной Кореи,

Ирака и, возможно, Ирана. Однако, несмотря на признание факта снижения уровня «советской угрозы», американская военная стратегия, как и прежде, считала, что она существует. В связи с этим допускалась возможность перерастания региональной войны во всеобщую с участием в ней США и государств СНГ. Поэтому от вооруженных сил требовалось сохранять «способность к воссозданию», то есть наращиванию потенциала до уровня, обеспечивающего возможность ведения военных действий в глобальном масштабе.

В целях реализации фундаментальных положений, провозглашенных в военной стратегии, командованием вооруженных сил США была разработана концепция «базовых сил». Она предусматривала содержание меньших по составу (по сравнению с 1980-ми годами) вооруженных сил, но способных выполнять весь комплекс возложенных на них задач в любом регионе мира с применением как обычных, так и ядерных средств.

Процесс планирования военных действий, не достигающих масштабов глобальной войны, согласно новому документу предполагалось в максимальной степени децентрализовать. На министра обороны возлагалось лишь общее политическое и административное руководство, заключавшееся в определении целей применения вооруженных сил и окончательном утверждении соответствующих планов. Функции же выработки замыслов операций, выделения необходимого состава сил и средств для их реализации, адаптации заблаговременно разработанных планов применительно к конкретным условиям обстановки были отданы главнокомандующим (командующим) объединенными (специальными) командованиями, подчинявшимися непосредственно председателю Комитета начальников штабов (КНШ). В свою очередь работа последнего строилась в тесном взаимодействии с руководителями видов вооруженных сил и других военных ведомств⁶.

Исходя из этого, командование ВМС организовывало работу подчиненных органов стратегического исследования и планирования по прогнозированию и определению вариантов использования сил флота в конфликтах различной интенсивности. Эти варианты в последующем были включены в содержание военно-морской стратегии.

Существенным отличием обновленной национальной военной стратегии являлся так называемый пакетный принцип организации вооруженных сил. В соответствии с ним вооруженные силы США подразделялись на восемь компонен-

тов: четыре боевых и столько же обеспечивающих. В состав первых вошли стратегические, тихоокеанские и атлантические силы общего назначения, а также силы быстрого развертывания. Количество подводных лодок с баллистическими ракетами в стратегических силах по условиям Договора о сокращении наступательных вооружений (СНВ) уменьшилось до 18 единиц. Тем не менее по числу ядерных зарядов они по-прежнему прочно занимали первое место среди других составляющих триады. В тихоокеанские и атлантические силы наряду с сухопутными войсками и ВВС, как свидетельствуют данные (см. табл.), были включены достаточно мощные группировки ВМС общего назначения. Силы быстрого развертывания США включали группировки войск (сил) передового базирования, силы специальных операций и войска (силы), дислоцированные на континентальной части США.

В обеспечивающие компоненты вооруженных сил США вошли следующие:

командования, силы и средства перевозок — для обеспечения перегруппировок большого количества войск (личного состава, оружия и военной техники) в различные регионы земного шара по воздуху и морем, при этом учитывался опыт подготовки и обеспечения военных действий в районе Персидского залива (накануне и в ходе войны около 95 проц. военных грузов перевозилось морским транспортом);

космические силы и средства — для решения задач раннего предупреждения о воздушно-ракетном нападении противника, наблюдения, навигации, связи, целеуказания и управления в ходе военных действий;

силы и средства восстановления военного потенциала — для обеспечения войск (сил) на этапе их подготовки и в ходе длительных боевых действий;

силы и средства исследований и разработок — для выполнения программ обеспечения и поддержания научно-технического превосходства над противником.

В новой стратегии подчеркивалось, что такое деление базовых сил является средством установления их размеров, а не планом новой командной структуры. Кроме того, отмечалось, что, несмотря на ориентацию части сил на определенные географические районы, они могут быть использованы в любом регионе мира.

АНАЛИЗ ряда заявлений политических руководителей США, сделанных в 1991—1992 гг., свидетельствует, что военной стратегии первоначально предполагалось придать долгосрочный характер с сохранением значения ее основных положений по меньшей мере до конца 1990-х годов. В обоснование этого указывалось на неопределенность дальнейшего развития событий на территории постсоветского пространства. Однако, оценивая совокупную военную угрозу со стороны России и стран СНГ, генерал К. Пауэлл в 1992 году высказал версию о том, что в ближайшем будущем военные возможности этих государств будут значительно ослаблены «экономическим и политическим хаосом в республиках, который серьезно затруднит сохранение и эффективное использование военной мощи в глобальном масштабе»⁷.

В реальности же темпы ослабления российского военного потенциала оказались настолько высокими, что позволили президенту США уже в 1993 году в ежегодном докладе⁸ Конгрессу заявить об исчезновении наиболее опасного, по его оценке, источника военной угрозы — со стороны России и окончательной переориентации национальной стратегии с преимущественного противодействия глобальной угрозе на «устранение региональных вызовов и рисков», со «сдерживания путем устрашения» на национальную военную стратегию «региональной направленности»⁹.

Завершение вывода группировок бывших советских войск из стран Восточной Европы, радикальные сокращения российской армии и флота, проведенные в последующие два года, развал воен-

Таблица

Состав группировок ВМС в боевых силах общего назначения США

Компонент боевых сил и зона ответственности	Распределение сил по задачам	
	передовое присутствие	дополнительно при реагировании на кризисы
Атлантические силы Европа, Ближний Восток, Африка. Средиземное море	Две авианосные ударные группы (АУГ), группы амфибийных сил (из состава Атлантического и Тихоокеанского флотов)	Четыре АУГ, одна экспедиционная дивизия морской пехоты
Тихоокеанские силы Зона Тихого океана, включая Юго-Восточную Азию и Индийский океан	Одна АУГ; одна экспедиционная дивизия морской пехоты	Пять АУГ

но-промышленного комплекса еще более ослабили военный потенциал Российской Федерации. По оценке Центра стратегических и международных исследований США, сделанной в конце 1994 года, возрождение «советской военной угрозы» в лице Российской Федерации стало маловероятно ввиду чрезвычайного ослабления ее вооруженных сил. Полностью не исключая такую возможность, специалисты центра утверждали, что время предупреждения для США (НАТО) в этом случае составит несколько лет.

Аналогичные выводы содержались во всеобъемлющем анализе комплекса новых и старых «вызовов безопасности США в переходный период», проведенном по указанию президента Национальным университетом обороны, Институтом национальных стратегических исследований и министерством обороны страны. Тем не менее в их оценках стратегической обстановки наряду с подтверждением факта исчезновения военной угрозы со стороны бывшего СССР было заявлено о наличии большого количества различного вида других угроз, которым Америка должна противостоять до конца столетия. В этой связи аналитиками делался вывод о недопустимости дальнейшего сокращения вооруженных сил США и необходимости сохранения и дальнейшего развития их мощного потенциала¹⁰.

Эти и некоторые другие факторы легли в основу стратегии национальной безопасности США на 1995 год. Содержание этого документа пронизано тезисами об утверждении главенствующей роли Соединенных Штатов, которые, по заявлению президента Б. Клинтона, являются величайшей державой мира с глобальными интересами и глобальной ответственностью и единственной страной, способной в сложившихся условиях взять на себя руководство миром¹¹. Исчезновение «угрозы коммунистической экспансии» преподносилось им как благоприятная возможность для предоставления США поистине неограниченной свободы действий в реализации своих планов.

Ключевая роль в обеспечении успеха осуществления американской стратегии отводилась вооруженным силам. При этом особо подчеркивалось, что «военная сила остается незаменимым элементом мощи» американского государства, а сохранение военного потенциала является непременным условием для обеспечения способности играть ведущую роль в защите общих интересов. Исходя из данного положения, в стратегии национальной безопасно-

сти содержался вывод о необходимости сохранения «мощных и гибких вооруженных сил, способных решать различные задачи».

Подтверждением признания ключевой роли вооруженных сил в стратегии США стало заявление Б. Клинтона о том, что он не допустит дальнейших сокращений, способных подорвать их структуру или ослабить боеготовность. Президент обратился к Конгрессу с запросом о выделении дополнительных ассигнований «для того, чтобы непредвиденное задействование армии в этих операциях не отразилось на качестве ее подготовки». Кроме того, он дополнительно выделил министерству обороны на ближайшие шесть лет 25 млрд. долларов для обеспечения должного уровня готовности вооруженных сил и улучшения качества жизни военнослужащих и членов их семей¹².

ВОЕННЫЕ аспекты стратегии национальной безопасности получили развитие в принятой в том же году новой национальной военной стратегии «гибкой и избирательной вовлеченности», содержание которой излагалось в докладе председателя Комитета начальников штабов США генерала Дж. Шаликашвили. Он, в частности, заявил, что «основным предназначением вооруженных сил должна оставаться готовность к ведению войны и одержанию в ней победы, где бы и когда бы это ни потребовалось». В качестве главной цели новой военной стратегии Дж. Шаликашвили отметил поддержание сил, способных принять участие и одержать победу в двух «почти одновременных» крупных региональных конфликтах¹³.

Военная стратегия «гибкой и избирательной вовлеченности» определяла три главные задачи, которые должны были быть способны решать вооруженные силы США: демонстрация военной силы в мирное время; сдерживание и предотвращение конфликтов; ведение боевых действий и их победоносное завершение. К числу других задач относились: обеспечение необходимого присутствия на заморских территориях и в ключевых регионах в мирное время; противодействие распространению оружия массового поражения; участие в многосторонних миротворческих операциях; поддержка усилий по борьбе с терроризмом и иных действий в интересах обеспечения национальной безопасности.

Решать данные задачи предполагалось с опорой на две взаимодополняющие стратегические концепции: «передовое присутствие» и «распространение (проецирование) силы». В соответствии

с их положениями рабочими группами объединенного штаба Комитета начальников штабов был разработан ряд возможных сценариев войн и военных конфликтов. Примечательно, что наибольший объем задач в смоделированных ситуациях отводился военно-морским силам как наиболее боеготовому, универсальному и мобильному виду вооруженных сил, способному действовать не только на океанских и морских театрах, но и на приморских направлениях сухопутных театров.

Стратегия национальной безопасности «в следующем столетии», подготовленная администрацией Б. Клинтона в мае 1997 года, по сути, повторяла положения стратегии 1995 года. В ней подчеркивалось, что американская мощь, которая «не имеет себе равных в мире», и лидирующая роль США в мире являются «необходимыми компонентами для достижения цели — сделать Америку более безопасной и процветающей». В содержании стратегии вновь особо акцентировалась роль вооруженных сил в формировании международной обстановки, «отвечающей американским интересам»¹⁴. Вместе с тем в документе признавалось, что пока еще Соединенные Штаты не готовы самостоятельно решить все международные проблемы, и их урегулирование требует многосторонних усилий в рамках коллективной безопасности.

Важно подчеркнуть, что подобные высказывания неоднократно звучали в выступлениях политического руководства страны. Их анализ позволяет сделать вывод, что сутью организации коллективной безопасности по американским стандартам являлось использование для урегулирования конфликтов в интересах США коалиционных группировок под флагом международных организаций, но при обязательном руководстве со стороны США. Одной из целей подобного подхода выдвигалась идея экономии своих сил и средств. Об этом достаточно открыто заявляла государственный секретарь США М. Олбрайт в подкомитете по международным отношениям конгресса: «Если мы не создадим институтов и не выделим необходимых средств в рамках распределения бремени по установлению международного порядка, — подчеркивала она, — США придется бесконечно транжирить свой ресурс, волю, солдат»¹⁵.

Замысел американского руководства по привлечению других стран к «установлению международного порядка» особую актуальность приобрел к середине 1990-х годов, то есть с началом

приема в Северо-Атлантический альянс новых членов из числа бывших союзников СССР по Варшавскому договору.

Основным направлением в области военного строительства стала реализация решения руководства США о начале обновления вооруженных сил. Поскольку выделение значительных средств для строительства «вооруженных сил будущего», по мнению военного командования, заметно снизило бы возможности США по «формированию международной политической обстановки», был избран путь, названный министром обороны У. Коэном «компромиссом между потребностями настоящего и будущего». Он предусматривал перераспределение ресурсов и приоритетов в интересах наиболее рационального сочетания возможностей для достижения целей военной стратегии текущего периода и следующего столетия. При этом решение задачи «вести боевые действия и выйти победителем в двух почти одновременных крупномасштабных войнах на ТВД» опять же мыслилось не иначе, как с привлечением союзников¹⁶.

Военно-техническая сторона этой проблемы достаточно подробно излагалась в двух программных документах. Один из них — «Единая перспектива — 2010» — разрабатывался в комитете начальников штабов (июль 1996 г.), а другой — «Всесторонний обзор состояния и перспектив развития вооруженных сил США» — в министерстве обороны (май 1997 г.)¹⁷. На основе анализа и прогнозирования основных направлений модернизации видов вооруженных сил до 2015 года с использованием достижений так называемой технологической революции авторы документов пришли к выводу о необходимости превосходства над противником прежде всего в информационно-сфере.

УСТАНОВКИ стратегии национальной безопасности в военно-политической области были конкретизированы в очередном варианте национальной военной стратегии, принятой в сентябре 1997 года. Характеризуя ее основное содержание, министр обороны У. Коэн подчеркивал, что до 2015 года¹⁸ она будет направлена на обеспечение вооруженными силами решения трех главных задач: формирование благоприятной, прежде всего для США, международной обстановки, реагирование на кризисы и подготовку к неопределенному будущему¹⁹. Примечательно, что в решении первых двух задач ведущая роль отводилась военно-морским силам. Содержание третьей задачи

заключалось в реализации идей по перестройке вооруженных сил, изложенных в программных документах 1996 и 1997 гг.

Важно отметить, что деятельность командования ВМС в этом направлении высоко оценивалась министром обороны США. В докладе президенту и Конгрессу в мае 1997 года он, в частности, указывал, что принятие американскими ВМС революционной концепции в военном деле под названием «сетцентричные боевые действия»²⁰ увеличивает их эффективность и обеспечивает повышение роли сил флота в будущих войнах. Далее У. Коэн особо подчеркнул: «Путем сочетания передового присутствия с сетцентрично организованными силами командование ВМС значительно улучшит начальные условия, в которых находятся американские силы, существенно сократит время реагирования и позволит предотвращать развитие нежелательных для США ситуаций. В войне будущего ВМС внесут большой вклад в реализацию оперативных концепций, определенных в документе КНШ "Единая перспектива-2010"»²¹.

Президентский доклад под названием «Стратегия национальной безопасности США для нового столетия» (известный под именем «стратегии Клинтона») датирован 1999 годом. Его содержание, по сути, повторяло основные положения, изложенные в предыдущих вариантах стратегии национальной безопасности. В этой связи и содержание американской военной политики не претерпело особых изменений.

Своеобразным отчетом за четырехлетний период военно-политической деятельности военного руководства страны в сфере реализации требований стратегии национальной безопасности стал опубликованный в январе 2001 года доклад представителя уходящей администрации У. Коэна. В документе подчеркивалось, что с 1998 года объем бюджетных полномочий на финансирование министерства обороны был значительно увеличен. Это в свою очередь позволило направить дополнительные средства на повышение денежного содержания военнослужащих, обеспечение высокой боевой готовности вооруженных сил и реализации программ их модернизации, что, по мнению военного руководства США, способствовало решению одной из главных задач военной стратегии — «подготовки к возможному вызову неопределенного будущего». Показательно, что предложенные меры по повышению расходов на оборону получили почти безогово-

рочную поддержку как консервативно настроенного крыла Конгресса, так и членов демократической администрации США.

Что касается реализации задачи по «изменению международной обстановки в выгодном для США направлении», то в этой области отмечалась активизация военно-политической деятельности практически во всех регионах путем размещения американских вооруженных сил за рубежом на временной и постоянной основе, реализации программ подготовки и обучения иностранного военного персонала, торговли продукцией военного назначения, деятельности по оказанию помощи гуманитарного характера, осуществляемой совместно с проведением учений и военных операций, а также мероприятий по укреплению и расширению союзных отношений²². Важным аспектом повышения роли вооруженных сил в формировании благоприятной обстановки было названо «сдерживание» отдельных стран путем проведения декларативной политики, обеспечения американского военного присутствия за рубежом и демонстрации на практике «воли США... всегда и везде, где в этом возникала необходимость».

В этой связи уместно привести выводы из анализа применимости военной силы США за пределами национальных границ в последнем десятилетии XX века, проведенного Институтом Брукинса в 1999 году. Как подчеркивал вице-президент института Р. Хаас, «по мере того как первое десятилетие после окончания «холодной войны» подходит к концу, становится очевидным, что военное вмешательство остается ключевой характеристикой американской внешней политики. Соединенные Штаты использовали или собирались использовать военную силу в многочисленных обстоятельствах и с различными целями. Реальные или предполагаемые интервенции происходили во всех регионах мира и включали в себя карательные рейды, удары с целью принуждения, сдерживание, превентивные акции, миротворчество, поддержание мира и содействие в создании государственных институтов»²³.

Наиболее распространенным типом использования американских вооруженных сил за рубежом оказались операции, осуществлявшиеся совместно с правоохранительными органами в целях борьбы с производством и незаконным оборотом наркотиков. С 1990 по 1999 год было проведено около 40 таких операций, в подавляющем большинстве в Латинской Америке. Далее следуют гуманитарные операции:

эвакуация американских и иностранных граждан из районов вооруженных конфликтов, помощь населению, пострадавшему от стихийных бедствий или всплеск массового этнического или политического насилия. В 1990—1999 гг. было проведено не менее 25 подобных акций²⁴.

Следовательно, в подавляющем большинстве случаев вооруженные силы США использовались либо в полицейских операциях, либо в гуманитарных целях, причем их применение проходило в рамках четко сформулированного и ограниченного политического мандата, предусматривающего не столько разгром вооруженных сил противника, капитуляцию и смену его политического руководства, захват территории и т.д., сколько прежде всего принуждение к выполнению определенных политических условий, сформулированных, как правило, международными организациями и институтами.

Вместе с тем военно-политическая деятельность США в последнем десятилетии XX века характеризовалась проведением ряда крупных военных акций против независимых государств без каких-либо санкций Совета Безопасности ООН. К их числу в первую очередь относятся: воздушная операция «Лис в пустыне» 1998 года и нанесение ракетных ударов по «террористическим центрам» в Судане и Афганистане в 1998 году, а также операция «Союзная сила» против Союзной республики Югославии в 1999 году. В последнем случае массированные бомбардировки Косово и Сербии не были собственно американской акцией, а проводились в рамках коллективных действий НАТО, решение на которые принималось всеми государствами — членами этой организации. Тем не менее политические установки Вашингтона во многом определили стратегию Североатлантического альянса, а американские ВВС и ВМС сыграли решающую роль в этой операции.

Примечательно, что именно эти военные акции были названы в докладе министра обороны США как наиболее важные, подчеркивающие вклад вооруженных сил в решение задачи «реагирования на кризисы».

Помимо этого в докладе утверждалось, что в настоящее время у Соединенных Штатов нет глобального соперника и вряд ли он появится в обозримом будущем. США превосходят всех по своим военным возможностям и являются единственным государством в мире, способным организовать, возглавить и вести широкомасштабные и эффективные военные опе-

рации на значительном удалении от своих границ. В то же время в документе не исключалось, что в долгосрочной перспективе на международной арене могут появиться региональные державы или соперники глобального масштаба, в числе которых назывались Китай и Россия. При этом относительно способности нашего государства восстановить свои наступательные возможности по периферии государственных границ говорилось, что это потребует от российского руководства проведения крупных подготовительных мероприятий, которые не пройдут незамеченными для США.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ анализ национальной военной стратегии США периода 1950—1980-х годов и военной стратегии последнего десятилетия XX века позволяет отметить, с одной стороны, определенные изменения в содержании ее основных направлений, а с другой — общие черты, отражающие неизменность военно-политического курса на протяжении более пяти десятилетий. Так, военно-политическая направленность американской военной стратегии после окончания Второй мировой войны до начала 1990-х определялась политикой «сдерживания коммунизма», в которой главными противниками были объявлены Советский Союз и страны социалистического содружества. Главная роль в противостоянии двух систем в периоды наибольшего его обострения американской стороной отводилась военной силе.

После дезинтеграции СССР и ликвидации Организации Варшавского договора, с исчезновением фактора «советской военной угрозы» в обоснование сохранения ведущей роли военной силы в политике США были выдвинуты положения о возникновении и росте различного рода угроз национальной безопасности, в том числе и «непредсказуемых угроз будущего столетия», требующих организации надежной защиты национальных интересов. В течение последнего десятилетия XX века по существу произошла трансформация американской политики с условий «биполярного мира» на «монополярный», в рамках которого США взяли на себя роль единственного «мирового лидера». Данное обстоятельство привело к изменению военно-политической стороны военной стратегии в направлении еще большей ее глобализации и агрессивности.

Взгляды на характер будущей войны и соответствующие способы и формы применения вооруженных сил США эволюционизировали от абсолютизации ядерного оружия, декларируемой док-

триной «массированного ответного удара» и теорией всеобщей ядерной войны 1950-х годов, к принятию военной стратегии «гибкого реагирования» в 1960-х годах. Период 1970—1980-х годов характеризуется разработкой и принятием военно-стратегических концепций, предусматривавших многообразие способов использования военной силы с применением как стратегического и тактического ядерного оружия в глобальной войне, так и только обычного вооружения в широкомасштабных войнах и локальных военных конфликтах. Вместе с тем основное внимание в эти десятилетия в США уделялось разработке военно-стратегических концепций, связанных с подготовкой национальных вооруженных сил совместно со странами НАТО к глобальному вооруженному противоборству с СССР и его союзниками по Организации Варшавского договора.

СЕРЕДИНЫ 1990-х годов факт значительного снижения возможности возникновения войны мирового масштаба в содержании американской военной стратегии получил официальное признание. В этой связи ее военная и политическая сторона была скорректирована в направлении подготовки вооруженных сил к ведению военных действий в региональных войнах и конфликтах меньшего масштаба. В то же время сохранилось положение о возможности возникновения крупномасштабных войн и участия в них США.

Характер и содержание военно-технической стороны национальной военной стратегии США определялись ролью и местом отдельных компонентов военной силы в реализации задач вооруженных сил. Это напрямую касалось процесса их строительства. Значительное влияние на развитие отдельных видов вооруженных сил оказывали и субъективные факторы, обусловленные традиционными связями политических и военных руководителей с военно-промышленными корпорациями.

Так, до начала 1960-х годов главным компонентом военной силы была объявлена воздушноядерная мощь, основанная на способности стратегической авиации США к нанесению превентивных или ответных ударов с использованием атомного оружия. Сухопутным войскам, как и военно-морским силам, в реализации задач военной стратегии была отведена второстепенная роль. В 1960-е годы в военном строительстве упор был сделан на развитие сил общего назначения с отведением главной роли сухопутным войскам. Одновре-

менно в составе «триады» стратегических ядерных сил стремительно набирала мощь морская компонента — атомные подводные лодки с баллистическими ракетами, тогда как надводные силы ВМС, которым отводилась вспомогательная роль в войне, переживали некоторый упадок.

1970—1980-е годы по праву можно считать периодом ренессанса военно-морских сил США в связи с занятием ими одного из ведущих мест в решении задач национальной военной стратегии. Именно в эти годы ВМС получили наиболее динамичное развитие.

В 1990-х годах военно-техническая направленность национальной военной стратегии США определялась процессами реформирования и одновременного сокращения вооруженных сил, а также взятым курсом на создание «объединенных вооруженных сил». В этой связи официально приоритет развития одного из видов вооруженных сил военной стратегией не объявлялся. Однако же, судя по объему возлагавшихся и практически решавшихся задач, ВМС сохраняли одну из ведущих ролей, что напрямую отражалось на их финансировании. К началу XXI века после проведенных сокращений состав американских вооруженных сил стабилизировался. Тем не менее процессы реформирования и создания «единых вооруженных сил» продолжают.

Таким образом, коррективы, вносившиеся в содержание военной стратегии США в 1990-е годы, в целом соответствовали глобальным изменениям международной обстановки и расстановке сил в мире. Вместе с тем продекларированные американскими стратегиями «новые» пути в военной политике свидетельствуют, что в условиях ликвидации противовеса военно-политическим устремлениям США со стороны бывшего СССР американское руководство еще более расширило рамки своих геополитических интересов и по-прежнему стремилось отстаивать их преимущественно с помощью военной силы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов. М., 1990. С. 19, 45—53.

² Там же. С. 11, 12, 19—21, 23, 24.

³ Так в период правления администрации Буша именовался раздел «Стратегии национальной безопасности», который являлся основой для формирования национальной военной стратегии.

⁴ См.: Национальная военная стратегия США. Доклад председателя Комитета начальников штабов ВС США / Пер. с англ. М., 1992. С. 5.

⁵ См.: там же. С. 14.

⁶ См.: там же. С. 26—28.

⁷ См.: Национальная военная стратегия США... С. 7.

⁸ Доклад подписан Дж. Бушем, но в его подготовке участвовали сотрудники новой администрации, и по ключевым моментам он согласован с президентом Б. Клинтон (см.: Стратегия национальной безопасности США / Пер. с англ. М., 1993. С. 2).

⁹ См.: там же. С. 3, 5, 20.

¹⁰ См.: Strategic Assessment 1995. U.S. Security Challenges in Transition. Report of the National Defense University Institute for National Strategic Studies. Washington, 1995. P. 11, 14, 31, 68, 69.

¹¹ См.: Стратегия национальной безопасности США. Стратегия вовлеченности в международные дела и распространение демократии в мире / Пер. с англ. М., 1995. С. 3—5, 8, 11, 12, 20 и др.

¹² Там же. С. 14.

¹³ См.: Национальная военная стратегия США. Доклад председателя Комитета начальников штабов ВС США / Пер. с англ. М., 1995. С. 3, 4.

¹⁴ Стратегия национальной безопасности в следующем столетии. М., 1997. С. 3—6, 16.

¹⁵ Цит. по: Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996. С. 138.

¹⁶ См.: Всесторонний обзор состояния и перспектив развития вооруженных сил США. Доклад министра обороны США президенту и Конгрессу / Пер. с англ. М., 1997. С. 4, 5.

¹⁷ В данном документе отражаются взгляды военного руководства Соединенных Штатов на основные положения национальной военной стратегии и направления реформирования вооруженных сил в условиях изменившейся военно-стратегической обстановки в мире. В соответствии с решением конгресса подобный документ разрабатывается каждые четыре года. В этой связи его иногда называют «четырёхгодичным обзором», хотя в нем рассматриваются направления строительства ВС на двадцатилетнюю перспективу.

¹⁸ По расчетам американских экспертов, до 2015 г. в мире не появится крупной региональной державы, равной по своей мощи США или способной им противостоять.

¹⁹ См.: Всесторонний обзор состояния и перспектив развития вооруженных сил США. Доклад министра обороны США президенту и Конгрессу / Пер. с англ. М., 1997. С. 15.

²⁰ Ее сутью является использование широко рассредоточенных во всех сферах (включая космическое пространство) и надежно соединенных в единую систему датчиков информации, центров управления, боевых сил и средств.

²¹ Цит. по: Всесторонний обзор состояния и перспектив развития вооруженных сил США... С. 40, 41.

²² В числе мероприятий по укреплению и расширению союзных отношений назывались: работа по расширению НАТО, углубление связей с Японией, Австралией, а также укрепление двусторонних отношений и начало создания системы многостороннего сотрудничества со странами Ближнего Востока и Южной Азии: Таиландом, Филиппинами, Сингапуром.

²³ Цит. по: США в 2000 году. М.: Наука, 2001. С. 422.

²⁴ Там же. С. 422, 423.

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

КНИГИ, ПОДАРЕННЫЕ РЕДАКЦИИ «ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

60 лет открытия второго фронта в Европе (6 июня 1944 г.). М.: ИД «Мегалит», 2005. 256 с.

Передана председателем Философского клуба Ассоциации офицеров запаса Вооруженных Сил (Мегалит) доктором философских наук, профессором генерал-майором в отставке С.А. Тюшкевичем (Москва)

От Рейна до Камчатки (к 300-летию со дня рождения академика Г.Ф. Миллера): Каталог выставки. М.: Древлехранилище, 2005. 196 с.

Передана директором Российского государственного архива древних актов (РГАДА) кандидатом исторических наук М.Р. Рыженковым (Москва)

Трубопроводным войскам 50 лет: Ист. очерк. К.Г. Шенин, В.В. Середя, И.Г. Данильченко / Под ред. Г.Н. Очеретина. М.: Гралия М, 2005. 792 с.

60 лет Государственному научно-исследовательскому институту химмотологии: Ист. очерк. М.: 6/и, 2006. 584 с.

Переданы генерал-майором в отставке Г.М. Шириновым (Москва)

Печуров С.Л. Англо-саксонская модель управления в военной сфере: история и современность. М.: КомКнига, 2005. 232 с.

Передана автором — доктором военных наук генерал-майором С.Л. Печуровым (Москва)

Российские кадеты: Биограф. справочник / Авт.-сост. С.К. Дарков. М.: Информационно-издательский центр «ДС», 2005. 142 с.

Передана автором-составителем — директором Информационно-издательского центра «ДС» С.К. Дарковым (Москва)

Ковалевский Н.Ф. Всемирная военная история: Хронологический обзор. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 496 с.

Передана автором — кандидатом философских наук полковником запаса Н.Ф. Ковалевским (Москва)

Снесарев А.Е. Введение в военную географию. Письма из Индии и Средней Азии. М.: ЦентрИздат, 2006. 512 с.

Свечин А.А. Искусство вождения полка по опыту войны 1914—1918 гг. М.: Ассоциация «Военная книга»; Кучково поле, 2005. 448 с.

Переданы начальником Научно-методического центра отечественной военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ доктором философских наук, профессором генерал-майором в отставке И.С. Даниленко (Москва)

Лота В. Тайные операции Второй мировой: Книга о военной разведке. 1944 год. М.: Молодая гвардия, 2006. 397 с., ил.

Передана автором (Москва)

Строительный спецназ. 55 лет Управлению обустройства войск Министерства обороны Российской Федерации / Под ред. С.Н. Двулучанского. М.: Демидур-АРТ, 2006. 318 с., ил.

Передана начальником Управления обустройства войск МО РФ, заслуженным строителем РФ генерал-майором С.Н. Двулучанским (Москва)

Питалев Г.М. Выполнить к сроку, об исполнении доложить... (записки военного строителя). М.: Демидур-АРТ, 2005. 640 с.

Передана автором — заслуженным строителем РСФСР, почетным строителем космодромов «Плесецк» и «Байконур», кандидатом технических наук полковником в отставке Г.М. Питалевым (Москва)

**Капитан 1 ранга
С.Л. ТАШЛЫКОВ**

«ЗА ИСТИННОЕ МИЛОСЕРДИЕ И ЗАБОТУ О ЛЮДЯХ»

Участницы Великой Отечественной войны — кавалеры медали имени Флоренс Найтингейл

СДРЕВНЕЙШИХ времен женщины принимали самое активное участие в уходе за ранеными и больными: благодаря их заботе тысячи воинов выздоравливали и возвращались в строй. Однако систематическое привлечение женщин к уходу за ранеными в военно-лечебных заведениях отмечается только с середины XIX века, в ходе Крымской войны 1853—1856 гг. В русской армии этим впервые занялся Н.И. Пирогов, а в лагере союзников, в частности в английских войсках, английская сестра милосердия Флоренс Найтингейл (1820—1910). Правда, надо признать, что в обоих случаях это было вынужденной мерой. Так, когда началась осада Севастополя, «раненых и больных, — вспоминал позднее Н.И. Пирогов, — было так много, что врачи, фельдшера и прислуга падали в изнеможении от труда и, однако же, не могли оказать своевременного пособия всем, и множество гибло оттого, что не доставало рук для перевязок раненых и внимания по уходу за ними»¹. Известия об этом дошли до столицы, и тогда в Петербурге по инициативе великой княгини Елены Павловны (1806—1873), супруги великого князя Михаила Павловича, была создана Крестовоздвиженская община сестер милосердия с целью налаживания медицинской помощи сражающимся войскам и организации ухода за ранеными и больными в лазаретах. Горячее воззвание великой княгини к патриотизму и христианской любви русских женщин, свободных от семейных обязанностей, встретило во всем русском обществе глубокое сочувствие, и в октябре 1854 года первая группа сестер милосердия уже была готова выехать в Крым. Надо заметить, что Н.И. Пирогову с трудом удалось преодолеть многочисленные препятствия к допуску женщин на театр военных действий, и все же он добился разрешения на въезд в Севастополь 120 сестер милосердия Крестовоздвиженской общины. Этот ме-

дицинский отряд Н.И. Пирогов разделил на четыре группы. Одна участвовала в сортировке раненых; тех, кому была необходима немедленная операция, передавали второй группе. Третья группа занималась уходом за ранеными, четвертой выпала самая нелегкая доля — забота об умирающих. Кроме сестер милосердия имелись и сестры-хозяйки. Они занимались питанием раненых и больных. Самоотверженная деятельность сестер, их чуткость высоко ценилась как ранеными, так и врачами. Н.И. Пирогов особо отмечал высокие личные и профессиональные качества старших сестер Е. Бакуниной, Е. Будберг, Е. Карцевой, М. Меркуловой, А. Стахович, Е. Хитрово. При исполнении нелегких служебных обязанностей семнадцать сестер милосердия

8 марта — Международный женский день

умерли, при этом большинство от свирепствовавшего и в союзной, и в русской армиях сыпного тифа. Все сестры милосердия, находившиеся во время Крымской войны в русской действующей армии, были удостоены бронзовой медали на Андреевской ленте, а сестры, служившие непосредственно в осажденном Севастополе, еще и серебряной медали на Георгиевской ленте. Кроме того, многие женщины получили единовременное денежное пособие до отправления на театр военных действий, а по окончании войны всем выдали из казны по 100—300 рублей². Суммы по тем временам весьма значительные.

Одновременно с сестрами милосердия Крестовоздвиженской общины в начале Крымской войны в расположение британских войск прибыла английская сестра милосердия Флоренс Найтингейл, которая организовала отряд санитарок для помощи раненым, наладила снабжение лазаретов боль-

Медаль имени Флоренс Найтингейл

ничной одеждой, продуктами, перевязочными материалами, создавала солдатские бани, полевые кухни и т.п. Впоследствии она создала в Англии систему подготовки кадров среднего и младшего медицинского персонала.

В 1912 году, через два года после смерти Флоренс, Международным комитетом Красного Креста была учреждена медаль имени Флоренс Найтингейл — высшая награда медицинским сестрам, отличившимся при уходе за ранеными и больными, неоднократно проявившим особый героизм и милосердие при спасении человеческой жизни³. Американский поэт Генри Лонгфелло (1807—1887) посвятил Найтингейл поэму «Святая Филомена».

Медаль изготовлена из позолоченного серебра и имеет форму заостренного овала, в центре которого изображена женщина со свечильником — сама Флоренс Найтингейл, как символ милосердия, добра, жизни. На лицевой стороне медали надпись: «Ad memoriam Florence Nightingale 1910» («В память Флоренс Найтингейл 1910»), на обратной — «Provera misericordia et cara humanitate perennis decor universalis» («За истинное милосердие и заботу о людях, вызывающие восхищение всего человечества»). Рядом с этими словами указывается имя награжденной сестры милосердия и дата награждения. Награда прикрепляется красной лентой к лавровому венку, окружающему знак Красного Креста. К медали прилагается диплом на пергаменте.

Церемония награждения проходит каждые два года 12 мая — накануне дня рождения Флоренс Найтингейл. При этом общее число награждаемых за один раз не должно превышать 50 человек. Церемония вручения медали про-

Николай Иванович Пирогов ▲
на перевязочном пункте
Фрагмент картины
художника М.П. ТРУФАНОВА

**Великая
княгиня
Елена
Павловна** ▶

**Сестры
милосердия
Крестово-
движенской
общины** ▼

ходит торжественно⁴. Всего в мире имеются почти 1500 медицинских сестер, награжденных этой медалью, в том числе более 50 — наших соотечественниц. При этом в основном это медицинские сестры — участницы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.⁵

Надо отметить, что особенно-стью Великой Отечественной войны по сравнению с предыдущими войнами, которые вела Россия, в том числе и по сравнению с Первой мировой войной, стал значительный приток женщин в действующую армию. Что же касается медицинской службы, то она в значительной мере была укомплектована женщинами — врачами и медсестрами. Нередко женщины-медики вынуждены были даже брать за оружие, чтобы защитить раненых. Отметим, что награждение медалью имени Флоренс Найтингейл в СССР стало проводиться с 1961 года. Первыми были награждены Л.Ф. Савченко и И.Н. Левченко.

Ленинградская медицинская сестра Лидия Филипповна Савченко (1922—2000) была назначена командиром санитарного отряда, состоявшего из 38 девушек. Свое боевое крещение отряд получил под станцией Веймарн Волосовского района Ленинградской области. Тогда под бомбежку попал эшелон с ополченцами, следующими на фронт, а заодно досталось и военно-санитарному поезду. Не задумываясь, Лида вместе со своими подругами, задыхаясь от дыма, бросилась выносить из горящих вагонов беспомощных, забинтованных людей. В одном из боев Савченко, спасая раненых, и сама получила ранение. После выздоровления она осталась в госпитале в качестве операционной сестры. Здесь Лидия становится донором. Тридцать два раза пу-

тем прямого переливания она отдавала свою кровь раненым, тем самым спасая им жизнь. За храбрость и милосердие, проявленные в годы войны, Л.Ф. Савченко удостоена многих государственных наград⁶. Являясь почетным донором СССР, она активно пропагандировала безвозмездное донорство среди молодежи. В 1961 году Л.Ф. Савченко одной из первых была удостоена медали имени Флоренс Найтингейл⁷.

В том же году эта медаль была вручена⁸ и Ирине Николаевне Левченко (1924—1973). Вступив добровольно в отряд фронтовых медиков после окончания 9 класса средней школы, она добилась отправки на фронт. Сначала Ирина служила в операционно-перевязочном взводе, затем санинструктором роты 744-го стрелкового полка 149-й стрелковой дивизии 61-й армии (Брянский фронт). Участвовала в боях на Смоленщине, проявив незаурядное мужество и выносливость. Достаточно сказать, что эта хрупкая девушка вынесла с поля боя и эвакуировала в тыл 168 тяжелораненых солдат и офицеров. Осенью 1941 года Ирина, будучи санинструктором

ром танкового батальона, спасла из горящих танков и эвакуировала 28 раненых танкистов. В одном из боев она сама получила тяжелое ранение, долго лечилась в госпитале, после чего была демобилизована. Но Ирина уже не мыслила себя вне армии. Проявив подлинно бойцовский характер, она сумела получить направление в военное училище и в 1943 году окончила ускоренные курсы Сталинградского танкового училища. В 1943—1945 гг. служила офицером связи 41-й гвардейской танковой бригады 7-го механизированного корпуса, действовавшего на 2-м и 3-м Украинских фронтах. Ирина Левченко — одна из немногих женщин, служивших в танковых войсках до окончания войны. За мужество и отвагу, проявленные в годы войны, была награждена многими орденами и медалями, а 6 мая 1965 года в связи с 20-летием Победы ей было присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1952 году Ирина окончила Военную академию бронетанковых и механизированных войск, а в 1955-м — Военную академию имени М.В. Фрунзе. Тем не менее военачальником Ирина Николаев-

Ф.Х. Чанышева

И.И. Клыкова

Л.Ф. Савченко

В.С. Кашеева

М.С. Шкарлетова

на не стала. В ней открылся совсем другой талант — литературный. Ее перу принадлежит множество книг о войне, в частности «Капли военной грозы» (1973), «Повесть о военных годах» (1983).

Еще одна юная ленинградка, 18-летняя Анна Дмитренко, в ноябре 1941 года после окончания курсов медицинских сестер ушла добровольцем на фронт. Принимала участие в обороне Москвы, Ленинграда, в боях у Старой Руссы, на Курской дуге в должности санинструктора 9-го батальона 2-й отдельной инженерно-саперной бригады резерва Главного Командования. За годы войны она вынесла с поля боя и оказала медицинскую помощь 200 раненым. Кроме того, Анна отдала раненым 70 литров своей крови. В декабре 1944 года, оказывая раненому бойцу медицинскую помощь на поле боя, она сама была тяжело ранена и госпитализирована, а после лечения демобилизована. Но со своей профессией Анна не рассталась. Более 25 лет она работала с тяжелообльными в туберкулезном диспансере, являлась активной сотрудницей Красного Креста. За самоотверженное оказание помощи раненым во время Великой Отечественной войны, многолетнюю работу с тяжелообльными Анна Дмитренко в 1989 году была награждена медалью имени Флоренс Найтингейл⁹.

Участницей защиты Ленинграда была и Агния Ивановна Хаблова. Будучи старшим сержантом медицинской службы, она выполняла свой долг по оказанию медицинской помощи раненым в течение 900 дней блокады, 92 раза сдавала свою кровь для раненых. Нередко ей самой приходилось вступать в схватку с врагом. На ее счету 22 убитых фашиста. Награждена медалью «За отвагу», орденом Отечественной войны 2-й степени, 14 медалями. После войны Агния Ивановна жила в Ленинграде, где более 35 лет проработала на заводе «Электросила». Она дважды почетный донор СССР и донор открытого сердца. В 1965 году А.И. Хаблова за ока-

И.Н. Левченко

А.И. Хаблова

А.А. Пыхтеева

зание помощи раненым и пострадавшим во время войны, за неоднократный риск ради спасения людей была удостоена медали имени Флоренс Найтингейл¹⁰.

В О ВРЕМЯ войны медицинские сестры были нужны не только в действующей армии: множество людей нуждалось в своевременной медицинской помощи, тепле, ласке и материнской заботе. Примером милосердия в блокадном Ленинграде является Вера Щекина. Она принимала активное участие в защите города, строительстве оборонительных сооружений. Будучи командиром санитарной дружины, Вера оказала первую помощь 17 раненым во время бомбежки. Молоденькая девушка откапывала входы в убежища, ходила за водой, чтобы напоить в холодных квартирах голодных и обессиленных людей, спасала детей, оставшихся сиротами. На ее счету за период блокады более 500 людей, за которыми она ухаживала на дому. Многие дети, оставшиеся сиротами, не помнили не только своих фамилий, но и имен. Более 60 сиротам была дана ее фамилия. Многие из них называли ее мамой.

За проявление особого милосердия к людям, жившим в блокадном Ленинграде, за самоотверженный труд во имя сохранения жизни детей Вера Щекина в 1975 году удостоилась высшей сестринской награды — медали имени Флоренс Найтингейл¹¹.

Ирина Ивановна Клыкова с начала войны работала в приемном отделении тылового сортировочного госпиталя в Оренбурге. В дни героической битвы на Волге Ирина Ивановна была уже в Сталинграде. И не сосчитать, сколько раненых перенесла она в укрытия, сколько оказала медицинскую помощь, сколько помогла переправить на катерах, плотках через реку, покрытую горячей нефтью. В составе 2-го Украинского фронта И.И. Клыкова участвовала во многих наступательных операциях и закончила свой ратный путь в Румынии, в городе Плоешти. За время войны ей приходилось быть и медсестрой, и разведчицей, и связисткой. Награждена боевыми орденами и медалями, стала почетным донором СССР. Вернувшись после войны в Оренбург, возглавила областной комитет Красного Креста, организовала деятельность медицинских сестер по уходу за инвалидами войны и труда, создала донорские пункты. В 1967 году Ирину Ивановну Клыкову наградили медалью имени Флоренс Найтингейл за самопожертвование при спасении раненых в самых тяжелых боях¹².

Вызывает глубокое уважение и восхищение ратный подвиг и жизнь Людмилы Антоновны Родионовой (1917—1978), которая перед началом войны была актрисой Мариупольского театра. Когда фашистские захватчики подошли к

городу, она добровольно ушла на фронт и в должности старшего фельдшера командовала санитарным взводом. В боях за Таганрог вынесла 45 раненых, а за Харьков — 25. В октябре 1941 года, участвуя в боях на Южном фронте, спасла 45 раненых. В одном из боев лично уничтожила экипаж вражеского танка. Во время Сталинградской битвы, выпивший из госпиталя после тяжелого ранения, она оказала помощь 68 раненым. А в боях за Украину — 42 раненым и больным воинам. После одного из боев попала в плен к фашистам, ее расстреливали вместе с другими пленными, но она чудом осталась жива. В 1944 году при форсировании реки Прут, когда Людмила делала перевязку раненому, она сама получила тяжелое ранение. Находясь в действующей армии, Людмила Антоновна вынесла с поля боя и оказала медицинскую помощь более 160 раненым. Награждена орденами, в том числе орденом Ленина, и многими медалями. В 1975 году Людмила Антоновна Родионова была удостоена медали имени Флоренс Найтингейл за заслуги по спасению раненых¹³.

Мария Павловна Синькова до войны работала фельдшером-акушером в киргизском городе Джалал-Абаде. В годы Великой Отечественной войны работала в военно-санитарном поезде. После болезни ее демобилизовали, и она поселилась в селе Октябрьское в окрестностях Джалал-Абады, работала медицинской сестрой в детском приемнике, куда привозили эвакуированных детей. Ухаживая за детьми, лишившимися родителей и родного дома, она фактически стала им второй матерью.

6 ноября 1946 года в Токтогульском районе Киргизии произошло сильнейшее землетрясение, повлекшее за собой человеческие жертвы. Мария Павловна одной из первых включилась в работу по оказанию пострадавшим медицинской помощи, лично спасла 27 молодых матерей с детьми. За самоотверженный труд по оказанию помощи раненым в военное время и во время землетрясения Мария Павловна в 1987 году была награждена медалью имени Флоренс Найтингейл¹⁴.

С бесстрашием, мужеством и самоотверженностью выполняла свой долг санитарный инструктор Вера Сергеевна Кашеева (1922—1975). Работая в ходе битвы на Волге на дивизионном медицинском пункте, она принимала и обслуживала десятки раненых, оказывала им медицинскую помощь, эвакуировала в тыл.

При форсировании Днепра в районе Днепропетровска (октябрь 1943 г.) Вера в числе первых 25 десантников под ураганным огнем врага переправилась на правый берег реки вместе с бойцами и находилась на плацдарме до подхода основных сил. Сама будучи раненной, она переползала от одного раненого к другому, перевязывала оставшихся в строю бойцов, оттаскивала в безопасное место тяжелораненых, укрывая их от пуль и осколков. За мужество, стойкость и храбрость, инициативу и энергию при оказании помощи раненым при форсировании Днепра старший лейтенант медицинской службы Вера Сергеевна Кашеева в 1944 году была удостоена звания Героя Советского Союза. Закончила она войну в Берлине¹⁵. А в 1973 году за самоотверженность при спасении раненых на поле боя в экстремальных условиях В.С. Кашеева была награждена медалью имени Флоренс Найтингейл. «Я принимаю эту награду, — сказала она, — как признание выдающихся заслуг всех советских женщин, которые в тяжелые годы войны отдавали теплоту своего сердца, оказывая помощь раненым бойцам, и многим из них сохраняли жизнь».

При форсировании Днепра отличились многие медицинские работники, среди них и санинструктор Мария Захаровна Щербаченко, санитарка роты 835-го стрелкового полка 237-й стрелковой дивизии (Воронежский фронт). Высадившись в ночь на 24 сентября 1943 года в районе села Гребени (Кагарлыкский район, Киевская область) на правый берег Днепра с первой партией десантников, Мария Щербаченко оказалась в самом пекле боя — ей одной приходилось перевязывать раненых и оказывать им первую медицинскую помощь.

Несколько дней сражалась небольшая горсточка героев на крохотном кусочке земли, число раненых с каждым днем увеличивалось. Мария Щербаченко всегда находилась в самых опасных местах. За 10 дней она вынесла с поля боя и оказала первую медицинскую помощь 112 раненым бойцам. Позднее в дивизионной газете она писала, обращаясь ко всем бойцам: «Я зову вас сражаться отважно и дерзко. Пусть любовь к нашей родной земле, святая ненависть к проклятому врагу везде ведет нас вперед, до полной победы над фашизмом». Старшине медицинской службы санинструктору Марии Щербаченко 23 октября 1943 года было присвоено звание Героя Советского Союза¹⁶.

После войны М.З. Щербаченко получила юридическое образование, жила в Киеве, вела большую

общественную работу по воспитанию молодежи. В 1973 году ей была вручена медаль имени Флоренс Найтингейл за милосердие, отвагу и бесстрашие, проявленные при спасении тяжелораненых на поле боя.

Фельдшер Екатерина Ефимовна Сиренко, жительница Подмосквы, в 1941 году ушла в партизаны, была разведчицей, распространяла среди населения подпольную районную газету, собирала сведения о расположении немецко-фашистских войск и их вооружении и передавала их в условленных местах связным. Одновременно она успевала оказывать медицинскую помощь не только бойцам своего партизанского отряда, но и соседнего. Однажды при выполнении особого задания немцы захватили ее в плен, однако девушке удалось бежать.

Екатерина Ефимовна участвовала в форсировании Днепра. При восстановлении разрушенного фашистами моста, под непрерывными обстрелами Катя только за один день вынесла 30 раненых, оказав им первую медицинскую помощь. После войны Екатерина Сиренко работала медицинской сестрой в отделении новорожденных в Барановичском родильном доме. За оказание медицинской помощи населению на оккупированной территории и в партизанском отряде она в 1971 году была удостоена медали имени Флоренс Найтингейл¹⁷.

Санинструктор 170-го гвардейского стрелкового полка 57-й гвардейской стрелковой дивизии (8-я гвардейская армия, 1-й Белорусский фронт) гвардии старший сержант Мария Савельевна Шкарлетова прошла с октября 1943 года трудный боевой путь, участвовала в освобождении от гитлеровцев Украины, Молдавии, Польши. Часть, в которой служила М.С. Шкарлетова, форсировала десятки рек: Днепр, Ингулец, Днестр, Южный Буг, Вислу и другие, каждый раз при этом ведя тяжелые бои. Так, при форсировании реки Ингулец Марии Шкарлетовой пришлось перевязать и вынести 45 раненых солдат и офицеров.

1 августа 1944 года при форсировании Вислы М.С. Шкарлетова находилась на первой лодке, переправлявшейся на занятый противником берег. Завязался упорный бой за плацдарм, появились первые убитые и раненые. Мария не знала ни минуты отдыха. Под ураганным огнем противника она вынесла с поля боя 100 раненых с оружием, доставила их к реке и эвакуировала на другой берег. В одном из боев на магнушевском плацдарме она заменила погибшего пулеметчика, защищая группу раненых бойцов. За эти подвиги

М.П. Синькова.
Церемония
награждения

М.З. Щербаченко

ги Марии Шкарлетовой 24 марта 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны М.С. Шкарлетова окончила Купянское медицинское училище, долгие годы работала медицинской сестрой в одной из больниц города Купянска. За преданное и самоотверженное служение человечеству М.С. Шкарлетова в 1965 году была награждена медалью имени Флоренс Найтингейл¹⁸.

Фаина Хусаиновна Чанышева после окончания Казанского медицинского техникума в начале войны райвоенкоматом была направлена во фронтовую полевую госпиталь. Затем в звании лейтенанта медицинской службы фельдшером прошла дороги войны с 3-м дивизионом 659-го артиллерийского полка 221-й стрелковой дивизии от Сталинграда до Кёнигсберга. Сотни солдат были спасены ею. После капитуляции Германии она со своей частью была переброшена на Дальний Восток, где участвовала в разгроме Квантунской армии. В годы войны получила контузию и ранение. Награждена многими орденами и медалями. После демобилизации в течение 35 лет работала старшей медицинской сестрой в медсанчасти Казанского суворовского училища. В 1965 году за заслуги перед Отечеством Ф.Х. Чанышева удостоивается медали имени Флоренс Найтингейл¹⁹.

В Мишкинской больнице Бирского района Башкирской АССР работала медицинской сестрой Антонина Александровна Пыхтеева. В начале войны она добровольцем ушла на фронт, работала в эвакогоспитале № 931, где ей приходилось обслуживать раненых и больных, а затем — в военно-санитарном поезде. Однажды при крушении санитарного поез-

да многие раненые получили новые травмы, увечья. Пострадавших надо было спасать, оказывать помощь и быстро эвакуировать в ближайший госпиталь. Для восстановления здоровья, а иногда и для спасения жизни раненых она часто отдавала свою кровь.

После войны Пыхтеева вместе с госпиталем была направлена на Дальний Восток, участвовала в войне с Японией. В послевоенное время Антонина была секретарем комиссии здравоохранения при горисполкоме, председателем комиссии по работе среди несовершеннолетних. В 1987 году А.А. Пыхтеева была награждена медалью имени Флоренс Найтингейл за героический ратный труд в годы Великой Отечественной войны и за активное участие в выявлении и ликвидации инфекционных заболеваний среди гражданского населения²⁰.

Трудно рассказать о всех медицинских сестрах — участницах Великой Отечественной войны. Каждая из них достойна самой высокой награды, ибо спасла не один десяток жизней. И сегодня медсестры — одна из самых востребованных медицинских профессий. Вполне возможно, что и их труд будет по достоинству оценен и кто-то будет удостоен международной награды — медали имени Флоренс Найтингейл за милосердие и отвагу, проявленные при спасении самого ценного, что есть на Земле — человеческой жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пирогов Н.И. Севастопольские письма Н.И. Пирогова. СПб., 1907. С. 168.

² Ивашев Н.Н. Сестра милосердия в русской армии // Воен.-мед. журнал. 1945. № 12. С. 24—27.

³ Сковрцов К.А. Памяти Флоренс Найтингейл, сестры милосердия // Заболевания сердечно-сосудистой, нервной системы и болезней обмена веществ. М., 1966. С. 292.

⁴ Советские медицинские сестры, награжденные медалью Флоренс Найтингейл (справочник-каталог музейных фондов). Л., 1989. С. 4.

⁵ Это Л.Ф. Савченко, И.Н. Левченко, З.М. Туснолобова-Марченко, А.И. Хаблова, Ф.Х. Чанышева, Е.М. Шевченко, М.С. Шкарлетова, М.З. Щербаченко, Д.В. Багдасарян, К.В. Бутова, В.С. Кашеева, И.И. Клыкова, А.Р. Кузнецова, М.С. Нечипорчукова-Ноздрачева, Л.А. Родионова и др. (см. подробнее: Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974. С. 270).

⁶ Вишневский Н.А. Советские медики в дни Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Л., 1990. С. 21—22.

⁷ Арисенко Е.Ф. Сестры милосердия. М.: Патриот, 1991. С. 34—35.

⁸ Степунина Е.А. Верность милосердия. М.: Медицина, 1978. С. 15—19.

⁹ Калинин П. Цена капли крови // Советский Красный Крест. 1975. № 7. С. 8.

¹⁰ Бычков Б. Отличились исключительной самоотверженностью // Советский Красный Крест. 1975. № 9. С. 28.

¹¹ Степунина Е.Ф. Указ. соч. С. 30—32.

¹² Арисенко Е.Ф. Указ. соч. С. 27—29.

¹³ Бычков Б. Наперекор судьбе // Советский Красный Крест. 1975. № 11. С. 25.

¹⁴ Советские медицинские сестры, награжденные медалью Флоренс Найтингейл. С. 109—110.

¹⁵ Кузьмин М.К. Героизм средних медицинских работников в годы Великой Отечественной войны // Фельдшер и акушерка. 1975. № 5. С. 12.

¹⁶ Канторович М.М. Они сражались за Родину // Мед. сестра. 1965. № 6. С. 3—6.

¹⁷ Бычков Б. Двое из Белоруссии // Советский Красный Крест. 1965. № 12. С. 25.

¹⁸ Героини войны (очерки о женщинах — Героях Советского Союза). М.: Госполитиздат, 1963. С. 3.

¹⁹ Корж Л. Пять отважных // Советский Красный Крест. 1965. № 5. С. 6—7.

²⁰ Награда медицинской сестре // Правда Востока. 1987. 12 сент.

Д.А. БУДКО

«ЗАБЛАГОВРЕМЕННО... РАЗРАБОТАТЬ НЕОБХОДИМЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ, ГАРАНТИРУЮЩИЕ СОХРАНЕНИЕ ВОЕННОЙ ТАЙНЫ»

В минувшем году в нашем журнале рассказывалось о малоизвестных фактах использования в советском авиастроении в 20—30-е годы прошлого века иностранного опыта (Воен.-истор. журнал. 2005. № 8). В данной статье автор, продолжая тему, акцентирует внимание на подготовке кадров для ВВС РККА за рубежом, показывает, как Франция, Германия и США, прикрываясь атмосферой сотрудничества с РККА, предпринимали попытки ведения военно-технического шпионажа в СССР. Прослеживается также судьба красных командиров, поддерживавших связи и контакты с военными ведомствами западных стран.

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ сотрудничество страны победившего социализма с развитыми капиталистическими странами не ограничивалось Западной Европой. Так, после установления дипломатических отношений с США стало возможным направлять в эту страну советских военных специалистов. Американцы располагали целой сетью военно-авиационных школ, в том числе летного совершенствования «Келли Фильд» в Техасе, тактической «Максудей Фильд», авиационных инженеров «Райт Фильд» в Дайтоне, морской авиационной школой в Пенсаколе, а также уже зарекомендовавшими себя самолет- и моторостроительные фирмами. Чтобы почерпнуть что-то из их опыта, было принято решение направить на учебу в США группу военных в составе Ф.И. Жарова — сотрудника Управления ВВС РККА, В.М. Примакова — старшего инженера НИИ ВВС РККА, Г.В. Сенечкина и Г.Д. Воликова — адъюнктов Военно-воздушной академии РККА. Поездки в США продолжались и в последующие годы.

Правда, сказать что-либо определенно об их практической пользе не представляется возможным.

Более интенсивно сотрудничество в военно-авиационной отрасли развивалось все-таки с Западной Европой. При этом интересно отметить тот факт, что начиная с 1935 года наши летчики направлялись на учебу в основном во Францию, так как ее система подготовки летно-технического персонала считалась в то время наиболее передовой. С целью изучения этого опыта в феврале 1936 года во французскую высшую авиашколу на три недели выехала группа преподавателей Военно-воздушной академии РККА имени профессора Н.Е. Жуковского и Курсов усовершенствования технического состава ВВС РККА (КУТС). Среди них были начальник учебного отдела академии военинженер 1 ранга К.Я. Баранов, начальник кафедры организации производства военинженер 2 ранга Я.Д. Митницкий, старший инженер моторного цикла КУТС военинженер 3 ранга Ф.Ф. Куликов. По уже установившейся практике «добро» на поездку красных командиров и инженеров во Францию было получено на самом «верху» — у И.В. Сталина.

Предпринимались настоячивые попытки добиться согласия французского правительства на постоянное обучение «красноармейцев» во французских авиашколах. Так, летом 1936 года начальник ВВС РККА Я.И. Алкснис обратился в НКВД СССР с просьбой дать советскому полпредству во Франции поручение о возбуждении перед французской стороной ходатайства о прохождении полного курса обучения во французской высшей авиационной школе ряда слушателей ВВС РККА. Принципиальное согласие на это министра авиации Франции было получено, и советские авиаторы старшие лейтенанты А.Н. Порожняк, Б.В. Бойков, военинженер 1 ранга Б.И. Дмитриев и вентехник 1 ранга М.Т. Зуев уехали учиться во Францию.

В 1936—1937 гг. по ходатайству Я.И. Алксниса в Парижскую высшую авиашколу для прохождения полного курса обучения, состав-

лявшего три года, была направлена группа авиационных инженеров и техников, в которую входили капитаны А.И. Можаяев, М.В. Костюк, старший лейтенант Б.В. Войков, военные техники 1 ранга В.А. Седов, И.Г. Рапкин, военный техник 2 ранга М.И. Сиверцев¹. К тому времени эту авиашколу уже окончили военинженеры 2 ранга Крестьянинов и Пономарев, военинженеры 3 ранга Дмитриев и Стрижевский². Ряд советских летчиков и техников обучались в те годы и в других летных и авиационно-технических школах Франции. Кроме того, шло сотрудничество и по линии авиационной медицины. Во Францию осенью 1936 года приезжали начальник Института авиационной медицины РККА военврач 1 ранга Ф.Г. Кротков и начальник физиологического отделения того же института военврач 1 ранга С.И. Прикладовицкий³.

В ноябре 1936 года во Франции находилась большая группа сотрудников Научно-испытательного института (НИИ) ВВС во главе с его начальником комбригом Н.Н. Бажановым⁴ с целью изучения опыта работы французских авиационных научно-исследовательских центров. Несмотря на многочисленность группы, в архивных документах сохранились далеко не все имена, вот некоторые из них: военинженер 1 ранга Н.И. Петров — начальник отдела оборудования; военинженер 1 ранга Д.В. Королев — начальник моторного отдела; военинженер 2 ранга А.И. Филин⁵ — командир авиационной эскадрильи боевого применения; военинженер 2 ранга М.П. Фокин — начальник отделения моторного отдела; военинженер 2 ранга А.С. Воеводин — инженер; военинженер 2 ранга С.А. Данилин — начальник штурманского отделения; капитан К.П. Миндер — командир корабля авиабригады.

ЗНАЧИТЕЛЬНЫМ событием в области военных сношений с Францией был визит осенью 1936 года советской военной делегации во главе с командующим войсками Киевского военного округа командармом 1 ранга И.Э. Якиром⁶ на маневры французской армии. Его сопровождали сотрудники советского военного атташа-

та во Франции комдив С.И. Венцов⁷ и комбриг Н.Н. Васильченко⁸, а также начальник штаба ВВС РККА комкор В.В. Хрипин⁹.

Советская военная делегация присутствовала на авиационных маневрах и учениях ПВО, маневрах других родов войск. Кроме того, Якир встречался с министром авиации, рядом французских генералов, в беседах с которыми обсуждались проблемы и перспективы советско-французского военного сотрудничества.

Не вдаваясь в детали, следует между тем отметить, что поездка Якира во Францию не привела к ожидавшейся в УВВС РККА активизации военно-авиационного сотрудничества двух стран. Дело в том, что военный министр Франции Э. Даладье и некоторые его советники, включая заместителя начальника генерального штаба В. Швейсгута, были, как скоро выяснилось, противниками не только военного сотрудничества с РККА, но и вообще каких-либо контактов с СССР.

Тем не менее в порядке обмена в СССР приезжали и французские делегации, притом не только на военные маневры. В августе 1936 года в СССР находилась французская авиационная делегация в составе президента парламентской авиационной комиссии Боссутро, представителей авиационной фирмы «Эр-Франс» Жарье и Бриана, летчиков Боссутро и Андро и др. Французов сопровождал начальник Главного управления Гражданского воздушного флота (ГУ ГВФ) комкор И.Ф. Ткачев¹⁰.

Французская миссия присутствовала на воздушном параде в Ту-

шино, учениях штурмовой авиационной бригады, посетила Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), НИИ ВВС, побывала на советских заводах, строивших бомбардировщики СБ, ТБ-3, ТБ-7, истребитель И-16 (заводы № 22 и № 24 в Москве).

Следует отметить, что французы с большим интересом осматривали представленную авиационную технику, при этом они подробно вникали во все детали опытно-конструкторского и производственного процесса. Более того, на заводе № 22 французским летчикам Боссутро и Андро было разрешено поднять в воздух советский бомбардировщик СБ, ознакомиться с его пилотажными и тактико-техническими характеристиками. Как стало известно позже, повышенное внимание французской стороны к советской военно-авиационной технике оказалось далеко не случайным. Сотрудникам НКВД удалось агентурным путем перехватить добытые французами сведения о боевых советских самолетах, которые наравне с достижениями советской авиационной промышленности включали данные об имевших место конструктивных недостатках¹¹.

Пока нет полных открытых данных о масштабах военно-технического шпионажа, проводимого разведывательными органами Франции в области новейших разработок советской военной авиации в 1930-е годы. Вместе с тем следует отметить, что руководству РККА еще в 1925 году было известно о том, что Франция осуществляет акции экономического шпионажа по отношению к СССР.

Например, начальник Военно-технического управления РККА И.А. Халепский, будучи в апреле 1925 года в командировке в Париже, в совершенно секретном донесении на имя заместителя председателя Реввоенсовета СССР И.С. Уншлихта докладывал: «...экономический шпионаж и без того в отношении нас у них поставлен неплотно, они знают очень многое по всем отраслям производства»¹².

В 1927 году была разработана секретная в те годы инструкция о порядке посещения РККА военными представителями иностранных государств, в которой особое внимание уделялось сохранению военной тайны: «Командование... должно заблаговременно, до посещения иностранцами части, штаба, управления или учреждения РККА, или их участия на маневрах тщательно разработать необходимые мероприятия, гарантирующие сохранение военной тайны перед иностранцами»¹³.

Однако, как показали дальнейшие события, военную тайну сохранять удавалось не всегда. Более того, утечка закрытой военно-технической информации, как свидетельствуют документы, в эти годы происходила и из военно-промышленной сферы. Например, Политбюро ЦК ВКП(б), обеспокоенное «систематической вредительской работой крупной контрреволюционной организации в военной промышленности», в июле 1929 года срочно поручило «Наркомвоенмор, ОГПУ и ВСНХ пересмотреть существующий порядок секретности на военных заводах с тем, чтобы было обеспечено максимальное участие рабо-

ХРОНОГРАФ

1 марта 1996 года Указом Президента Российской Федерации создан Государственный испытательный космодром Министерства обороны Российской Федерации «Свободный».

1 марта 2000 года приказом министра обороны РФ установлен День Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба ВС РФ. Управление было создано 24 февраля 1964 года по решению Совета обороны СССР.

2 марта 1965 года образовано Министерство общего машиностроения СССР для создания ракетно-космической техники.

3 марта 1942 года в целях быстрее пополнения действовавших и доукомплектования вновь формируемых кавалерийских дивизий Ставка ВГК приказала сформировать 20 дивизий, в том числе две — на Калининском фронте, три — на Западном и одну — на Брянском, обратив их на пополнение 11-го, 1-го гвардейского и 8-го кавалерийских корпусов.

5 марта 1942 года в газете «Московский большевик» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденами и медалями трудящихся г. Москвы и Московской области, работавших на строительстве оборонительных сооружений». 252 человека удостоены высоких государственных наград: 16 — ордена

Трудового Красного Знамени, 11 — ордена Красной Звезды, 27 — ордена «Знак Почета», 96 — медали «За трудовую доблесть» и 102 — медали «За трудовое отличие».

6 марта 1942 года Московский областной комитет ВКП(б) направил ГКО отчет о деятельности партизанских отрядов и истребительно-диверсионных групп. На оккупированной территории Московской области действовал 41 партизанский отряд с личным составом 1800 человек, из них 1123 коммуниста, 264 комсомолец, 150 женщин. В составе и во главе партизанских отрядов было 69 секретарей ГК и РК ВКП(б), 31 председатель районного и городского Советов депутатов трудящихся, 22 секретаря ГК и РК ВЛКСМ. В тылу врага действовали также истребительно-диверсионные группы: 6630 бойцов, 22 диверсионных отряда и 8 разведывательно-диверсионных групп, а также более 30 партизанских отрядов, сформированных в районах Москвы. Всего в партизанских отрядах и разведывательно-диверсионных группах на захваченной врагом территории Московской области сражалось более 15 тыс. человек.

7 марта 1942 года приказом народного комиссара обороны СССР 120-й истребительный авиационный полк ПВО Москвы за проявленную отвагу в боях, стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава был преобразован в 12-й гвардейский. Командир полка — подполковник А.С. Писанко. Защищая столицу, полк с первых дней войны совершил 5700 боевых вылетов, из них 1293 на штурмовку.

Все даты приведены по новому стилю.

чих в контроле над производством и в то же время сохранена военная тайна»¹⁴.

В ПРЕДВОЕННЫЕ годы внимание советской стороны было вновь обращено к германскому военно-авиационному опыту. Однако в этот период военное сотрудничество двух стран осуществлялось в рамках достигнутых политических советско-германских договоров и секретных договоренностей, что дает повод некоторым современным исследователям называть это время периодом «новой дружбы» в духе Рапалло¹⁵. Впрочем, мысль о «новом Рапалло» исходила от самих немцев. Так, заведующий Восточным отделом германского МИДа доктор П. Клейст, беседуя с одним из агентов советской военной разведки и не подозревая об истинном лице своего собеседника, сообщил ему буквально следующее: «Фюрер... сказал Риббентропу, что по разрешению польского вопроса в германо-русских отношениях должен наступить новый рапалльский этап и что... нужно будет в течение известного времени вести с Москвой политику сближения и экономического сотрудничества»¹⁶.

Однако цели сторон, участвовавших в реализации военных и военно-технических проектов, были совершенно противоположны. Если военно-политическое руководство СССР вплоть до 22 июня 1941 года всячески старалось выполнять взятые на себя договорные обязательства и никоим образом не провоцировать войну с Германией, то командование вермахта, тайно готовясь к напа-

дению на Советский Союз, целенаправленно накапливало сведения о состоянии боевой мощи РККА, в том числе о ее Военно-воздушных силах. Поэтому поездки германских военных делегаций в СССР с самого начала приобрели, по существу, разведывательный характер.

Командование люфтваффе стало проявлять особый интерес к ВВС РККА и советской авиапромышленности в мае 1940 года. Из архивных документов сегодня известно, что в Отдел внешних сношений Наркомата обороны СССР (ОВС НКО) по дипломатическим каналам пришло письмо от военно-воздушного атташе посольства Германии в Москве полковника Г. Ашенбрэннера. В письме излагалась просьба ознакомить группу немецких офицеров и инженеров с авиастроительными заводами и рядом авиационных частей Красной армии. Более того, в докладной записке начальника ВВС РККА Я.В. Смушкевича¹⁷, сменившего уже расстрелянного к тому времени Я.И. Алксиса, на имя наркома обороны СССР С.К. Тимошенко отмечалось, что Ашенбрэннер просит предоставить ему возможность личной летной тренировки и информировать его об опытном самолетостроении¹⁸.

Вопрос был настолько серьезным, что Тимошенко решил доложить его Политбюро ЦК ВКП(б). Немцам было разрешено посетить в период с 11 по 26 октября 1940 года Люберецкую 24-ю авиадивизию (под видом 57-й авиабригады), ВВА им. Н.Е. Жуковского и несколько авиастроительных заводов. Это стало как

бы ответом советской стороны на «любезность», проявленную ранее немцами, когда они представили возможность полковнику Н.Д. Скорнякову¹⁹ в Берлине ознакомиться с рядом авиационных объектов вермахта, в том числе с подземным узлом управления люфтваффе.

Показ полковнику люфтваффе военно-авиационного объекта в Люберцах был санкционирован на самом высоком уровне и осуществлялся в строгом соответствии с секретным планом, утвержденным 20 сентября 1940 года только что назначенным начальником Главного управления ВВС РККА генерал-лейтенантом П.В. Рычаговым²⁰. Побывал немецкий гость и в ВВА им. Н.Е. Жуковского²¹. Немцев сопровождали начальники академии генерал-майор Н.А. Соколов-Соколенок, начальник инженерного факультета академии бригадир Пономарев, военинженер 3-го ранга Красников, слушатели 5-го курса академии воентехники 2-го ранга В.А. Андреев и Смоляров, представитель ОВС НКО майор Сизов.

Программа осмотра академии была весьма насыщенной. Ашенбрэннер и его помощник осмотрели практически все академические корпуса, кабинет конструкции авиадвигателей, проектный зал, ряд лабораторий (конструкции двигателей, по технической эксплуатации, испытаний материалов, прицелов, аэродинамическую), музей авиационных двигателей, фундаментальную библиотеку. Кроме того, любознательные визитеры посетили плановую учебную лекцию по аэродинамике

7 марта 1711 года Петр I учредил Правительствующий Сенат — подчиненный государю высший орган по делам законодательства и управления. Боярская дума при этом упразднялась. Основанный Петром I, Сенат не повторял государственные учреждения того же названия в других странах, а отвечал условиям русской политической жизни того времени, действовал от имени монарха: «Мы учредили управительный Сенат, которому всяк... да будет послушен, как нам самому». В первой половине XIX века Сенат был также высшим судебным органом, осуществляющим надзор за деятельностью учреждений и чиновников, а после 1864 года — высшей кассационной инстанцией. Правительствующий Сенат был упразднен 22 ноября 1917 года.

8 марта 1926 года открылся 1-й Всесоюзный съезд Военно-научного общества СССР (ВНО), устав которого был утвержден Совнаркомом 18 января 1926 года. Главной задачей ВНО являлось усиление обороноспособности страны путем вовлечения широких масс населения в изучение военного дела.

10 марта 1814 года Россия, Англия, Австрия и Пруссия подписали Шомонский трактат, по которому стороны обязались без общего согласия не заключать с Францией ни мира, ни перемирия. Шомонский трактат во многом предопределил решения Венского конгресса 1814—1815 гг.

10 марта 1941 года на Воронежском авиазаводе выпущен первый серийный штурмовик Ил-2. К началу войны

изготовлено 249 машин. В августе того же года завод был награжден орденом Ленина.

13 марта 1968 года принят на вооружение морской ракетный комплекс Д-5 с ракетой Р-27 — первой малогабаритной ампулизированной баллистической ракетой подводной лодки, ставшей самой массовой ракетой ВМФ.

14 марта 1721 года по решению Петра I все казаки и казачьи войска подчинены Военной коллегии.

15 марта 1946 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Совет народных комиссаров преобразован в Совет Министров, а народные комиссариаты — в министерства.

17 марта 1906 года родился В.А. Фокин, адмирал, участник Великой Отечественной войны, в 1948—1958 гг. — заместитель начальника, начальник Главного штаба ВМФ, в 1958—1962 гг. — командующий Тихоокеанским флотом. С 1962 по 1964 гг. — первый заместитель главнокомандующего ВМФ.

18 марта 1916 года в ходе Первой мировой войны в районе г. Двинска близ озера Нарочь началась наступательная операция войск Западного и Северного фронтов — Нарочская. Завершилась она 30 марта. Проводилась по просьбе западных союзников России в связи с их тяжелым положением под Верденом. Операция закончилась неудачей. Однако русские войска на Восточном фронте сковали значительную часть группировки германских войск (до 500 тыс. человек), вынудив германское командо-

самолета, которая читалась для слушателей 3-го курса.

«Любопытству» германского атташе не было предела. Достаточно воспроизвести лишь в самом общем виде перечень вопросов, интересовавших Ашенбреннера, чтобы убедиться в их разведывательном характере: наименования авиационных двигателей, общее количество слушателей на факультетах и в академии, срок их обучения и место проживания, количество профессоров, комплектование и профессиональная ориентация академии, место дислокации другой военно-воздушной академии (имеется в виду Военная академия командного и штабного состава ВВС Красной армии), методика преподавания, воинские звания и фамилии руководителей состава академии.

Следует отметить, что немцы на протяжении всего визита были весьма любезны с советскими военными представителями и всячески подчеркивали свое радушие. Например, во время приема, устроенного для германских гостей начальником академии, Ашенбреннер сказал: «Немцы помнят и никогда не забудут той помощи, которую оказала Советская Россия в деле поддержания и восстановления авиационного могущества Германии»²². Примечательная деталь: весь осмотр академии занял около восьми часов, при этом почти половина времени ушла на торжественный обед. Немцев угощали редкими по тем временам деликатесами, натуральным кофе с ликером и коньяком. По завершении визита ответственный сотрудник ОВС НКО майор Сизов в

рапорте на имя вышестоящего начальства отметил: «Показ ВВА был организован правильно»²³.

Из обнаруженных архивных документов сегодня известно, что были и другие германские офицеры, посещавшие советские авиационные части накануне войны. Так, в мае 1940 года немецкий военный летчик капитан Рубенсдорфер выступил с докладом о двухмоторном истребителе «Мессершмитт-110» перед офицерами штаба 24-й авиадивизии. Попутно он, как отмечалось в специальном отчете, интересовался тактико-техническими характеристиками некоторых самолетов ВВС РККА.

Руководство вермахта интересовалось не только советскими авиачастями. Известно, что в октябре 1940 года, то есть за два месяца до подписания А. Гитлером директивы № 21, более известной как план внезапного нападения на СССР под кодовым наименованием «Барбаросса»²⁴, немецкая делегация побывала на нескольких советских авиастроительных заводах. При этом немцы даже не пытались скрыть разведывательные цели своего визита. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что первоначально они планировали осмотреть крупнейшие самолетостроительные и другие авиационные заводы в Москве, Рыбинске, Таганроге, Воронеже, Перми, Уфе, Туле, Тушино, Запорожье (всего 14 заводов). Им было разрешено посетить лишь некоторые заводы. Впрочем, вскоре все связи с немцами были свернуты.

Давая общую оценку военно-авиационным связям СССР с рядом западных стран в 20—30-е го-

ды прошлого века, следует признать их целесообразность, ибо внедрение зарубежного опыта в советское авиастроение оказало позитивное влияние на развитие отечественной авиации.

В то же время западные партнеры СССР, прежде всего Германия, со своей стороны использовали военно-технические связи и контакты с РККА как дополнительный зондаж по изучению боеготовности и боеспособности ВВС Красной армии, а также для иных разведывательных целей. Нельзя не отметить и того, что практически все специалисты и командиры РККА, так или иначе связанные с военными ведомствами западноевропейских стран, бывавшие там в командировках по долгу службы, были потом обвинены в шпионаже в пользу Запада и погибли в ходе репрессий 1937—1939 гг. Гибель этих людей впоследствии дорого обошлась стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1146. Л. 73.

² Там же.

³ Там же. Ф. 4. Оп. 19. Д. 18. Л. 38, 39.

⁴ Ровно через год, 22 ноября 1937 г., Н.Н. Бажанов (1899—1938) по ложному доносу будет арестован, обвинен в участии в «военно-фашистском заговоре» в РККА и 15 сентября 1938 г. приговорен к расстрелу. Реабилитируют его 30 мая 1956 г. См.: *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА 1937—1938. М.: Терра, 1998. С. 385.

⁵ *А.И. Филин* (1905—1942) после ареста начальника НИИ ВВС Н.Н. Бажанова возглавил институт. Но перед самой войной, 23 мая 1941 г., и ему не удалось избежать ареста. 13 февраля 1942 г. Особым

ХРОНОГРАФ

вание перейти под Верденом к обороне и перебросить свыше четырех дивизий с Западного фронта на Восточный.

19 марта 1906 года по указу императора Николая II подводные лодки стали считаться самостоятельным классом кораблей. Приказом главнокомандующего ВМФ от 15 июля 1996 года эта дата объявлена Днем моряка-подводника.

19 марта 1996 года издан Указ Президента РФ «Об установлении Дня Внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации».

23 марта 1876 года Петр Николаевич Яблочков получил патент на изобретенную им «электрическую свечу» — первый электрический источник света.

24 марта 1856 года родился А.З. Мышлаевский, русский военный деятель и историк, генерал от инфантерии (1912). Преподавал в Академии Генерального штаба. В 1908—1909 гг. — начальник Главного, с марта 1909 года — Генерального штаба. В начале Первой мировой войны — помощник главнокомандующего Кавказской армией. С 1915 года председатель Металлургического комитета и уполномоченный по делам металлургической промышленности Особого совещания по обороне, с августа 1916 года — главный уполномоченный по снабжению металлами. В марте—июне 1917 года — командующий войсками Казанского военного округа, в октябре 1917 года прикомандирован к штабу Кавказского фронта. В военно-исторических трудах отстаивал идею самобытности русского военного искусства. Умер в 1920 году.

24 марта 1891 года родился С.И. Вавилов, общественный деятель и ученый в области теории оптической физики, академик (1932), президент АН СССР (1945), лауреат четырех Государственных премий (1943, 1946; 1951 и 1952 — посмертно). Им разработан ряд оптических приборов для вооружения Советской армии и Военно-морского флота. Умер 25 января 1951 года. АН СССР учредила золотую медаль имени С.И. Вавилова «За выдающиеся научные работы в области физики». В 1970 году Всесоюзным обществом «Знание» учреждена настольная медаль имени С.И. Вавилова.

24 марта 1906 года родилась К.И. Шульженко, народная артистка СССР (1971). В годы войны — солистка и художественный руководитель совместно с В.Ф. Коралли Ленинградского фронтового джаз-ансамбля. Только за первый год блокады Ленинграда участвовала в 500 концертах. Особой популярностью в ее исполнении пользовались песни «Синий платочек», «Давай закурим», «Где же вы теперь, друзья-однополчане». Умерла в 1984 году.

25 марта 1942 года Государственный Комитет Обороны издал постановление, которым обязал ЦК ВЛКСМ «мобилизовать к 10 апреля 1942 года в войска противовоздушной обороны территории страны 100 000 девушек-комсомолок в возрасте 19—25 лет, из них 40 проц. с полным средним образованием и остальные с образованием не ниже 5—7 классов».

27 марта 1886 года родился С.М. Киров (настоящая фамилия Костриков), партийный и государственный деятель, возглавлял оборону Астрахани в 1919 году, при этом после-

совещанием (ОСО) НКВД он будет приговорен к расстрелу. Реабилитируют Филина 26 марта 1955 г. См.: *Сувениров О.Ф.* Указ. соч. С. 319, 401.

⁶ Несмотря на то, что по возвращении из Франции И.Э. Якир войдет в состав Военного совета Наркомата обороны СССР, уже через полгода, 28 мая 1937 г., замещая должность командующего войсками Ленинградского военного округа, он будет арестован органами НКВД по обвинению в участии в «военном заговоре» в РККА и 12 июня того же года расстрелян. Реабилитируют И.Э. Якира посмертно через 20 лет, 31 января 1957 г. См.: *Сувениров О.Ф.* Указ. соч. С. 373.

⁷ **Венцов (Венцов-Кранц) С.И.** (1897—1937) — кадровый сотрудник военной разведки РККА, комдив. Замещал должность военного атташе при полпредстве СССР во Франции с мая 1933 по октябрь 1936 г. По возвращении из Франции был назначен командиром 62-й Туркестанской стрелковой дивизии. По ложному доносу арестован и обвинен в участии в «военном заговоре» в РККА. Расстрелян 8 сентября 1937 г., реабилитирован 30 июня 1956 г. См.: *Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь российских спецслужб.* М.: Русский мир, 2002. С. 89.

⁸ **Васильченко Н.Н.** (1896—1942) — кадровый сотрудник военной разведки РККА, комбриг. Замещал должность военно-воздушного атташе при полпредстве СССР во Франции с августа 1933 по февраль 1939 г. По возвращении из Франции был уволен из армии, однако в сентябре 1939 г. восстановлен в кадрах РККА. С августа 1940 по июнь 1941 г. — преподаватель Военно-воздушной академии им. проф. Н.Е. Жуковского, помощник главного инспектора по высшим военно-учебным заведениям ВВС РККА. 1 июня 1941 г. арестован органами НКВД и по постановлению ОСО от 13 февраля 1942 г. приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно 17 сентября 1955 г. См.: *Лурье В.М., Кочик В.Я.* ГРУ: дела и люди. СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. С. 221; *Сувениров О.Ф.* Указ. соч. С. 386.

⁹ См.: *Орлов Б.М.* В поисках союзников: командование Красной армии и проблемы внешней политики СССР в 30-х годах // *Вопросы истории.* 1990. № 4. С. 50.

¹⁰ В годы сталинских репрессий комкор **И.Ф. Ткачев** (1896—1938) по ложному доносу арестован и обвинен в участии в «военном заговоре» в РККА. 29 июля 1938 г. его приговорили к высшей мере наказания и в тот же день расстреляли. Реабилитирован 8 февраля 1956 г. См.: *Сувениров О.Ф.* Указ. соч. С. 210, 214, 380.

¹¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1783. Л. 23—23 об.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 48. Л. 16.

¹³ Там же. Д. 741. Л. 7.

¹⁴ Там же. Д. 907. Л. 37—39.

¹⁵ **Захаров В.В.** Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии: 1921 — июнь 1941 г. М.: Гуманитарная академия ВС РФ, 1992. С. 224—226.

¹⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1237. Л. 380.

¹⁷ **Смушкевич Яков Владимирович** (1902—1941) — советский военачальник, дважды Герой Советского Союза (1937, 1939), генерал-лейтенант авиации (1940). В 1936—1937 гг. принимал участие в национально-революционной войне испанского народа. С июня 1937 г. — заместитель начальника ВВС РККА. В 1939 г. участвовал в боевых действиях на р. Халхин-Гол. С ноября 1939 г. — начальник ВВС РККА, с августа 1940 г. — генерал-инспектор авиации Красной армии, с декабря 1940 г. — помощник начальника Генштаба РККА по авиации. 8 июня 1941 г. арестован органами НКВД по обвинению в участии в «военном заговоре» в РККА. Расстрелян без суда 28 октября 1941 г. Реабилитирован 11 мая 1954 г. Подробнее о нем см.: *Левицкий С.* Трагедия генерала Дугласа // *Крылья Родины.* 1990. № 1. С. 28, 29; *Сувениров О.Ф.* Указ. соч. С. 381.

¹⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 71. Л. 183.

¹⁹ **Скорняков Н.Д.** (1907—1979) — кадровый сотрудник советской военной разведки, генерал-лейтенант авиации (1961). В 1926—1927 гг. — учащийся Ленинградской военно-теоретической школы (лет-

чиков). Окончил Военно-воздушную академию РККА им. проф. Н.Е. Жуковского (1936), Академию Генерального штаба РККА (1939). С сентября 1939 по май 1941 г. — помощник по авиации военного атташе при полпредстве СССР в Германии. С мая по сентябрь 1941 г. — сотрудник Разведуправления РККА. В дальнейшем — на различных должностях в ВВС РККА. Подробнее о нем см.: *Военная разведка накануне Великой Отечественной войны...* С. 158; *Лурье В.М., Кочик В.Я.* Указ. соч. С. 300.

²⁰ **Рычагов Павел Васильевич** (1911—1941) — советский военачальник, Герой Советского Союза (1936), генерал-лейтенант авиации (1940), участник боевых действий в Испании, Китае, Монголии, Финляндии. С июня 1940 г. — заместитель начальника ВВС РККА, с июля — первый заместитель, с августа — начальник Главного управления ВВС, с февраля 1941 г. — одновременно заместитель наркома обороны СССР по авиации. В апреле 1941 г. освобожден от всех должностей и 24 июня 1941 г. по ложному обвинению арестован. Вместе с женой М.П. Нестеренко расстрелян без суда 28 октября 1941 г. Реабилитирован 23 июля 1954 г. Подробнее о нем см.: *Пинчук В.* Генерал Рычагов // *Авиация и космонавтика.* 1988. № 8. С. 46, 47.

²¹ Надо отметить, что к приезду в академию представителей германского посольства советская сторона готовилась весьма основательно. В специальном распоряжении, исходившем из Наркомата обороны и имевшем гриф «СС», содержалось требование: «Должно быть создано впечатление — все работают, никто не шатается без дела» (см.: РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 78. Л. 47).

²² Там же. Л. 55.

²³ Там же. Л. 35.

²⁴ «Барбаросса» («Barbarossa Fall») — кодовое наименование плана агрессивной войны фашистской Германии против СССР. Назван по имени германского императора Фридриха I Барбароссы.

Полковник В.В. КАПИСТКА

довательно назначался председателем Временного ВРК Астраханского края, членом РВС 11-й отдельной армии, Южной группы войск и 11-й армии Южного (Кавказского) фронта. В 1921—1925 гг. — первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджана, с февраля 1926 года — Ленинградского губкома и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). Многие сделал для развития оборонной промышленности Ленинграда и создания Северного флота. Убит 1 декабря 1934 года. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

27 марта 1896 года родился К.Д. Голубев, генерал-лейтенант (1942). В годы Великой Отечественной войны — командующий 13-й, затем 43-й армией на Центральном, Западном, Калининском и 1-м Прибалтийском фронтах. После тяжелого ранения в мае 1944 года находился в распоряжении Ставки ВГК. В 1949—1953 гг. — преподаватель Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова. С 1953 года — в отставке. Умер 9 июня 1956 года.

27 марта 1916 года родился И.Е. Шавров, генерал-армии (1973), в годы войны служил на различных командных и штабных должностях в танковых войсках, командующий войсками Ленинградского военного округа (1967—1973 гг.), начальник Военной академии Генерального штаба ВС СССР (1973—1978 гг.). Умер 25 апреля 1992 года.

29 марта 1856 года родился А.М. Кованько, генерал-лейтенант (1913), один из организаторов воздухоплавания и авиации в России. В Русско-японскую войну командовал 1-м Сибирским воздухоплавательным батальоном, с 1910 года — начальник офицерской воздухоплавательной школы. Умер 20 апреля 1919 года в Одессе.

30 марта 1826 года на окраине Санкт-Петербурга (Волково поле) создано «Ракетное заведение» для производства (впервые в России) штатных боевых ракет конструкции А.Д. Засядко. Александр Дмитриевич Засядко (1779—1837) — начальник петербургского Арсенала с 1820 года, конструктор первой в мире пусковой установки залпового огня, оснащенной шестью пороховыми ракетами и устройствами для ее наведения.

30 марта 1906 года родился А.Н. Асмолов, генерал-майор (1945). Во время Великой Отечественной войны — один из руководителей партизанского движения в Ленинградской области и на Украине. Окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. С 1944 года — руководитель партизанским движением в Чехословакии. После войны находился на работе в МВД СССР, с 1956 года в запасе. Умер 3 сентября 1981 года.

31 марта 1942 года Ставка ВГК освободила генерал-лейтенанта В.Д. Соколовского от обязанностей первого заместителя начальника Генерального штаба Красной армии с оставлением его в должности начальника штаба Западного направления. Первым заместителем начальника Генерального штаба назначен генерал-лейтенант А.М. Василевский.

*Хронограф подготовлен
генерал-лейтенантом в отставке
Ю.А. ХВОРОСТЬЯНОВЫМ;
А.В. ОСТРОВСКИМ*

СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛИГОНА ДЛЯ ИСПЫТАНИЙ ПЕРВОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЗЕНИТНОЙ РАКЕТНОЙ СИСТЕМЫ

В АВГУСТЕ 1950 года в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР была задана программа по разработке зенитной ракетной системы «Беркут» (впоследствии С-25) для круговой противозенитной обороны Москвы. Состоять эта система должна была из 56 огневых комплексов, опоясывающих столицу двумя кольцами на расстоянии 45—50 и 85—90 км от центра города, 26 радиолокационных станций (РЛС) кругового обзора А-100 (22 на дальнем (200—300 км) и 4 на ближнем (25—30 км) рубежах), предназначенных для раннего обнаружения целей, а также из командных пунктов и технических баз. Каждый огневой комплекс в свою очередь включал в себя центральную РЛС наведения (Б-200) и стартовую позицию на 60 ракет (В-300), обеспечивая в своем секторе одновременный обстрел до 20 целей соответствующим количеством ракет.

Поскольку программа отличалась важностью и новизной и предполагала выполнение большого объема работ, для руководства ее осуществлением был образован особый орган — Третье главное управление (ТГУ) при Совмине СССР, непосредственно подчинявшееся спецкомитету, возглавляемому Л.П. Берией, а для самой разработки системы создали новую организацию (КБ-1). На основании упомянутого постановления в мае следующего года был также создан специальный подчиненный ТГУ полигон — «Спецуправление № 3», расположенный рядом с Государственным центральным полигоном (ГЦП) вблизи села Капустин Яр. Руководить новым объектом назначили начальника факультета Артиллерийской академии Героя Советского Союза генерал-лейтенанта артиллерии С.Ф. Ниловского¹. На него легла вся ответственность за развертывание строительства и обеспечение начала испытательных работ. Главным инженером стал подполковник Я.И. Трегуб² — ветеран ГЦП, сыгравший основную роль в организации испытательных работ и

становлении коллектива полигона. Впрочем, вся эта деятельность была окружена завесой секретности. Так, первое время полигон числился за номером войсковой части ГЦП, а Ниловский фигурировал под фамилией Сергеев. Даже в Министерстве обороны о назначении «Спецуправления № 3» знал узкий круг лиц.

Пока шло строительство, «Спецуправление № 3» размещалось на 5-м и 6-м объектах ГЦП, где до этого испытывались немецкие зенитные управляемые ракеты и их советские аналоги, а также отечественные неуправляемые зенитные ракеты. Первый из них располагался в нескольких десятках километров от жилого городка ГЦП, соединяясь с тем грунтовой дорогой. Здесь находилась техническая позиция, предназначенная для проверки ракет и подготовки их к пуску, состоявшая из деревянного ангара и нескольких сборно-щитовых домиков. Ангар — деревянный сарай с электрической печкой посередине, одна из торцевых стен которого являлась воротами для завоза и вывоза ракет. Зимой в нем было холодно, а летом жарко и душно. Кроме технической позиции, объект имел еще служебное здание, несколько сборно-щитовых домиков и землянок, электростанцию, а также два барака с двухъярусными железными кроватями. Тот, что был побольше, именовался «Белым лебедем» и служил основным жильем для офицеров.

На 6-м объекте, расположенном недалеко от 5-го, были бетонные площадки для размещения стартовых устройств и бункер с перископом для наблюдения за пуском ракет. Недалеко от объектов находились три кинотеодолитных измерительных пункта, один из которых был центральным.

Л ИЧНЫЙ состав «Спецуправления № 3» сформировали из выпускников ряда военных академий и училищ 1951 года и офицеров, переведенных из НИИ-4 Министерства обороны, а также с ГЦП. Первыми из Москвы в Капустин Яр 6 и 7 июня

были доставлены двумя авиарейсами 24 выпускника Артиллерийской и Военной радиотехнической академий (среди них и автор этих воспоминаний). В дальнейшем штат постепенно пополнялся офицерами, прибывавшими уже самостоятельно кто поездом, кто самолетом, так что население «Белого лебедя» быстро увеличивалось.

По первому штату, разработанному в Москве, полигон состоял из отделов, служб и двух рот, а с учетом реальной обстановки появились и подразделения, имевшие некоторые отличия от штата. В его структуру вошли: штаб (начальник И.В. Шушков), техническая (В. Трахунов, затем Г.С. Легасов, М.Г. Мымрин, В.Ф. Жулай) и стартовая (В.Н. Лобза) позиции, служба измерений (Г.С. Легасов), отдел обработки результатов измерений (А.В. Крылов), отдел анализа результатов испытаний (Е.Н. Привезенцев), отдел станции Б-200 (Б.С. Пуга), служба поиска и обеспечения, автормота и рота охраны.

В июле на 5-й объект поступили первые опытные образцы ракеты В-300 (ракета 205) и начались ее автономные испытания. Их ответственным руководителем являлся первый заместитель начальника ТГУ С.И. Ветошкин³, наделенный особыми полномочиями, постоянно державший связь с Москвой и фактически командовавший полигоном, а техническим — разработчик ракеты генеральный конструктор ОКБ-301 С.А. Лавочкин⁴. Задачами первого этапа этих испытаний были отработка старта ракеты, исследование ее летных характеристик и проверка работы бортовой аппаратуры. В ангаре технической позиции, где размещались две ракеты и контрольно-проверочная аппаратура, подготовка каждой из ракет включала в себя их сборку, отдельные проверки оборудования и аппаратуры и комплексную проверку с имитацией старта. Руководили работой сотрудники ОКБ-301. Они же вместе со смежниками — представителями НИИ-88 (по двигательной установке), НИИ-504 (по радио-взрывателю), НИИ-885 (по борто-

вой телеметрии), КБ-1 (по автопилоту и радиоуправлению), ЛИИ (по измерениям) — вели подготовку ракет. В ходе этих испытаний использовались «телеметрические» ракеты без боевой части, которую заменял весовой макет с аппаратурой телеметрии.

Когда на объект прибывали ракеты (их за второе полугодие 1951 г. через техническую позицию прошло более 30), работа велась почти круглосуточно с небольшими перерывами на сон и еду. При этом офицеры, трудившиеся на первых порах в роли подручных у разработчиков, постепенно овладевали новыми для себя специальностями. Поскольку время проверки ракеты и устранения выявленных неисправностей возрастало по мере появления новых элементов бортовой аппаратуры, комплексные проверки нередко заканчивались глубокой ночью. Особенно стала затягиваться подготовка с появлением на испытаниях бортовой аппаратуры радиоуправления. При возникновении в ней неполадок сотрудники КБ-1 вынимали блоки из ракеты и уносили их в свой домик, куда посторонним вход был строго воспрещен. Все остальные участники проверки сидели и ждали (иногда до утра) их возвращения и возобновления работы. Если подготовка ракеты затягивалась, в ангаре появлялся Ветошкин. Он с суровым видом молча прохаживался по ангару, сердито поглядывая на виновников задержки. Но иногда его терпение истощалось, и он вмешивался в процесс. Кроме постоянно находившихся в ангаре разработчиков, там появлялись также главные конструкторы оборудования и аппаратуры ракеты, руководители и ответственные работники предприятий и организаций. Как правило, это происходило по требованию Ветошкина после выявления серьезных неполадок в соответствующих изделиях.

После завершения столь трудной и длительной подготовки изделие вывозилось на стартовую позицию 6-го объекта. Для ее доставки и установки вертикально на стартовый стол использовалась специальная машина, разработанная на базе танка. Здесь производилась заправка ракеты воздухом, горючим и окислителем, а предстартовая проверка — в бункере, откуда осуществлялся и ее пуск.

ИЗ-ЗА СТРОГОЙ режимности работы никаких специальных занятий с офицерами полигона не проводилось, каждый из них изучал систему в пределах своих функциональных обязанностей с помощью разработчиков в процессе работы и во время командировок в НИИ и КБ. Между

тем Я.И. Трегуб требовал от офицеров-испытателей скорейшего овладения функциональными обязанностями для перехода на самостоятельную работу. Поскольку система «Беркут» разрабатывалась без участия Минобороны (даже военные представительства на соответствующих предприятиях подчинялись ТГУ), испытатели полигона были первыми военными специалистами, соприкоснувшимися с системой. Им необходимо было оценивать не только тактико-технические, но и эксплуатационные характеристики системы, а по мере приобретения офицерами технической и стартовой позиций надлежащих опыта и знаний у них стали появляться замечания по конструкции и эксплуатации ракеты.

Первый пуск ракеты 205 был произведен 25 июля 1951 года. Он, как и последующие три пуска, был вертикальным. Для обеспечения большей безопасности ракеты на стартовом столе наклонялись на несколько градусов в сторону основного направления стрельбы, а людей увозили в степь примерно на 20 км в сторону, противоположную наклону ракеты. Однако первая ракета упала, образовав глубокую воронку, недалеко от места нахождения людей, после чего их никуда не вывозили с условием, что они должны подчиняться подававшейся по громкоговорящей связи команде «Всем рассредоточиться по объекту», которую, впрочем, никто не выполнял из-за неясности, как это делать. Наоборот, все собирались в кучу поближе к старту, чтобы наблюдать пуск. Последующие пуски ракет уже осуществлялись с использованием программного управления от бортовых датчиков.

С самого начала испытаний все наземные измерительные службы полигона действовали самостоятельно, без помощи представителей промышленности. Основную задачу по обработке результатов измерений и их анализу на первом этапе выполняли сотрудники ОКБ-301 и КБ-1, а офицеры полигона активно в этом участвовали. Всего на первом этапе было произведено 30 пусков (последний 16 декабря).

К осени 1951 года жители «Белого лебедя» вместе со своими двухъярусными койками до отказа заселили построенные на объекте сборно-щитовые домики. Тогда же стали приезжать семьи офицеров, которые в своем большинстве снимали комнаты, мазанки или углы в селе Капустин Яр. В конце 1951-го у них появилась возможность перебраться в жилой городок ГЦП, где было построено около 20 сборно-щитовых домиков.

Обитали без всяких удобств, так что в бытовом плане жизнь семей, особенно в селе, была нелегкой. Да и виделись мы с близкими нечасто, так как добираться к ним с 5-го объекта было сложно, особенно зимой, когда дорогу заносило снегом и на поездку уходило чуть ли не полдня. Порой мы отсутствовали дома более недели.

В 1952 году С.Ф. Нилковский был переведен в ТГУ, а вместо него назначили заместителя начальника Артиллерийской академии по научно-учебной работе генерал-лейтенанта артиллерии П.Н. Кулешова⁵, ставшего достойным преемником нашего всеми уважаемого начальника. В том же году «Спецуправление № 3» переехало на построенный для него полигон, включавший ряд объектов (площадок), соединенных между собой и жилым городком ГЦП бетонными дорогами, и пять измерительных пунктов. Основной территорией являлась площадка 30, где размещались управление полигона, техническая позиция, отделы обработки и анализа результатов испытаний, вспомогательные и обеспечивающие службы, казармы, гостиницы, столовые, клуб и стадион. Находилась она в нескольких километрах от жилого городка, что позволяло доставлять личный состав на работу и с работы, а иногда и на объект, автомобильным транспортом. В 20 км от основной располагались остальные площадки, в том числе 31-я (для размещения казарм, гостиницы, столовых), 32-я (для размещения упрощенного опытного образца стартовой позиции огневого комплекса системы), 33-я (для сокращенного опытного образца станции Б-200 и комплексного моделирующего стенда). С них персонал с работы и на работу также доставлялся автомобильным транспортом, но менее регулярно. На всех площадках были созданы практически нормальные условия работы и быта, не сравнимые с условиями ушедшей в историю «колыбели» полигона — 5-го и 6-го объектов ГЦП.

К тому времени прибыло очередное пополнение, вызвавшее применительно к новым условиям работы изменение штатного расписания. Так, вместо некоторых отделов были созданы команды: первая — испытатели стартовой позиции (начальник В.Н. Лобза), вторая — испытатели технической позиции (В.Ф. Жулай), третья — испытатели станции Б-200 (Б.С. Пуга, затем Г.С. Легасов, И.М. Пенчуков), четвертая — измерители (Г.С. Легасов, затем А.И. Ливенцов); претерпели реорганизацию отделы анализа (Р.А. Валиев) и службы тыла.

МЕЖДУ тем уже на новом полигоне продолжился второй этап автономных испытаний ракеты, начавшийся 19 марта 1952 года. Его задачей была проверка летных характеристик, управляемости и стабилизации ракеты автопилотом во всем диапазоне высот и скоростей полета. Подготовка ее производилась на технической позиции, как и раньше, но только в лучших условиях. Здесь же с помощью штатного оборудования осуществлялась и заправка ракеты, которая доставлялась на старт штатной транспортно-заряжающей машиной, а устанавливалась на стол штатным подъемником. Ее предстартовую проверку производили из бункера старта, откуда осуществлялся и пуск. В полете ракета управлялась не только от своего датчика, но и командами, передаваемыми на борт специальной аппаратурой. Закончился этот этап 17 сентября 31-м пуском.

В том же месяце на полигон завезли сокращенный опытный образец станции Б-200, после коротких автономных испытаний которой персоналом третьей команды под руководством разработчиков начались ее комплексные испытания с ракетой 205. Ответственным руководителем этих работ был главный инженер ТГУ В.Д. Калмыков⁶, техническим — заместитель главного конструктора системы А.А. Расплетин⁷. На комплексных и последующих испытаниях наряду с «телеметрическими» для стрельбы по реальным мишеням применялись штатные боевые ракеты. Монтаж боевой части на каждой из них производился на специальной территории, расположенной между 30-й и 31-й площадками. Подготовка к пуску, доставка на старт и установка ракет на стол производились так же, как и на втором этапе автономных испытаний, предстартовая же их проверка — с помощью специальной установки, а пуск — со станцией Б-200 (кроме первых автономных пусков, производившихся для проверки захвата ракеты станцией).

В ходе первого этапа комплексных испытаний, начавшегося 18 октября 1952 года, проверялись и отрабатывались надежность станции по захвату и сопровождению ракет, вывод последних на необходимую траекторию, их управляемость и точность наведения на цель, оценка эффективности поражения самолетов-мишеней, принцип многоканальности станции. Сначала пуски с автоматическим наведением производились по так называемым условным целям, имитировавшимся электронно на станции Б-200⁸, затем — по реаль-

ным, представляющим собой угловые отражатели, сбрасываемые на парашюте с самолета, далее — по самолетам-мишеням. В качестве последних использовались бомбардировщики Ту-4 (впоследствии также Ил-28), оборудованные аппаратурой радиоуправления. Поднимавшие их в воздух с аэродрома Владимировка летчики после набора нужной высоты и выхода на требуемый курс катапультировались, а самолет-мишень управлялся по радио через сопровождавшую его пару истребителей, готовых в случае необходимости уничтожить объект сопровождения. Если самолет-мишень, оставленный истребителями у самой зоны поражения ЗРК, не удавалось сбить на первом заходе, то предпринимались попытки вывести его на второй, а то и третий заходы. Всего на первом этапе, завершившемся 18 мая 1953 года, был произведен 81 пуск, в том числе 12, при которых сбили 5 целей.

На втором этапе комплексных испытаний (с 6 июня по 17 сентября 1953 г.) произвели 41 пуск, из них 28 для проверки доработок ракеты по результатам первого этапа и 13 — для контрольного отстрела серийных ракет.

ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ Совмина СССР с 22 сентября по 7 октября 1953 года были проведены так называемые контрольные испытания системы С-25 (новое название системы «Беркут»). В них уже участвовал маршал артиллерии Н.Д. Яковлев⁹ в качестве члена государственной комиссии, возглавляемой В.Д. Калмыковым. При этом осуществлялась проверка эффективности поражения реактивного бомбардировщика Ил-28, имевшего меньшие размеры и большую скорость, нежели винтомоторный Ту-4, многоканальности станции и стрельбы очередью по самолету-мишеню Ту-4. В ходе этих испытаний были проведены 33 пуска ракет 205. В итоге были сбиты четыре самолета-мишени Ту-4, четыре Ил-28 и проверено одновременное наведение четырех ракет на четыре парашютные мишени. Кроме того, произвели четыре пуска ракет 207А (новая модификация ракеты В-300), поразив два самолета-мишени Ил-28 и один Ту-4.

Во время контрольных испытаний произошел и незапланированный «эксперимент», когда оператор Б-200 произвел пуск ракеты по истребителю сопровождения, случайно залетевшему в зону действия станции, приняв его за самолет-мишень. К счастью, была пущена «телеметрическая» ракета, которую вовремя заметили с другого истребителя и сообщили об этом по радио подвергавшемуся

этой угрозе, срочно перешедшему в крутое пикирование и заметно увеличившему промах ракеты. Это был первый в истории маневр самолета против зенитной ракеты, впоследствии широко применявшийся в боевых действиях.

Контрольные испытания выявили ряд недостатков системы, а также необходимость развертывания на полигоне штатного огневого комплекса С-25. Пока решался этот вопрос, с 14 октября 1953 по 29 сентября 1954 года был проведен этап комплексных испытаний системы с целью дальнейшей отработки и совершенствования огневого комплекса. На этом этапе был произведен 81 пуск (в том числе 35 для контрольного отстрела серийных ракет и 3, поразившие два самолета-мишени Ту-4). Тогда же начался переезд офицеров полигона из сборно-щитовых домиков в построенные в жилом городке ГЦП двухэтажные кирпичные дома почти со всеми удобствами, куда вселились и вновь прибывшие офицеры.

В начале 1954 года на основании распоряжения Совета Министров СССР вблизи площадки 31 началось строительство 50-й и 51-й площадок для размещения штатного комплекса системы С-25. После его развертывания 1 октября того же года начались государственные испытания этой системы с ракетой 205, а днем ранее, 30 сентября, — ракеты 207А в системе С-25 для оценки возможности принятия комплекса на вооружение.

Все испытания к тому времени уже проводились личным составом полигона, а разработчики, к тому же в малом числе, лишь присутствовали при этом. По окончании автономных и комплексных испытаний ракеты 207А, в ходе которых были произведены 68 автономных пусков по условным, парашютным целям и самолетам-мишеням (семь из них сбили шесть целей — пять Ил-28 и один Ту-4), отделом анализа были разработаны научные основы методов испытания системы наведения ракеты и ее эффективности.

ЗАТЕМ состоялись государственные испытания. Их результаты оценивались представительной комиссией, возглавлявшейся маршалом артиллерии Н.Д. Яковлевым. Кульминацией проведенных при этом стрельб со штатного комплекса (площадки 50 и 51) по парашютным мишеням стало испытание максимальных возможностей огневого комплекса. Хотя по ряду причин объективного и субъективного характера они прошли не совсем удачно, была определена принципиальная возможность одновременного обстрела 20 целей 20 ракетами.

Предварительные итоги по основным вопросам подводили специально созданные для этого рабочие группы, представлявшие свои протоколы комиссии, а результаты каждой стрельбы оценивались и документально фиксировались отделом анализа. Документы подписывались всеми членами комиссии, присутствовавшими на полигоне.

Закончились государственные испытания в декабре 1954 года после произведения 73 пусков ракет 205 и 30 пусков ракет 207А, из которых 35 поразили 4 самолета-мишени Ту-4 (в том числе один постановщик пассивных помех) и 10 Ил-28 (один постановщик пассивных помех); 3 самолета-мишени из этого числа, получив повреждения, потеряли управление и были добиты истребителями. Кроме того, специальными облетами проверялась помехозащищенность станции Б-200.

Всего на испытаниях системы С-25 за период с июля 1951 по декабрь 1954 года было произведено 370 пусков ракет 205 и около 100 — 207А (поражены 35 самолетов-мишеней и около 100 парашютных целей). Ряд пусков оказался неудачным, а некоторые даже аварийными. Было и несколько случаев несхода ракет со стартового стола. На поражение самолета-мишени в большинстве случаев расходовались одна-две ракеты, а парашютной мишени — одна. Такой объем работы коллектив полигона выполнил за три с половиной года.

Еще в начале комплексных испытаний здесь была создана группа боевого применения системы, которая вместе с отделом анализа разрабатывала проекты первых боевых документов для системы С-25 еще до конца государственных испытаний. Остатки всех пущенных ракет и сбитых самолетов-мишеней должна была находить служба поиска. Это порой была трудновыполнимая задача, несмотря на помощь местных органов власти и спецслужб.

Объемная работа была проделана полигоном по согласованию с разработчиками и выпуску в сжатые сроки двух отчетов: по госиспытаниям системы С-25 с ракетой 205 и по госиспытаниям ракеты 207А в системе С-25. Оба отчета были иллюстрированы раскрашенными фотографиями специально подготовленных плакатов. Это были первые серьезные отчеты полигона. Они давали объективную оценку результатов испытаний, на основании которой Государственная комиссия могла бы принять решение о дальнейшей судьбе системы С-25 и ракеты 207А. Отчеты были доставлены в Москву к заседанию Государст-

венной комиссии. Полигон, таким образом, выполнил работу, ради которой и был создан.

В мае 1955 года постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР система С-25 была принята на вооружение, а в июне следующего года стала на боевое дежурство. В результате появился новый род Войск ПВО — зенитные ракетные войска.

Полигон продолжал работу с системой С-25 и в последующем провел по ее модернизации четыре этапа испытаний. На базе штатного огневого комплекса был организован учебный центр, где проводили стрельбы зенитные ракетные полки, а научно-исследовательская часть разработала проект «Правил стрельбы» для полка системы.

Среди отмеченных государственным наградой участников столь важной и ответственной работы были генералы и офицеры полигона, а в жилом городке — городе Знаменске — появилась улица генерала Ниловского, названного почетным гражданином этого города. Кроме того, генералу Ниловскому установлен бюст на 30-й площадке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ниловский Сергей Федорович (1906—1973) — начальник НИИ-2 МО СССР (1952—1966), генерал-лейтенант артиллерии.

² Трегуб Яков Исаевич (р. 1918) — заместитель начальника НИИ-2 МО СССР (1957—1973), генерал-майор.

³ Ветошкин Сергей Иванович — первый заместитель начальника Третьего главного управления при Совмине СССР.

⁴ Лавочкин Семен Алексеевич (1900—1960) — генеральный конструктор ОКБ-301 (1954—1960), член-корреспондент АН СССР (1958), дважды Герой Социалистического Труда (1943, 1966), генерал-майор инженерно-технической службы (1944).

⁵ Кулешов Павел Николаевич (1908—2000) — начальник Главного ракетно-артиллерийского управления (1965—1983), маршал артиллерии (1967).

⁶ Калмыков Валерий Дмитриевич (1908—1974) — министр радиопромышленности СССР (1965—1974).

⁷ Расплетин Александр Андреевич (1908—1967) — ученый и конструктор в области радиотехники и электроники, академик АН СССР (1964), Герой Социалистического Труда (1956).

⁸ Первый пуск по «условной неподвижной цели» был произведен 2 ноября 1952 г., последующие осуществлялись по таким же целям с различными параметрами движения.

⁹ Яковлев Николай Дмитриевич (1898—1972) — первый заместитель главнокомандующего Войсками ПВО страны (1955—1960), маршал артиллерии (1944).

Полковник в отставке
М.Л. БОРОДУЛИН

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ЗАСЕДАНИЕ АССОЦИАЦИИ ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В МОСКВЕ состоялось заседание Ассоциации историков Второй мировой войны. С докладом «Память о Второй мировой войне в Великобритании» выступил статс-секретарь — заместитель министра иностранных дел РФ Г.Б. Карасин.

В дискуссии приняли участие доктор исторических наук генерал армии М.А. Гареев (Академия военных наук); А.А. Чурилин (Историко-документальный департамент МИД РФ); доктор исторических наук, профессор Г.А. Куманев (Институт российской истории РАН); доктор исторических наук, профессор А.А. Кошкин (Институт всеобщей истории РАН); кандидат военных наук генерал-полковник в отставке Г.Ф. Кривошеев (Военно-мемориальный центр ВС РФ); доктор исторических наук, профессор В.П. Зимонин (Институт военной истории МО РФ); кандидат исторических наук М.Ю. Мягков (Институт всеобщей истории РАН); кандидат исторических наук Ю.А. Никифоров (Институт всеобщей истории РАН); кандидат исторических наук полковник С.Н. Ковалев (Институт военной истории МО РФ); кандидат исторических наук Б.И. Невзоров (Институт военной истории МО РФ) и др.

Итоги дискуссии подвел президент ассоциации доктор исторических наук, профессор О.А. Ржешевский (Институт всеобщей истории РАН).

* * *

ИСТОРИЯ РУССКОГО ВОЕННОГО И МОРСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В БИБЛИОТЕКЕ-ФОНДЕ «Русское зарубежье» (БФРЗ) в марте—апреле 2006 года пройдут лекции по истории русского военного и морского зарубежья.

17 марта — лекция «Борьба генерала П.Н. Врангеля за сохранение Русской армии в изгнании» с рассмотрением вопросов: положение Русской армии и беженцев после эвакуации Крыма и отношение к ним союзников; создание Русского совета в Константинополе; главнокомандующий генерал П.Н. Врангель о целях и задачах совета; состав Русского совета и изменения в нем; общественное мнение о Русском совете и его роль в сохранении армии и последующем сплочении эмигрантских кругов. Лектор — Е.П. Пуденкова.

12 апреля — лекция «Одиссея русского флота (Русская эскадра адмирала М.А. Кедрова и Сибирская флотилия адмирала Г.К. Старка)», где будут изложены следующие вопросы: переход Черноморского флота в Константинополь; переименование флота в Русскую эскадру; переход в Бизерту; условия жизни чинов эскадры; Морской кадетский корпус; расформирование эскадры и корпуса; Приморье осенью 1922 года; состояние Сибирской флотилии; эвакуация Приморья; переход флотилии из Владивостока в Гензан и далее — в Фузан; попытка советского правительства вернуть флотилию; переходы в Шанхай и Манилу; судьба кораблей и личного состава. Лектор — Н.А. Кузнецов. Начало лекций в 18.00.

Адрес БФРЗ: Москва, ул. Нижняя Радищевская, 2 (проезд: ст. м. «Таганская»-кольцевая). Справки по тел.: 915-10-30, <http://www.bfrz.ru>

ПЕРВОЕ БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ МИННОГО ОРУЖИЯ РУССКИМИ ВОЕННЫМИ МОРЯКАМИ В XIX ВЕКЕ

УЧРЕДИВ на границе Российской империи новую столицу – Санкт-Петербург, Петр Великий создал тем самым и великую проблему по защите своего творения. Лучшие умы России прилагали немалые усилия для ее решения. Поскольку особенно остро вставал вопрос обороны Петербурга с моря, внимание видных российских ученых (П.Л. Шиллинга¹, Б.С. Якоби² и др.) привлекла предложенная И.И. Фицтумом³ идея использовать для поражения кораблей противника подводные фугасы.

В 1812 году член-корреспондент Российской академии наук П.Л. Шиллинг успешно осуществил подрыв подводного фугаса с помощью электрического тока от батареи, расположенной на берегу. Пороховой заряд поджигался разработанным им же угольным запалом⁴. И хотя такой способ не мог быть использован в боевых условиях по техническим и тактическим соображениям, он положил начало развитию в российском флоте нового вида оружия – морской мины. Шиллинг обратился со своим изобретением в Военное министерство России, но сначала поддержки там не нашел. Лишь в 1832 году, когда в присутствии Николая I под Красным Селом был произведен подрыв подводного фугаса, изобретение П.Л. Шиллинга было удостоено одобрения императора. К.А. Шильдеру⁵, руководившему подготовкой и проведением эксперимента, было предложено продолжить исследования в этом направлении.

Талантливый изобретатель, начальник инженеров Гвардейского корпуса генерал-майор К.А. Шильдер стал основоположником работ по созданию практически применимого образца морской мины. В своем докладе военному министру в 1839 году он писал: «Занимаясь с 1832 г. изысканием средств к извлечению возможной пользы от способа воспламенять порох гальванизмом, я открыл преимущественную возможность

употребления сего способа в воде, в коей для проведения желаемого действия достаточно опустить мины в тех местах, где обороняющийся намерен поразить корабли противника»⁶.

В том же году по инициативе Шильдера был учрежден «Комитет о подводных опытах», в состав которого вошли шесть военных представителей инженерного и морского ведомств и один гражданский – профессор Б.С. Якоби. Все первые технические предложения по минам разрабатывались К.А. Шильдером и осуществлялись под его руководством. Б.С. Якоби приступил к созданию гальванических батарей для подводных мин и постепенно возглавил все работы по испытанию нового вида оружия⁷.

Исследования, проводимые Б.С. Якоби, позволили определить рациональную формулу и массу заряда, установить наименьшее расстояние, при котором взрыв одной мины не уничтожал соседние мины, оценить действие силового поля взрыва на корпус корабля, обосновать глубину, на которой следовало устанавливать мину. По существу, он впервые поставил вопрос о таких важных тактических характеристиках морского минного оружия, как минимальный минный интервал, параметры зоны поражения корабля и углубление мины.

Опыты с морскими минами производились в Финском заливе и на Неве. В 1840 году на малом Невском фарватере было выставлено минное заграждение в шахматном порядке из 26 мин. Пущенный по течению бот после последовательного подрыва четырех мин был полностью разрушен и затонул.

В этих экспериментах наряду с оценкой действия взрыва производился поиск эффективных форм и структур минных заграждений. Полученные результаты позволили Б.С. Якоби разработать специальную инструкцию, где было сказано, что при минных по-

становках «на каждые 10 сажень принято помещать по 2 мины в шахматном порядке на глубину от 7 до 8 фут[ов] в расстоянии 15 сажень один ряд от другого»⁸. Все это свидетельствует о профессиональном подходе Б.С. Якоби к разработке первых образцов морских мин и способам их боевого применения. Вместе с тем оставалась нерешенной проблема определения времени взрыва мины под кораблем. Электрическая цепь подачи питания на запал замыкалась вручную в момент, когда по наблюдению с берега считалось, что корабль противника находится в непосредственной близости от мины. Определить этот момент даже в обычных условиях было нелегко, а ночью, в туман или при значительном удалении от берега — вообще невозможно. Якоби задался целью устранить недостаток гальванических мин, предложив в качестве альтернативы ударную гальваническую мину. В корпусе такой мины или в специальном поплавке располагался ударный замыкатель. Он удерживал гальваническую цепь в разомкнутом состоянии и замыкал ее при ударе корпуса корабля о мину или поплавок. Чтобы не произошло случайного взрыва при прохождении над миной своих кораблей, гальваническая цепь замыкалась путем отключения береговой батареи.

КОНСТРУКТИВНО мина состояла из корпуса, в котором размещались зарядная камера с зарядом пороха и электрический запал. Полностью снаряженная мина имела положительную плавучесть и удерживалась под водой на заданном углублении пеньковым канатом, прикрепленным к балласту. Позже такой канат был назван минрепом, а балласт – якорем.

После того как в конце 1841 года Э. Нобель⁹ обратился в инженерное ведомство Военного министерства с предложением по устройству подводной мины, не связанной проводами с берегом, «Ко-

митету о подводных опытах» было предписано оказать содействие изобретателю в подготовке показательных взрывов. В следующем году в присутствии руководства инженерного ведомства и членов комитета Э. Нобель дважды успешно продемонстрировал действие мины, названной ударной пиротехнической. Ее взрыватель представлял собой наполненную серной кислотой колбу в хлопчатобумажной обертке, пропитанной хлористым калием, которая при ударе мины о корпус корабля лопалась. Реакция серной кислоты и хлористого калия приводила к воспламенению бумаги и взрыву заряда¹⁰.

Оставляя неизменным принцип действия своих мин, Якоби и Нобель продолжали совершенствовать их конструктивные элементы, создавая новые образцы. По завершении программы опытов и постановки экспериментальных минных заграждений на Ревельском рейде в 1852 году комитет сделал заключение, что работы над подводными минами как в теоретическом, так и в практическом отношении доведены до удовлетворительных результатов¹¹.

Таким образом, к началу Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. российский флот единственный в мире обладал принципиально новым видом оружия и имел отработанные способы его боевого применения. В остальном же война застала морские силы России технически отсталыми и численно слабыми. Строительство пароходофрегатов осуществлялось крайне медленно, а введенных в строй линейных кораблей с паровыми энергетическими установками и винтовыми движителями не было вовсе. В этот период Балтийский флот имел в своем составе 26 парусных линейных кораблей и 17 фрегатов, из которых 11 были паровыми, причем часть парусных кораблей подлежала сдаче на слом или требовала срочного ремонта¹². Организационно все они были сведены в три дивизии, две из которых базировались в Кронштадте и одна в Свеаборге.

Направленные в Балтийское море весной 1854 года английская и французская эскадры как по техническому оснащению, так и по численности кораблей превосходили российский флот, поэтому командование союзников рассчитывало в короткий срок уничтожить русский флот и прорваться к Петербургу. Этот поход на русскую столицу был широко разрекламирован, а самый влиятельный политический «Клуб ре-

форм» дал банкет в честь этого события и главнокомандующего английскими морскими силами на Балтийском театре вице-адмирала Чарльза Непира. На торжестве присутствовали лорды адмиралтейства, министры, представители двора и аристократии. Произносились тосты, говорились речи с заявлениями о том, что сэр Чарльз через три недели возьмет Петербург¹³.

ЛЕТОМ 1854 года, когда английский флот вошел в Балтийское море, император Николай I собрал большой военный совет. Его участники категорически советовали царю не выходить в море и не давать генерального сражения, на что государь в гневе воскликнул: «Разве флот для того существовал и содержался, чтобы в минуту, когда он действительно будет нужен, мне сказали, что флот не готов для дела?»¹⁴.

Адмиралы ясно осознавали убийственную техническую отсталость парусных кораблей в сравнении с винтовыми. Противник, имевший к тому же дальнобойную артиллерию, мог сравнительно свободно выбирать нужную ему позицию и буквально расстреливать русские парусные линейные корабли и фрегаты, маневр которых всецело зависел от направления и силы ветра. Царь знал об этом. Его сын, великий князь Константин, вступив в управление морским ведомством, в своем отчете за 1853 год докладывал отцу: «Материальная сила нашего флота много уступает качествами своими флотам иностранным. Свойство леса, постройки, неимение винтовых двигателей, меньшая быстрота хода, такелаж, артиллерия, снаряды, всякое ручное оружие и пр. – суть предметы, в которых мы не можем соперничать с флотами английским, французским и американским»¹⁵. Сообщил Константин и о полученном летом 1854 года письме без подписи, в котором говорилось, что «ежели неприятель пожелает занять Гельсингфорс и Свеаборг, то может совершить это в 24 часа»¹⁶.

Николай I после заседания военного совета приказал немедленно осмотреть укрепления. Результаты осмотра были удручающими. Ревизоры «поражались негодностью и дурным состоянием всего вооружения», а адмирал Ф.Ф. Матюшкин¹⁷ после осмотра крепостных сооружений в Свеаборге прямо заявил: «Трудно недостроенную крепость, оставленную без всякого внимания более сорока лет, привести в продолже-

ние нескольких зимних месяцев в столь надлежащий образ, чтобы флот наш находился вне опасности от нападения неприятеля»¹⁸. В Гельсингфорсе пробная стрельба привела к разрушению стен Густавсвернских укреплений уже после седьмого выстрела стоявших на этих стенах орудий. Осмотрев батареи северного кронштадтского прохода, знаменитый впоследствии полковник Э.И. Тотлебен¹⁹ докладывал, что эти батареи «так расположены, что будут поражать друг друга, а не неприятеля»²⁰.

Противопоставить сложившемуся положению на флоте российских моряки могли лишь высокий боевой дух и готовность к самопожертвованию. «Балтийский флот горит желанием сразиться с англичанами и показать себя перед Черноморским. Балтийские и черноморские решились или погибнуть, или победить»²¹, – вспоминали участники этих событий.

НА БАЛТИЙСКОМ флоте для защиты подходов с моря к Кронштадту, Ревелю и Свеаборгу, прикрывавшему Гельсингфорс, русские моряки впервые в истории осуществили массовые минные постановки. С этой целью 6 (18) февраля 1854 года Морской ученый комитет, рассмотрев представленный Б.С. Якоби «Проект цепи подводных мин для постановки между фортами Александра I и Павла I», утвердил минное заграждение из 105 мин в виде двух рядов с расстоянием 10 сажен между рядами и минами в ряду. Вскоре было установлено второе минное заграждение из 60 мин, закрывшее проход между фортами «Павел I» и «Кроншлот». Оба заграждения надежно прикрывались артиллерией фортов²². По существу, это была первая в истории войн минно-артиллерийская позиция. В дальнейшем тактический замысел таких позиций состоял в том, чтобы артиллерия не позволяла малым кораблям (тральщикам) вести противоминные действия, а минные заграждения исключали возможность подхода крупных кораблей для подавления береговой артиллерии.

На участках, где плавание российских кораблей могло быть ограничено, ставили мины Э. Нобеля. Первое заграждение из 92 таких мин было выставлено на левом фланге форта «Павел I». Два других заграждения из 352 мин были поставлены на северном фарватере: мины устанавливались на расстоянии 24 м друг от друга с углублением 3,6 м. Всего в период 1854–1855 гг. для оборо-

ны Кронштадта на минных позициях было выставлено 1865 мин. Позиции в районе южного фарватера находились под прикрытием орудий фортов и береговых батарей, а минные заграждения северного фарватера прикрывались артиллерией²³ небольших отрядов блокшифов²⁴. Созданная система составляла основу обороны подступов к Петербургу с моря. Для защиты Свеаборгской крепости, выполнявшей роль форпоста Гельсингфорса, были выставлены минные заграждения из 994 мин различных образцов. Мины ставились также на подходах к Ревелю, Усть-Двинску и у Толбухина маяка²⁵.

20 мая (1 июня) 1854 года английская эскадра прибыла в район Ганге, где ее командующий вице-адмирал Ч. Непир получил известие, что ему на помощь направлены французские корабли под началом вице-адмирала Парсеваля-Дешена. С этого времени, в течение почти месяца крейсируя между Ганге и Барозундом, Ч. Непир пытался выманить русский флот из Кронштадта, чтобы сразиться в открытом море, но безрезультатно. После того как 13 (25) июня 19 французских кораблей прибыли в район Барозунда, объединенная англо-французская эскадра двинулась к Кронштадту²⁶.

Еще в марте Ч. Непир получил донесение из адмиралтейства о применении русскими таинственного оружия, о котором ходили самые невероятные слухи. Проведя разведку на подходах к Кронштадту, противник выловил несколько мин, которые были отправлены для изучения в Англию. После долгих колебаний союзное командование приняло решение повернуть обратно.

Оправдывая свои действия, Ч. Непир докладывал британскому адмиралтейству: «Подходы к Кронштадту сильно защищены адскими машинами», — так он называл морские мины. Далее, подробно изложив, почему превосходящими силами он не может взять Кронштадт, адмирал язвительно прибавил: «Наилучший план нападения на Кронштадт заключается в том, чтобы начать с Петербурга. Вы можете высадить армию к северу или югу (от города) и пойти на город; но это должна быть такая армия, против которой русские не устояли бы, и вы не должны потерпеть поражение, потому что иначе это обратится в такой же бедственный поход, как поход Бонапарта»²⁷.

В 1855 году противостояние продолжалось на всех театрах военных действий. На Балтийском море английская эскадра, теперь уже под командованием Р.С. Дондаса, была значительно усилена. В ее состав вошли 17 винтовых линейных кораблей, 30 пароходофрегатов и корветов, 15 других судов²⁸. Задача перед ней, как и перед присоединившейся к ней французской эскадрой под командованием контр-адмирала Ш. Пено, стояла прежняя — прорыв к русской столице. В состав последней вошли три винтовых линейных корабля, два пароходофрегата и три других судна²⁹.

8(20) июня 1855 года отряд англо-французских кораблей предпринял попытку провести рекогносцировку на рейде кронштадтских укреплений. Следуя северным фарватером, пароходофрегат «Merlin», на борту которого находились оба командующих, приблизился к берегу. В этот момент в носовой части фрегата раздался взрыв. Командир пароходофрегата стал выводить корабль из опасных вод, но грянул новый взрыв, затем еще один. Пароход «Farefly» на всех парах направился к «Merlin», но перед его носом поднялся столб воды. Вскоре на минных заграждениях северного фарватера подорвались пароходы «Vulture» и «Bulldog»³⁰.

После подрыва четырех кораблей союзники отказались от нападения на Кронштадт. Психологическое воздействие минной опасности оказалось столь сильным, что более в кампанию 1855 года к острову Котлин не рискнул подойти ни один вражеский корабль.

Под Кронштадтом противник понес большие косвенные потери, которые выразились в оперативных последствиях. Однако прямых потерь не было. Упомянутые корабли получили лишь повреждения, но не погибли, поскольку попали на линии мин Нобеля, выставленных значительно мористее, отличавшихся малым весом заряда (2–4 кг черного пороха) и низким качеством изготовления. В них подмокал порох, у многих обрывался минреп, отдельные мины взрывались в процессе обращения с ними.

Мины Якоби образца 1852 года оснащались 9 пудами (144 кг) пороха. В 1854 году, когда на складах Кронштадта возник дефицит пороха, Б.С. Якоби уменьшил заряд своих мин до 2,6 пуда. Но даже в этом случае вес заряда его мин в десять раз превосходил вес заряда мин Нобеля³¹.

ЯКОБИ как добросовестный ученый руководствовался данными расчетов и экспериментов, Нобель же в отличие от него больше ориентировался на коммерческий расчет. Добившись выгодного заказа, он продавал Морскому министерству свои мины по 100 рублей за штуку³². По этому поводу вице-адмирал Ф.П. Литке³³ писал военному министру: «От самого Нобеля нельзя ожидать усовершенствования его мины... делая из нее торговую спекуляцию, он по возможности устраняет всякий контроль со стороны правительства»³⁴.

Потерпев неудачу под Кронштадтом, неприятельский флот в конце июля отошел на запад. Дондас отвел основные силы английской эскадры к Наргену и начал разведку укреплений Свеаборга. Но как только корабли разведки стали приближаться к укрепрайону, на их пути взметнулись фонтаны подводных взрывов. Это защитники крепости включили электрические цепи ударно-гальванических мин Якоби. Ударные замыкатели у нескольких мин оказались замкнутыми, и произошел преждевременный подрыв заряда. Обнаружив минные заграждения, неприятель стал осторожно выходить из района. 6(18) августа 1855 года в район Свеаборга и Гельсингфорса вошли 10 вражеских линейных кораблей, 14 фрегатов и пароходофрегатов, 2 корвета и более 50 бригов, канонерских лодок и др. Боевая линия кораблей вытянулась вдоль свеаборгских укреплений. Линейные корабли и фрегаты были поставлены на якорь в 3–4 верстах от береговой черты вне зоны действия крепостной артиллерии. Ближе к укреплениям маневрировали канонерские лодки и бомбардирские суда. Бой начался в 7 ч 30 мин 9(21) августа и продолжался двое суток. Противник выпустил по крепости, береговым батареям и русским кораблям до 20 тыс. снарядов, но нанесенный ущерб с военной точки зрения был ничтожен³⁵.

Корабельная артиллерия превосходила по дальности стрельбы крепостные орудия, но дистанция, на которой находились линейные корабли и фрегаты, позволяла вести только навесной огонь. Чтобы прицельно бить по амбразурам и орудиям, надо было идти на сближение. Но мог ли противник это сделать? «Наша первая забота... заключалась в том, чтобы принять меры предосторожности против взрывных машин»³⁶, — писал Р. Дондас в своем докладе лордам адмиралтейства о нападении на Свеаборг.

Линии мин Якоби прикрывались огнем артиллерии, и вне зоны ее

действия мин не было. Знать об этом адмирал Дондас мог не только из сведений британского адмиралтейства, хорошо осведомленного о неприятельских секретах по дипломатическим и другим каналам, но и в результате проводившейся англичанами минной разведки. Ночью, перед началом обстрела свеаборгских укреплений противник для вылавливания мин отправил лодки с командами, и несколько мин было выловлено³⁷. Исходя из этого, можно полагать, что диспозиция сил англо-французской эскадры была вполне оправдана.

Крупные корабли располагались вне досягаемости крепостной артиллерии, а следовательно, вне границ минных заграждений, мелкие же суда и корабли не были подвержены опасности подрыва из-за своей малой осадки.

УСИЛИВ огневую мощь канонерских лодок и бомбардирских судов дальнобойными орудиями, снятыми с линейных кораблей, Дондас пустил их на минные поля. По его соображениям, артиллерия линейных кораблей массированным огнем по площади должна была отвлекать, подавить или даже посеять панику среди оборонявшихся, а канонерки и бомбарды — уничтожить огневые точки. После чего можно было пустить на высадку десант. Но противник столкнулся с выдержкой и профессионализмом защитников крепости. Русским батареям было приказано не тратить понапрасну снаряды на недосягаемые для них линейные корабли, а открывать огонь только при соответствующем приближении неприятельских судов. «Приказание это было исполнено с тем достохвальным хладнокровием, которое отличает всякую хорошую артиллерию, и с таким успехом, что стоило только какому-нибудь из неприятельских судов выдвинуться вперед из занимаемой ими боевой линии, чтобы быть принужденным меткими выстрелами с наших укреплений с поспешностью отходить назад... множество обломков, плавающих в различных местах, свидетельствуют о том, что каждое приближение к крепости обходилось неприятелю не без потерь и поражений для его судов»³⁸. Иными словами, имел место классически разыгранный вариант действия минно-артиллерийской позиции, в которой минные заграждения лишили противника главного его преимущества — возможности эффективно использовать линейные корабли и фрегаты. А без это-

го преимущества стрельба по крепости результатов не дала, высадка десанта захлебнулась, и лишь пожары и разрушения двух- и трехэтажных домов в самом городе стали итогом действий могущественной эскадры. Результат совершенно не соответствовал ни колоссальной затрате артиллерийских снарядов общей стоимостью в 1,5 млн. золотых рублей, ни числу вышедших из строя орудий после 45-часовой стрельбы, ни потерям канонерских лодок и бомбардирских судов³⁹.

В конце ноября 1855 года англо-французские морские силы покинули Балтийское море. Вторая Балтийская кампания для противника закончилась так же бесславно, как и первая.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шиллинг Павел Львович (1786—1837) — ученый, электротехник и востоковед, член-корреспондент Петербургской АН. По окончании в 1802 г. 1-го Кадетского корпуса служил в Генеральном штабе русской армии, в 1803—1812 гг. работал в российском посольстве в Мюнхене. Участник Отечественной войны 1812 г. С 1812 г. изучал электротехнику. Сконструировал мину с электрическим запалом. Известность получили также его работы в области электрической телеграфии.

² Якоби Борис Семенович (Мориц Герман) (1801—1874) — физик и электротехник, академик Петербургской АН (1847). Родился в Германии, с 1835 г. — в России. Труды по практическому применению электричества. Изобрел электродвигатель (1834) и опробовал его для привода судна (1838). Создал гальванотехнику (1838), несколько типов телеграфных аппаратов (1840—1850).

³ Фиштом И.И. (1750—1829) — писатель, генерал-майор. Был преподавателем фортификации и артиллерии в Артиллерийском кадетском корпусе, в Корпусе чужестранных единоверцев и в Морском кадетском; позже занимался с колонновожатыми, преподавал им геометрию, полевую фортификацию и черчение планов.

⁴ Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1978. Т. 29. С. 401, 402.

⁵ Шильдер Карл Андреевич (1786—1854) — военный инженер, инженер-генерал (1852), генерал-адъютант. Совместно с П.Л. Шиллингом разработал электрический способ воспламенения пороховых зарядов (1832—1836), а вместе с Б.С. Якоби сконструировал гальванические и гальвано-ударные морские мины (1838—1848). По проектам Шильдера были построены первые в мире цельнометаллическая подводная лодка (1834) и вооруженный артиллерией и ракетами пароход «Отважность» (1846), явившийся прообразом эсминца.

⁶ Петров А.М. и др. Оружие Российского флота. СПб.: Судостроение, 1996. С. 29, 30.

⁷ Там же. С. 30.

⁸ История военно-морского искусства: В 2 т. М.: Воениздат, 1954. Т. 2. С. 173, 174.

⁹ Нобель (Nobel) Эммануэль (1801—1872) — изобретатель подводных мин. В 1842—1859 гг. жил в Петербурге, где основал механический завод. Во время Крымской войны 1853—1856 гг. поставил в русскую армию вооружение и мины.

¹⁰ Петров А.М. и др. Указ. соч. С. 30.

¹¹ Там же. С. 32.

¹² Советская Военная Энциклопедия. М.: Воениздат, 1977. Т. 4. С. 488.

¹³ Тарле Е.В. Крымская война. М.; Л.: Государственное военное-морское изд-во НК ВМФ Союза ССР, 1941. Т. 1. С. 602.

¹⁴ Тарле Е.В. Крымская война. М.: Военно-морское изд-во НК ВМФ Союза ССР, 1943. Т. 2. С. 411.

¹⁵ Арсеньев В. Восточная (Крымская) война 1853—1856 гг. // Морской сборник. 1993. № 12. С. 80.

¹⁶ Тарле Е.В. Указ. соч. Т. 1. С. 594.

¹⁷ Матюшкин Федор Федорович (1799—1872) — адмирал (1867), мореплаватель, участник кругосветных экспедиций В.М. Головина (1817—1819) и Ф.П. Врангеля (1820—1824, 1825—1827). Председатель Морского ученого комитета с 1858 г.

¹⁸ Тарле Е.В. Указ. соч. Т. 1. С. 594, 595.

¹⁹ Тотлебен Эдуард Иванович (1818—1884) — инженер-генерал (1869), один из главных организаторов обороны Севастополя в ходе Крымской (Восточной) войны 1853—1856 гг. В Русско-турецкую войну 1877—1878 гг. являлся помощником начальника Западного отряда, начальником отряда обложения и руководителем осады Плевны.

²⁰ Тарле Е.В. Указ. соч. Т. 1. С. 594.

²¹ Там же.

²² Петров А.М. и др. Указ. соч. С. 32.

²³ Там же. С. 33.

²⁴ Парусные суда, пришвартованные к берегу для усиления береговых батарей.

²⁵ Золотарев В.А., Козлов И.А. Три столетия Российского флота. XIX — начало XX века. М.; СПб.: Изд-во «Полигон», 2004. С. 403.

²⁶ Тарле Е.В. Указ. соч. Т. 1. С. 610.

²⁷ Там же.

²⁸ Советская Военная Энциклопедия. Т. 4. С. 489.

²⁹ Там же.

³⁰ Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Т. 9. С. 45 (В настоящее время 20 июня, когда более 150 лет назад произошел подрыв вражеских кораблей на минах — случай первого успешного применения морского, нового по тем временам, оружия, отмечается отечественным ВМФ как День специалиста-минера).

³¹ Там же. С. 44.

³² Там же.

³³ Литке Федор Петрович (1797—1882) — адмирал (1855), мореплаватель и географ, исследователь Арктики. В 1850—1857 гг. — главный командир и военный губернатор Ревельского (Таллинского), затем Кронштадтского портов.

³⁴ Тарле Е.В. Крымская война. Т. 2. С. 412.

³⁵ Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 9. С. 424—426.

³⁶ Там же. С. 420.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 424.

³⁹ Там же.

**Вице-адмирал
Е.Я. ЛИТВИНЕНКО,
капитан 1 ранга
В.В. СИДОРЕНКОВ**

АРМИЯ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ

Содержание вооруженных сил всегда было одним из главнейших вопросов для любого государства: от его решения нередко зависела численность армии, а ведь этот фактор с глубокой древности и буквально до последнего времени был основным показателем военной силы. Однако армию надо было не только вооружить, одеть и обуть, но также и накормить. Последнее было и есть, пожалуй, самое главное, ибо единожды вооруженный и экипированный солдат каждый день должен есть.

ВОПРОС о том, чем и как кормить многомиллионную армию, со всей остротой встал перед военными властями Российской Империи уже к концу первого года Первой мировой войны. При этом, если в отношении хлебобудовольных продуктов интенданство и правительство могли еще долго не беспокоиться, то с мясом и изделиями из него ситуация становилась все более угрожающей. Так, в 1915 году годовой расход мяса на армию составил 60 проц. довоенного его потребления всем населением России. С началом военных действий армия получала мясо согласно довоенной норме: 2,5—3 фунта в неделю (более 5 кг в месяц). С увеличением численности армии и соответствующим сокращением рабочих рук в тылу началось истощение мясных запасов, и подобная норма стала представляться несколько завышенной. Поэтому весной 1916 года на фронте происходит первое понижение мясной дачи и замена мясных другими продуктами: 1/4 фунта мяса заменяется 1/2 фунта хлеба, 12 золотниками крупы и 3 золотниками сахара¹. Норма мясного пайка в армии неуклонно снижалась в течение всего 1916 года.

Выход из создавшегося положения правительство искало в основном в двух направлениях: сокращении потребления мяса и мясопродуктов на фронте и в тылу и изыскании мясных резервов как в империи, так и в сопредельных странах с развитым скотоводством.

Еще в 1915 году, когда уже стало ясно, что война затягивается, Министерство земледелия в целях сохранения отечественного скотоводства от полного истощения организовало несколько экспедиций на окраины России и в ряд стран Востока: Персию, Монголию, Китай. Наиболее успешно действовала экспедиция под началом полковника П.К. Козлова, организованная для закупки скота в Монголии и некоторых районах Сибири.

С июля 1915-го по 1 января 1916 года Козлову удалось заготовить до 600 000 пудов говядины и баранины, а в 1916 году — свыше 1 000 000 пудов². Однако даже эта цифра была всего лишь 1/19 частью общей потребности страны в мясе на 1917 год³.

В любом случае основой мясного снабжения страны и армии мог стать только скот, имеющийся в крестьянских хозяйствах и у помещиков. Но сколько его было, никто точно не знал, поэтому в марте 1915 года было решено провести сплошную перепись всех видов скота, в первую очередь в тех губерниях, из которых уже шла поставка его в армию. Власти торопились: в Европейской России перепись надлежало закончить к 1 мая. Предполагалось, что армейские закупки мяса будут весьма значительны, если учесть, что с начала войны на фронт уже было отправлено около 40 000 000 пудов мясопродуктов⁴.

В марте 1915 года Ставка Верховного главнокомандующего требовала от тыла ежедневно поставлять по 15 000 голов крупного рогатого скота. В свою очередь Совет Министров⁵ признал возможным удовлетворять фронт поставками не более 5000 голов ежедневно и в качестве временной меры предложил Ставке производить закупки в ближайших к театру военных действий районах. Именно этим актом была заложена основа армейского произвола в последующее время, когда военные власти в условиях транспортной разрухи считали себя вправе применять реквизиции на прифронтовых территориях. «Добровольная» закупка скота, как правило, производилась представителями войскового командования под угрозой реквизиции в случае отказа от продажи его по уменьшенным, по сравнению с рыночными, ценам.

Так, уже в июне 1916 года, когда железнодорожникам не удалось в срок подвезти мясное довольст-

вие на фронты, военный министр генерал от инфантерии А.А. Поливанов в превышение собственных полномочий отдал распоряжение о реквизициях скота в дальних тыловых губерниях. Правда, А.А. Поливанов все же, видимо, понимал незаконность такого мероприятия и попытался прикрыться местным самоуправлением: реквизиции должны были быть произведены через земские управы. Однако земства отказались от исполнения этого распоряжения, мотивировав свою позицию истощением запасов крупного рогатого скота. Министерство земледелия поддержало Поливанова, так как было чрезвычайно недовольно попыткой военного ведомства распоряжаться в тыловой зоне через голову соответствующих гражданских властей⁶. Вопрос остался открытым и требовал решения.

В начале мая 1916 года состоялся съезд представителей земских органов и уполномоченных Министерства земледелия центрального района, привлеченных к заготовке скота для армии. Были представлены губернии: Калужская, Московская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Тамбовская, Тульская. Созданная на съезде комиссия призвала снизить нормы мясного довольствия тыловиков, военнопленных и маршевых подразделений. Объяснялось это следующим образом: «так как количество мяса, потребного в настоящее время для армии, значительно превышает нормальную отпускную способность тех местностей, из которых мясо может быть взято, то... [необходимо] принять все меры к низведению до возможно низших пределов его потребления среди тех групп или классов населения, которые ближайшего отношения к отечественной обороне не имеют»⁷. О действующей армии речь пока не шла. Разумеется, что предлагаемый контроль потребления мяса мог быть в полной мере установлен лишь в городах, ибо охват деревни подобными мероприятиями был просто невозможен. К тому же существование рынка, когда сельские товаропроизводители имели возможность реализовывать свой товар в городах по рыночной цене, означало, что обеспеченные городские слои также останутся вне контроля со стороны государства.

На заседании Государственной думы 31 мая 1916 года⁸, посвя-

щенном обсуждению вопроса о реквизиции скота в деревне, ряд депутатов от крестьянских фракций потребовал урегулирования положения дел по этой проблеме. По словам депутатов, в ряде случаев реквизиционные органы отбирали последнюю корову или лошадь, после чего забитый скот гнил на станциях или опять же шел на нужды городского населения, а не для армии. Как можно убедиться на этом примере, в деревне не хотели понять, что город тоже работает на оборону, а горожане, как и все, хотят кушать. Между тем растущая дороговизна особенно сильно была как раз по малоимущим городским жителям. Высокие цены на мясо и мыло, по мнению простонародья, устанавливались торговцами. Поэтому, по донесениям губернаторов летом 1916 года, население открыто выражало желание, чтобы «правительство установило таксу на все продукты и предметы продовольствия и чтобы против спекулятивных действий торговцев были усилены меры взыскания». Понятно,

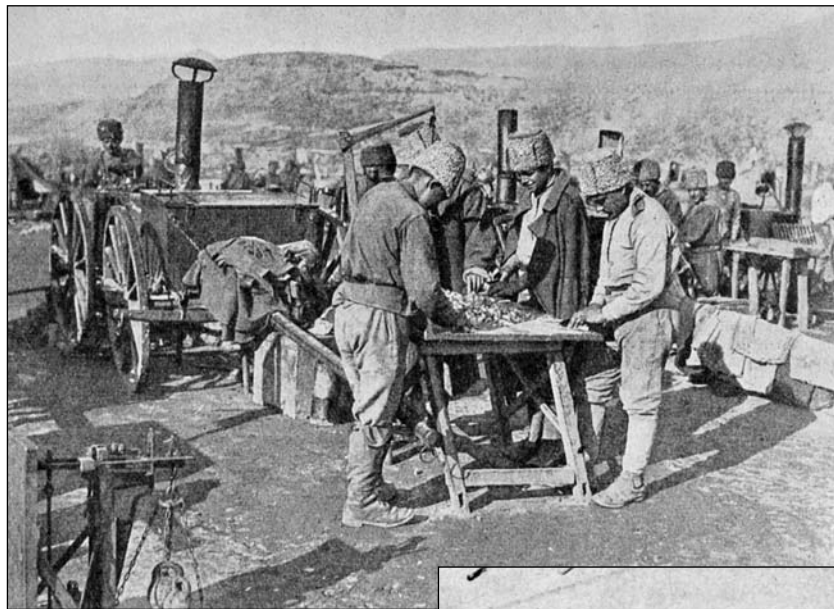
дума сначала высказала пожелание, чтобы «реквизируемый у сельских обывателей скот шел исключительно на нужды армии и никоим образом не на нужды городского населения», а 31 мая 1916 года приняла закон о сокращении потребления мяса и продаже мясных продуктов (говядина, баранина, свинина) только четыре дня в неделю (со вторника по пятницу). Однако закон, не имея жесткого учетно-распорядительного характера, в смысле потребления не мог повлиять на провинцию, а в губернских центрах и столицах его положения легко обходились закупками населением мясoproductов на всю неделю, а то и на полмесяца вперед. В то же время отрицательные последствия он все же имел: теперь чрезвычайно оказалась стеснена частная промышленность по производству мясoproductов, особенно, как теперь бы сказали, мелкий бизнес, рассчитанная на регулярную работу¹⁰.

И все же введение мясopуcт-ных дней, даже при соблюдении норм мясного пайка в армии на прежнем уровне, давало эконо-

мию в 1,6 кг мяса в неделю на человека, что позволяло экономить в год примерно 984 000 т, то есть 75 проц. прежнего общего годового потребления всем населением страны¹¹.

Определяя общий запас мяса на 1917 год в количестве свыше 80 000 000 пудов, Особое совещание¹² установило потребность в размере 76 499 600 пудов, в том числе: действующей армии — 43 млн. (56,2 проц.), тыловым воинским частям — 6,6 млн. (8,6 проц.), внутренним округам — 3,9 млн. (5,1 проц.), флоту — 0,9 млн. (1,2 проц.), всего войскам — 54,4 млн. (71,1 проц.)¹³.

В ДЕКАБРЕ 1916 года Министерство земледелия получило справку из МВД, в которой признавалась необходимость разверстки, т.е. обязательной сдачи государству по твердым ценам крупного рогатого скота. Подразумевалось, что разверстка будет поставлена «в соответствие с общими сельскохозяйственными условиями и характером скотоводства отдельных районов»¹⁴. Между тем в начале 1917 года и Особое совещание решило перейти к системе разверстки в отношении скотоводческих ресурсов: сначала устанавливался общий необходимый объем заготовок скота и мяса, а затем он разверстывался по территориальным единицам — от губерний до отдельных хозяйств. Предполагалось, что армия получит 7 700 000 голов крупного рогатого скота (свыше 54 000 000 пудов мяса) и 6 000 000 свиней (26 000 000 пудов мяса и сала). Таким образом, на зиму 1916/17 года «разверстка была признана в качестве главного средства распределения и перераспределения сельскохозяй-

➤ Полевая кухня русской армии

что таксировка была невыгодна для села, ибо позволить себе аналогичное мероприятие в отношении промышленных товаров власти не могли. Это стало еще одним поводом к тому, что крестьянство промышленных (потребляющих) губерний также выступило против «спекулянтов». Так, крестьяне села Преображенское Владимирской губернии писали в редакцию газеты «Русское слово»: «Если Россия — житница Европы и повышение цен есть спекуляция, то не следует ли тут применить смертную казнь с конфискацией продуктов в пользу семей убитых и раненых воинов?»⁹.

В результате Государственная

➤ Реквизиция скота для военных нужд

ственных продуктов внутри государства»¹⁵. Однако увлекшись изысканием ресурсов, правительство уппустило из виду нарастающую разруху железнодорожного транспорта, в ту пору основного вида грузовых и пассажирских перевозок, хотя еще в конце 1916 года МПС заявило о невозможности систематического пропуска из Сибири вагонов со скотом или мясом, в то время как потребность войск в жирах удовлетворялась по преимуществу сибирским маслом и салом. Упавшая провозоспособность сибирской линии заставила пойти на частичную замену на фронте животных жиров растительными маслами¹⁶, а также на снижение мясной порции в армейских рационах, чего прежде всеми правдами и неправдами старались избежать. Так, в приказе штаба Ставки от 14 декабря 1916 года указывалось: «На время настоящей войны... при замене мяса... колбасой, сосисками, салом или соленой рыбой... сушеной и вяленой рыбой все эти продукты выдавать в равном с мясом весе... а копченую колбасу и копченое мясо по семьдесят два золотника за фунт мяса»¹⁷. Впрочем, у противника дела обстояли еще хуже. Если в России кризис мясоснабжения был связан прежде всего с разрухой транспорта (т.е. с невозможностью своевременной доставки продуктов на фронт), то в Германии уже с октября 1916 года дневной мясной паек составлял 250 г, что главным образом объяснялось истощением мясных ресурсов.

Перевозки мороженого мяса требовали в пять раз меньше вагонов, чем перевозки живого скота, однако сказывалась нехватка вагонов-ледников. Министерство путей сообщения имело в своем распоряжении лишь около 4000 вагонов-ледников, часть из которых периодически находилась в ремонте. Строительство же складов-холодильников близ фронта началось слишком поздно (накануне войны в Российской Империи было всего три таких холодильника) и велось вялыми темпами. Большая часть холодильников вошла в эксплуатацию лишь осенью 1916-го и весной 1917 года, когда наиболее явственно обозначился кризис транспорта и резко упал подвоз продовольствия на фронт. Именно из-за отсутствия холодильников и недостатка вагонов-ледников военное интендантство и Министерство земледелия были вынуждены заготавливать прежде всего солонину, так как до войны в Российской Империи имелись всего три крупных центра заготовки консервов — в Петропавловске, Кургане, Козлове. Строи-

тельство еще 17 заводов во время войны не смогло выправить положение: львиная доля мясного довольствия поставлялась по-прежнему натурой.

Нелишне будет заметить, что проблемы никуда не исчезли и после Февральской революции 1917 года. Так, на совещании в Ставке 16—17 мая 1917 года вновь был поставлен вопрос о недостаточности подвоза продовольствия на фронт, в частности, и из-за того, что охлажденное мясо портилось в пути из-за нехватки холодильных машин. Что же касается вагонов-ледников, годных для перевозки замороженного мяса, их становилось все меньше.

Таким образом, снабжение действующей армии мясом и мясopодуктами в годы Первой мировой войны оставалось вполне достаточным весь период боевых действий, хотя меры, предпринимаемые для этого, постепенно привели к истощению скотоводства, что стало залогом мясного кризиса, который ударил по революционным властям уже после февраля, а еще сильнее после октября 1917 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В системе русских мер 1 фунт составляет 0,45359237 кг, что равняется 96 золотникам; 1 золотник = 4,266 г.

² 1 пуд равняется 40 фунтам или 16,38 кг.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1527. Л. 1; Ф. 6831. Оп. 1. Д. 131. Л. 11 об.

⁴ Бреславец В.Н. Снабжение армии и населения мясом. 1914—1918 год. М., 1918. С. 75.

⁵ Правительство Российской Империи в 1905—1917 гг.

⁶ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 430. Л. 29, 42.

⁷ Там же. Д. 417. Л. 46—48.

⁸ Все даты приведены по старому стилю.

⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1006. Л. 53; Ф. 6831. Оп. 1. Д. 318. Л. 128.

¹⁰ Там же. Ф. 627. Оп. 1. Д. 78. Л. 2. См. также: Бреславец В.Н. Указ соч. С. 19, 20.

¹¹ Там же. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 425. Л. 25. См. также: Букшпан Я.М. Военно-хозяйственная политика. М.; Л., 1929. С. 162.

¹² Особые совещания по обороне, перевозкам, продовольствию, устройству беженцев и др. были созданы в августе 1915 г. как государственные учреждения для руководства отдельными отраслями экономики. Их аппарат был затем использован советской властью при создании ВСНХ.

¹³ ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 131. Л. 11 об.

¹⁴ Там же. Д. 27. Л. 11—13.

¹⁵ Островский А.В. Государственно-капиталистические и кооперативные тенденции в экономике России: 1914—1917 гг. // Россия и 1-я мировая война (материалы международного научного colloquiuma). СПб., 1999. С. 488.

¹⁶ Журнал Совещания в Ставке по вопросам снабжения армии 15—16 декабря 1916 г. Б/м., 1917. С. 7; ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 387. Л. 25.

¹⁷ Российский государственный военный исторический архив (РГВИА). Ф. 391. Оп. 2. Д. 72. Л. 18.

М.В. ОСЬКИН

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

Обложка книги

МОРСКОЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС В ВОСПОМИНАНИЯХ ВОСПИТАННИКОВ

УВИДЕЛ свет сборник воспоминаний бывших воспитанников Морского кадетского корпуса (Санкт-Петербург), обучавшихся в нем с 1871 по 1918 год. Составитель сборника* — Алексей Юрьевич Емелин. Авторы живо и ярко рассказы-

вают о днях учебы, делятся своими впечатлениями о преподавателях и офицерах, которые помогли им стать моряками, вспоминают о случаях противостояния между воспитанниками и воспитателями. Из воспоминаний Е.А. Серебрякова, в частности, читатель узнает, что в училище (такое название носило учебное заведение с 1867 по 1891 г.) существовал кружок, связанный с деятельностью народных учителей. В своих воспоминаниях выпускники оценивают прежде всего качество образования. Немного меньше внимания они уделяют описанию легенд и традиций корпуса, эпизодам борьбы с воспитателями и преподавателями. А.П. Белобров, например, анализирует до- и послевоенное морское образование.

При подготовке сборника также использованы рукописи Е.И. Аренса, С.С. Шульца, О.Ф. Данилевского, Д.В. Никитина, князей В.В. Барятинского и П.П. Ишеева, Б.А. Арского, С.В. Гладкого, Г.Г. Фуса, А.М. Бригера и Г.А. Усарова.

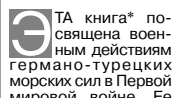
Книга посвящена 300-летию Санкт-Петербурга.

* Морской кадетский корпус. В воспоминаниях воспитанников / Сост. А.Ю. Емелин. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2003. 296 с.

А.Н. ЧАБАНОВА,
студентка Московского гуманитарно-экономического института

* * *

УЧАСТИЕ ГЕРМАНО- ТУРЕЦКИХ СИЛ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Обложка книги

Обложка книги

ЭТА книга* посвящена военным действиям германо-турецких морских сил в Первой мировой войне. Ее автор контр-адмирал Герман Лорей — непосредственный участник операций в турецких водах. В своем труде он приводит редкие документы и копии подлинных военных карт того времени.

Книга была впервые издана в 1938 году. «Издательство "Полигон"» осуществило ее переиздание тиражом всего 3000 экземпляров. Поэтому она по сей день остается подлинной библиографической редкостью. В книге подробно освещается деятельность и судьба крейсеров «Гебен» и «Бреслау», о чем до публикации Лорея даже в Германии не было полных сведений.

Исход Первой мировой войны был решен массовыми армиями на сухопутных фронтах. Однако важную роль играли боевые действия на море. Лорей подробно и последовательно описывает германо-турецкую сторону. Труд представляет собой большую ценность для читателей, интересующихся военной историей. Он рассчитан на массового читателя и представляет интерес для военных историков и специалистов ВМФ.

* Лорей Г. Операции германо-турецких сил в 1914—1918 гг. / Пер. с нем. СПб.: Издательство «Полигон», 2004. 524 с., ил. (Военно-историческая библиотека).

М.Е. НОВИКОВА,
студентка Московского гуманитарно-экономического института

СЕМЬЯ В ОБХОД ЗАКОНА

Брачная практика российских офицеров
во второй половине XIX — начале XX века

ВО ВТОРОЙ половине XIX — начале XX века российские властные структуры основательно вмешивались в семейную жизнь своих офицеров. В современной литературе ряд авторов справедливо выделяют четыре обстоятельства, побуждавших правительство регламентировать и ограничивать браки военных. Во-первых, это желание сократить число «недостаточных» офицерских семейств и оградить таким образом интересы казны. Во-вторых, это стремление повысить боеспособность армии, поскольку считалось, что холостой офицер храбрее и скорее готов к самопожертвованию, нежели женатый. В-третьих, в упомянутом выше ограничении проявлялась своеобразная забота государства о материальной стороне жизни офицерской семьи, о том, чтобы бедственным имущественным положением офицеры не снижали свой высокий социальный статус. Наконец, в-четвертых, благопристойность супруги офицера также «должна была соответствовать высокому социально-нравственному положению офицера в обществе и армии»¹.

Ограничение браков офицеров, прежде всего младших, — это не сугубо российское изобретение; в середине XIX века оно в той или иной степени практиковалось почти во всех европейских странах. Главными составляющими такого контроля данной социальной группы были: получение разрешения на брак у высшего начальства (военного министерства или даже главы государства); запрещение на создание семьи до достижения определенного возраста; квотирование семейных лиц (с этой целью в каждом полку устанавливалась предельная доля женатых); требование материального возмещения от вступающих в брак².

В России вопрос об изменении брачной политики в отношении служащих военного ведомства был поставлен еще в 30-х годах XIX века. Главным стимулом к его выдвижению стали серьезные расходы казны на материальную помощь семьям погибших и раненых офицеров, число которых, особенно в младшем и среднем звене, всегда возрастало в период военных кампаний. Для разработки механизма и способов ограничения брачности офицеров в

1844 году был создан специальный комитет в составе графа Ф.Ф. Берга, генерал-адъютанта Н.Н. Анненкова 3-го, П.Ф. Веймарна и генерал-лейтенанта Н.И. Корфа, подготовивший свой проект к марту 1845 года. Основные положения этого документа заключались в следующем. Офицеры, достигшие 30-летнего возраста, должны были вступать в брак на основании прежних правил, т.е. без представления обеспечения. Офицеры младше 30-летнего возраста могли получить разрешение на венчание лишь после предоставления ими определенного обеспечения: в гвардии — 25 тыс. рублей серебром, в армии — 10 тыс. рублей и в гарнизоне — 5 000 рублей. Эти деньги были неприкосновенными, а на недвижимость, предоставленную в обеспечение, налагалось запрещение. Возвращение обеспечения и снятие запрещения допускались либо в связи со смертью, либо при разводе супругов, либо при совершеннолетию детей. С начальства, допустившего вступление офицера в брак без предоставления установленного залога, взыскивалась соответствующая сумма, которая направлялась в пользу женившегося офицера. Однако под нажимом великого князя Михаила Павловича, предсказывавшего в результате реализации этой реформы только рост разврата и развал дворянских семейств, проект тогда так и не был реализован³.

Между тем начало Крымской войны и последовавший вслед за этим стремительный рост обращений за материальной помощью со стороны семей военнослужащих заставил власти вернуться к этой проблеме. В ходе многолетней дискуссии⁴, которая началась в специально созданных комиссиях, а затем продолжилась в Военном совете, споры велись вокруг идеи установления не одного, а двух предельных возрастов (безусловного воспрещения и дозволения брака), между которыми право на создание семьи получал лишь тот, кто предоставит материальное обеспечение. Размер и форма такого обеспечения также

стали предметом значительных разногласий. В своем окончательном виде проект Военного совета был утвержден только 3 декабря 1866 года и объявлен в приказе военного министра от 6 января 1867 года.

В СЕМ офицерам⁵ запрещалось вступать в брак до достижения ими 23 лет. Не достигшие же 28 лет могли получить разрешение начальства на женитьбу не иначе как по предоставлению имущественного обеспечения. Такое обеспечение могло быть собственностью жениха, невесты или обоих вместе, состоять как из недвижимой собственности, так и из процентных бумаг всех родов, принимаемых казной в залоги вообще, и приносить чистого годового дохода не менее 250 рублей. Соответствующие документы полагалось хранить в полковых ящиках или в других местах хранения казенных сумм до достижения офицером 28 лет, выхода его в отставку или прекращения брака, если последние два обстоятельства наступали ранее достижения им необходимого возрастного рубежа⁶.

Свой способ ограничения браков офицеров предложило вскоре Морское министерство. С 8 апреля 1867 года в этом ведомстве вводилось правило, согласно которому минимальный брачный возраст флотского офицера устанавливался в 25 лет, однако материальное обеспечение не требовалось. Невеста и ее родители или опекуны должны были предоставить начальству жениха свое письменное согласие⁷. Однако уже в 1874 году и Морское министерство распространило на флотских офицеров требование реверса (материального обеспечения), снизив вместе с тем и для них брачный возраст до 23 лет⁸.

Строгие требования к браку офицерских чиновников военного и морского ведомств первоначально не отразились на системе наказания в отношении нарушителей. Так же, как и гражданские лица, венчавшиеся без разрешения начальства, они получали строгий выговор с занесением в послужной список. Однако многочислен-

ные случаи нарушения закона вынудили Военное министерство ужесточить меры. Согласно высочайшему повелению от 29 июля 1885 года офицер, вступивший в брак без разрешения начальства до 23-летнего возраста или не представивший реверса, должен был зачисляться в запас по распоряжению командующего войсками округа. И только все прочие нарушители предписания об обязательном получении дозволения на брак подлежали преданию суду, по приговору которого им выносился выговор.

В конце XIX — начале XX века Военное министерство еще не раз возвращалось к вопросу об условиях заключения браков офицерами. С 1887 года помимо контроля над материальной стороной дела на командира отдельной части, дававшего разрешение на венчание, возлагалась также обязанность следить за благопристойностью предстоявшего брака. В том случае, если невеста не отвечала требованиям, предъявлявшимся к жене офицера, по своим моральным качествам или общественному положению, разрешение на брак не могло быть дано⁹. В 1890 году специальным приказом общевойсковым правилам были распространены и на казаки войска. Правда, тех, кто успел жениться до выхода приказа, требование реверса не коснулось¹⁰. Периодически создавались новые комиссии, в компетенции которых находились вопросы реформирования системы материального обеспечения. Так, комиссия генерала Любвицкого предложила увеличить сумму реверса до 9—12 тыс. рублей. Очевидно, что реализация такого плана означала бы переход офицеров в сословие «военных монахов».

В ЯНВАРЕ 1899 года начала свою работу новая комиссия под председательством генерал-майора С.И. Бибикова. Итогом ее деятельности, в целом поддержанной Военным советом, стало издание нового закона о браках офицеров, объявленного в приказе по военному ведомству № 102 от 19 марта 1901 года. Повышался статус руководителей, дававших согласие на брак. Мнение командира части представлялось на рассмотрение начальника дивизии, который и принимал окончательное решение. Возраст полного запрещения браков — 23 года — сохранялся, но было и определенное новшество. Правом свободного венчания (конечно, при оценке брака как благопристойного) пользовались все офицеры старше 23 лет, получавшие от казны более 1200 рублей годо-

вого содержания. Лица, не имевшие такого дохода, могли рассчитывать на разрешение брака со стороны начальства лишь после двухлетней службы в той части, где они собирались жениться, и при обязательном предоставлении имущественного обеспечения. Такое обеспечение могло выступать или «в виде недвижимого имущества, приносящего чистый ежегодный доход в размере не менее 300 рублей», или «в виде единовременного вклада 5 000 рублей деньгами или процентными бумагами». В законе предусматривались две категории льготников, имевших право на «безреверсный» брак: «есаулы казачьих войск, командовавшие уже раз сотнями на законном основании», и офицеры Приамурского военного округа и Квантунской области, причем ходатайства последних о таковом разрешении должны были «восходить» через командующего войсками округа (области) и «повергаться» на утверждение монарха¹¹.

В течение последующих нескольких лет в этот закон о браках офицеров было внесено еще несколько уточнений. Во-первых, с марта 1903 года возраст внесения реверса снова был ограничен 28 годами¹². Во-вторых, в связи с распространившейся практикой, когда военные чины, брак которых не признавался начальством благопристойным, выходили в отставку, венчались, а затем снова поступали на военную службу, было принято решение, согласно которому их «военное начальство должно входить в рассмотрение пристойности брака на тех же основаниях, как и при разрешении брака офицерам действительной службы». Гарантеей же более справедливой оценки достоинств невесты должно было стать предварительное обсуждение вопроса о благопристойности брака судом офицеров, хотя окончательное решение все равно принималось командным составом. И, в-третьих, расширялась категория льготников с целью сокращения числа лиц, получавших дотации от государства: первоначально право на безреверсный брак получили овдовевшие офицеры, которые имели малолетних детей, а затем была вдвое сокращена сумма реверса для тех военнослужащих, которые собирались создать семью с дочерьми офицеров, либо находившихся на военной службе, либо прослуживших на действительной военной службе не менее 25 лет, и с сиротами таких офицеров¹³.

Наконец, в марте 1909 года последовало постановление, полно-

стью отменявшее необходимость предоставления обеспечения для офицеров, не достигших 28 лет. Правда, первый возрастной рубеж полного запрещения брака — 23 года — был сохранен¹⁴.

Реализация правил, ограничивавших браки офицеров, вызвала ни с чем не сравнимые нарушения. Их массовый характер вынуждено было признать и военное руководство, периодически требовавшее в своих многочисленных приказах неукоснительного выполнения установленных норм. В общественно-политической и специальной прессе факты нарушения закона не вызывали никаких сомнений. Более того, публицисты настоятельно рекомендовали отказаться от правил, несоблюдение которых лишь воспитывало правовой нигилизм¹⁵.

ОФИЦЕРЫ искали и находили выход из сложившейся ситуации различными способами. Нужные для реверса суммы и документы на недвижимость собирали по родственникам, знакомым, иногда занимали у ростовщиков. Довольно часто командиры полков знали о фиктивном характере переданного в кассу обеспечения, но не хотели мешать молодому устраивать свою жизнь. Позиция командира полка в отношении брака его подчиненных оказывалась решающей. Именно от него зависело признание выбора офицера «благопристойным». И если одни из них требовали от женщины безукоризненной нравственности, то другие, как в случае, вызвавшем настоящий скандал в Военном министерстве, давали дозволение на брак 23-летнего юноши с 42-летней акушеркой «предосудительного прошлого»¹⁶. Даже после передачи права на принятие окончательного решения начальнику дивизии роль полкового начальника осталась очень существенной. Ведь старший начальник не всегда хорошо знал всех подчиненных офицеров, тем более их невест, и полагался в своем решении на мнение командира полка. К тому же, если на уровне полка выбор признавался неблагопристойным, то рапорт к высшему начальству, как правило, уже не поступал.

Если офицеру так и не удавалось найти необходимое обеспечение, то практиковалось обращение в Военное министерство с просьбой о разрешении вступить в брак без внесения реверса. Такой путь требовал значительного времени, так как необходимо было собрать разрешения всех нижестоящих начальников, но нередко он оказывался вполне успешным.

Сложившаяся ситуация стимулировала и постоянный приток обращений по этому вопросу на имя императора. В начале XX века ежегодно в Канцелярию прошений¹⁷ поступало более 200 подобных ходатайств¹⁸. В то время как женихи обращались с рапортами к руководству ведомства, к подножью трона припадали невесты, умоляя императора разрешить им венчаться без предоставления реверса. Несмотря на то что по всеподданнейшим докладом Канцелярии прошений просьбы эти доводились до сведения главы государства, окончательного решения по ним не производилось. С резолюцией «Высочайше разрешено передать военному министру для доклада»¹⁹ прошения отправлялись в заинтересованное ведомство. В результате даже в лучшем для просительниц случае их и без того подчас многолетняя помолвка значительно затягивалась.

Наиболее предприимчивые невесты, конечно, если им совместно с будущими мужьями уже удалось собрать часть требуемой суммы, для ускорения решения дела предпочитали обращаться к государю не с просьбой об отмене обеспечения, а с ходатайством о материальном пособии, необходимом на его выплату, и очень часто добивались желаемого. Так, например, дочь статского советника Мария Берг молила недавно женившегося императора Николая II помочь ей «получить свое счастье», обвенчавшись с подпоручиком 1-го Туркестанского линейного батальона, для достижения чего ей требовалось 300 рублей, но она была готова удовлетвориться и меньшей суммой, «сколько найдете возможным». Растроганный монарх повелел выдать просительнице 200 рублей²⁰.

Помогая вступать в брак офицерам, не имевшим для этого необходимых финансовых средств, Канцелярия прошений оставляла без последствий те ходатайства, в которых причиной отказа начальства в разрешении на брак становилась оценка его как «неблагопристойного».

Характерно, что значительное количество таких неразрешаемых браков сами являлись следствием ограничительных постановлений в отношении офицеров. Не имея возможности вступить в законный брак по возрасту или в связи с отсутствием материальных средств, многие офицеры создавали нелегальные семьи, подчас вполне крепкие, нередко с детьми. По прошествии определенного времени, когда появлялись необходимые возрастные или имуществен-

ные возможности, некоторые отцы таких семейств принимали решение о придании им легальности и обращались к руководству с просьбой о выдаче им разрешения на венчание. Судьбы таких семей в подобном случае оказывались в руках командиров, многие из которых боялись выпавшей на их долю ответственности. Так, в 1909 году капитан Н.П. Зарринг подал рапорт начальнику военнотопографического отдела штаба Приамурского военного округа генерал-майору С.С. Козловскому с ходатайством о разрешении вступить в законный брак с купчихой М.В. Ханиной, с которой он прожил до этого вне брака шесть лет и от которой имел троих детей. Этот рапорт был передан начальнику штаба Приамурского военного округа генерал-лейтенанту С.Е. Дебешу, но, несмотря на то, что суд Общества офицеров штаба округа не возражал против дозволения, последовала следующая генеральская резолюция: «Брак разрешить не могу»²¹.

Тем самым командиры вольно или невольно подталкивали офицеров на венчание без разрешения. Вступившего в такой брак человека (если дело, конечно, не касалось неуплаты реверса или заprehения по возрасту) чаще всего никак не наказывали. Подвергать репрессиям состоявших в недозволенном по правилам благопристойности браке было тем более неуместно, что к началу XX века в российской армии сложилась традиция покрывать венчавшихся вопреки законам церкви офицеров, чье супружество, в случае обнаружения этого проступка чинами Духовной консистории, могло быть признано незаконным и недействительным, а сами супруги должны были бы принуждаться к разлучению. Как правило, речь шла о внесении в послужной список события венчания, происшедшего, несмотря на присуждение одного из вступивших в брак к «всегдашнему безбрачию» после признания его в ходе бракоразводного процесса виновной стороной²².

Заинтересованное лицо, желавшее обеспечить свою венчанную, но не являвшуюся вполне законной семью пенсией на случай своей смерти и гарантией преследования, должно было подать при рапорте ближайшему начальству прошение на имя императора, которое передавалось в Канцелярию прошений. После согласования с Военным министерством главноуправляющий Канцелярией в большинстве случаев предлагал императору положительную резолюцию. В под-

черкивалось, что брак, «будучи записан в установленные метрические книги, должен почитаться имеющим законную силу до тех пор, пока не состоится решение духовного суда о признании его незаконным и недействительным»²³. А в Синод поступала директива: «Означенное дело секретно приостановить производством, впредь до особого высочайшего повеления»²⁴. В результате так и не расторгнутый брак оставался в силе, а дело о нем шло в специальный архив канцелярии обер-прокурора Синода²⁵.

В итоге начальство офицера отправлялось от Канцелярии прошений секретное повеление, в котором в послужной список рекомендовалось включить не только жену, но и детей, родившихся от состоявшегося вопреки закону брака²⁶. Поскольку число подобных прошений все возрастало, Канцелярия предложила не обременять более императора и разрешать их руководителям военного ведомства «собственной властью» по соглашению с обер-прокурором Синода. Таким образом, с 1904 года заключивший запрещенный ему брак офицер уже мог без проблем внести его в свой послужной список, подавая на имя командира части необходимый рапорт²⁷.

Аналогичным образом через Канцелярию прошений офицер мог решить и вопрос о внесении в послужной список членов семьи, созданной вопреки имевшейся между супругами запрещенной степени свойства или родства. Такие браки по церковным законам также не дозволялись, и в случае получения информации консисторией об их заключении подлежали признанию незаконными и недействительными²⁸.

В УСЛОВИЯХ военного времени, особенно в период Первой мировой войны, наблюдалось массовое узаконение незаконных супружеств офицеров. Понимая, что в случае гибели отца ни его дети, ни незаконная жена не смогут рассчитывать на пенсию, командиры, как правило, не желали брать такой грех на душу. Они не только давали согласие на заключение подобных браков, но даже отпускали нуждавшихся для их совершения лиц с театра военных действий. Если же получивший разрешение не венчался по независящим от него причинам и погибал, не успев узаконить статус своих родных, многие командиры хлопотали о судьбе «незаконных семей погибших героев».

В самом начале XX века такие хлопоты были еще редкостью, требовали вмешательства высо-

кого покровителя и могли продолжаться достаточно долго. 4 июля 1904 года на Русско-японской войне был убит командир 4-й роты 24-го Восточно-Сибирского стрелкового полка капитан И.Ф. Плешиный. В его бумагах была обнаружена записка на имя Николая II, в которой он просил позаботиться о своей недавно родившейся незаконной дочери, матерью которой была мешчанка, крещеная еврейка Е.Н. Линецкая. Планы молодого отца вступить в брак были известны его командирам, и незадолго до смерти он говорил об этом с великим князем Борисом Васильевичем. Вопрос о правах девочки на пенсию и на имя отца поэтапно рассматривался сначала в собственной е.и.в. Канцелярии, а затем в Канцелярии прошений. Материальная сторона дела была решена достаточно быстро, и ребенку была предоставлена государственная помощь. Вопрос же о фамилии, отчестве и сословных правах был окончательно согласован только в 1914 году. В Канцелярии прошений сошлись на компромиссном варианте: девочка не объявлялась узаконенной, так как брака не было, но получала фамилию отца и статус потомственной почетной гражданки, который предоставлялся законным детям личных дворян, к сословию которых принадлежал ее отец²⁹.

В период Первой мировой войны обращения с подобными ходатайствами стали появляться и, что особенно важно, удовлетворяться так часто, что даже предполагалось в законодательном порядке внести изменения в пенсионный устав, разрешив выдавать «ежегодные пособия с производством на началах пенсии... внебрачным семьям героев, погибших в текущую войну». Военное министерство, выступившее с этой инициативой и постоянно хлопотавшее об удовлетворении поданных прошений до ожидавшегося реформирования пенсионного устава, объясняло свою позицию высокими мотивами: «Беспримерная война... дает основание, во имя гуманности, к временному отступлению от обычных требований государственной жизни для семей тех лиц, которые, грудью защищая Родину, не успели или, вернее, не могли в боевой обстановке выполнить таинство брака»³⁰.

МАСШТАБЫ отступлений от буквы закона, настоящий провал государственной политики в области ограничения браков офицеров со всей очевидностью проступают в сухих данных официальной статистики. Если в конце 1850-х годов до введения

ограничений и при значительно лучшем материальном обеспечении офицерского корпуса в браке состояло менее 30 проц. всех его членов, то в 1890-х годов таковых было около 55 проц. Причем даже в группе лиц, служивших менее 10 лет (политика сокращения числа семейных была нацелена как раз на эту группу), женатых было 28 проц. (49 проц. из них имели детей), а 0,6 проц. только приступивших к службе офицеров уже успели овдоветь³¹. Ограничительная политика государства в отношении браков офицеров была лишь одним из факторов, к тому же не самым главным, действовавшим совместно с другими, значительно более серьезными обстоятельствами, формировавшими взгляд молодого человека на женитьбу. К последним можно отнести финансовое положение военнослужащего, психологическую готовность офицера пойти на определенное ухудшение материальной жизни в случае вступления в брак, желание скрасить свое одиночество при службе в далеком гарнизоне, оценка возможности отложить создание семьи до выхода в отставку, нежелание или, наоборот, готовность расстаться со своей холостяцкой свободой и, наконец, чувство любви, в случае возникновения которого все препоны на пути к счастью рассматривались как легкопреодолимые.

В качестве иллюстрации того, что проводившаяся государством ограничительная политика слабо сказывалась на фактически сложившейся брачной ситуации в офицерской среде, можно привести данные «Военно-статистического ежегодника армии» за 1912 год. Три года, которые успели пройти к этому времени с момента отмены обязательного имущественного обеспечения, не могли еще серьезно отразиться на семейном положении офицеров. Среди всего командного состава армии женатые составляли 59 проц. (среди младших офицеров — 53 проц.), а вдовы или разведенные, т.е. лица, уже успевшие побывать в браке, — 4 проц. (среди обер-офицеров — 2 проц.), в совокупности — более 60 проц. Исходя из значимости действий правительства в области регулирования браков офицеров можно было бы предположить, что наибольшее число лиц этой социальной группы, создавших семью, будет приходиться на Приамурский военный округ, где требование реверса не действовало, и Петербургский округ, на службу в котором могли рассчитывать лишь наиболее обеспеченные и имевшие

значительные связи представители офицерского корпуса. Однако именно Петербургский военный округ отличался самым низким количеством женатых по сравнению с другими — 53 проц. (47 проц. — обер-офицеров). В то же время данные по Приамурскому округу мало отличаются от характерных для страны в целом — 60 проц. женатых (55 проц. — обер-офицеров). Самый же высокий процент женатых офицеров был в Туркестанском военном округе — 71 проц. (66 проц. — обер-офицеры), причем последнее обстоятельство никак нельзя связать с высокой численностью в этом округе офицеров-мусульман, т.к. последних было всего 14 человек, в то время как христиан — 1447³².

Таким образом, ограничение и контроль над браками офицеров способствовали распространению в этой элитной социальной группе навыков преодоления неугодных законов молодежью и спокойного отношения или даже помощи в его нарушении со стороны старшего поколения. То, что почти каждый представитель офицерского корпуса оказывался так или иначе замешанным в «брачных махинациях», приводило к более лояльной оценке действий тех правонарушителей, проступки которых становились достоянием гласности. И если отдельные командиры в мирные годы еще пытались соблюсти хотя бы видимость «благопристойности», то в условиях войны они легко отказывались даже от этой видимости. С другой стороны, «гражданские семьи», став обычным явлением повседневной жизни офицеров, перестали скрываться от взглядов сослуживцев и вошли на равных правах с «венчанными» в состав офицерских коллективов. Все это в целом, как представляется, формировало в офицерском сообществе особый микроклимат, в котором приверженность нормам права и морали уже не составляла обязательного атрибута кодекса чести.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чиненный А., Чиненный С. Холостяк храбрее женатого? Брак офицера русской армии // Родина. 2000. № 6. С. 21; Чиненный С.А. Почему гусар не мог жениться // Воен.-истор. журнал. 2000. № 2. С. 26—35.

² См. подробнее: Клокачев В. Брак офицеров. Законоположения главнейших государств Западной Европы. История развития и современное положение вопроса в России. СПб., 1907. С. 1—48.

³ Там же. С. 50—52.

⁴ Современный исследователь С.В. Волков в качестве одной из главных причин, заставивших руководство воен-

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

XXIV МЕЖДУНАРОДНАЯ ГЕНЕАЛОГО- ГЕРАЛЬДИЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В МОСКВЕ при содействии Всероссийского геральдического общества, Русской геральдической коллегии, Российского дворянского собрания и Историко-архивного института РГГУ состоялась XXIV Международная генеалого-геральдическая научная конференция.

С приветственным словом выступил председатель Всероссийского геральдического общества И.С. Сметанников. На презентации новых печатных геральдических изданий были вручены памятные медали «К 100-летию М.А. Шолохова», медали «Честь и польза» и «Национальное достоинство» международного благотворительного фонда «Меченаты столетия». Были вручены награды международного благотворительного фонда всемирной человечности «Во имя человечности». Членам и гостям Всероссийского геральдического общества за заслуги были вручены юбилейные наградные знаки «10 лет ВГО», медали «За заслуги» журнала «Гербовед». Новым членом Всероссийского геральдического общества вручили членские билеты.

В научной части конференции выступили с докладами: И.М. Карташов, В.Н. Барковский, кандидат философских наук Г.В. Ражнёв, кандидат исторических наук В.Л. Герасимов, кандидат исторических наук С.В. Зверев, Е.М. Дрогов, В.В. Акунов, доктор исторических наук А.А. Корников, В.Н. Булгаков, кандидат исторических наук Т.Н. Шевяков, А.Л. Васильев, С.В. Филатов, Г.М. Коваль, доктор исторических наук Г.И. Королёв, И.Б. Емелин, О.Г. Толкушин, В.М. Мордвинцев, кандидат исторических наук М.П. Голованова, В.В. Мишин, И.С. Сметанников, А.О. Кудряшов, П.И. Ефимов, Н.Н. Кузьменко, Г.М. Лерман, А.А. Машуткин, В.М. Надикта, М.В. Ревнивцев, А.В. Руденко, Л.В. Спаткай, Л.Л. Степченко, кандидат философских наук Ю.П. Тен, А.И. Трофимов, М.М. Чикаев.

Доклады были посвящены языку геральдики, муниципальной символике, государственным символам, проблемам выбора идеи и символики герба, старинным гербам и т.д. Каждый докладчик получил в подарок книгу Геральдической комиссии города Москвы «Гербы и флаги муниципальных образований города Москвы» (М., 2005. Ч. 2).

Участники и гости конференции могли приобрести новую печатную продукцию по тематике в специально открытых киосках по реализации новой печатной и фалеристической продукции по геральдике и генеалогии: новые журналы «Гербовед», книги, брошюры, календари и значки («стандарты»).

С.А. ЧЕРНЫШОВ,
студент Московского гуманитарно-
экономического института

ного ведомства пойти на законодательное ограничение браков офицеров, выдвигает изменение самого взгляда на женитьбу в этой социальной группе. В первой половине XIX века, «когда, во-первых, постоянно велись военные действия, во-вторых, офицер имел право выходить в отставку в любое время и, в-третьих, большинство из них не стояли перед необходимостью изыскивать средства к существованию, оставив службу, подавляющее большинство офицеров не были женаты». Как правило (в 70 проц. случаев), они не обзаводились семьей до выхода в отставку. В последующий же период, особенно в 1860-е годы, «поскольку для все большего их числа служба становилась единственным источником средств к существованию и, не женившись на службе, офицер рисковал навсегда остаться без семьи», все чаще и чаще военнослужащие вступали в брак, сохраняя свой статус офицера. Таким образом, росло число семейств, нуждавшихся в материальной помощи в случае смерти или увечья кормильца. См.: Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 247.

⁵ Первоначально приказ не распространялся на служивших в отдаленных гарнизонах и на некоторые категории чиновников Военного министерства, а также на офицеров иррегулярных войск. В последующем и эти группы попали под его действие. См., например: указы по военному ведомству за 1868 г. № 246 и 356 // Алфавитный указатель приказов военного министра и циркуляров Главного штаба с 1 января 1867 по 1 января 1873 года. Казань, 1873. С. 308.

⁶ Полн. собр. законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собрание 2. 1866. Т. XLII. От. 2. № 43940. СПб., 1868. С. 342, 343; Свод военных постановлений. 1869. Ч. 2. Кн. VII. Ст. 944—950 // О браках офицеров. Действующие статьи кн. VII Св[ода] в[оенных] п[остановлений] 1869 года с последующими дополнениями, объявленными в приказах по В[оенному] в[едомству] и циркуляры Главного штаба. СПб., 1903. С. 3—5.

⁷ ПСЗ РИ. Собрание 2. 1867. Т. XLII. От. 1. № 44427. СПб., 1871. С. 356; Быховский В.В. Брак, раздельное жительство супругов и развод. М., 1912. С. 4.

⁸ Право на безреверсный брак имели лишь те морские офицеры, которые переводились на службу в Сибирскую или Аральскую флотилии. См.: ПСЗ РИ. Собрание 2. 1874. Т. XLIX. № 54139. СПб., 1876. С. 413.

⁹ ПСЗ РИ. Собрание 3. 1887. Т. VII. № 4728. СПб., 1889. С. 426, 427.

¹⁰ Приказ по Военному ведомству мая 8-го дня 1890 года № 122 // О браках офицеров... СПб., 1903. С. 6, 7.

¹¹ Приказ по Военному ведомству марта 19-го дня 1901 года № 102 // Там же. С. 9—11.

¹² ПСЗ РИ. Собрание 3. 1903. Т. XXIII. От. 1. № 22588. СПб., 1905. С. 116.

¹³ Приказ по Военному ведомству августа 24-го дня 1902 года № 323 // О браках офицеров... СПб., 1903. С. 15, 16; Клокачев В. Указ. соч. С. 104—106.

¹⁴ ПСЗ РИ. Собрание 3. 1909. Т. XXIX. От. 1. № 31633. СПб., 1912. С. 213, 214.

¹⁵ См., например: Гражданин. 1885. № 43; Судебная Газета. 1898. № 35; Разведчик. 1901. № 561, 563.

¹⁶ Клокачев В. Указ. соч. С. 72.

¹⁷ Подробнее о деятельности этого органа см.: Веремко В.А. Дворянские семьи второй половины XIX — начала XX в. в поисках «монаршей милости» (по материалам Канцелярии е.и.в. по принятию

прошений) // Вестник молодых ученых. 2004. № 3 (Сер. Исторические науки. 2004. № 2). С. 32—43.

¹⁸ Писарев С.Н. Учреждение по принятию и направлению прошений и жалоб, приносимых на Высочайшее Имя. 1810—1910 гг. Исторический очерк. СПб., 1909. С. 178.

¹⁹ См., например: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1412. Оп. 252. Д. 904. Л. 150.

²⁰ Там же. Л. 167, 168.

²¹ Обращение Зарринга в Канцелярию прошений также было оставлено без последствий. См.: там же. Оп. 8. Д. 176.

²² По православным каноническим нормам, действовавшим до 28 мая 1904 г., лицо, признанное в деле о разводе по прелюбодеянию виновной стороной, осуждалось на «всегдашнее безбрачие» (о чем делалась отметка в его документах), а брак с ним признавался незаконным и недействительным. После 1904 г., хотя виновная сторона и могла заключить новый брак, но не ранее чем после прохождения семилетней епитимьи, срок которой мог быть сокращен по решению местного архиерея. Законы Гражданские. Св. Зак. Т. X. Ч. 1. СПб., 1900. Кн. 1. Ст. 37 (п. 4). См. подробнее: Григоровский С. О разводе. Причины и последствия развода и бракоразводное судопроизводство. СПб., 1911.

²³ РГИА. Оп. 252. Д. 974. Л. 173.

²⁴ См., например: Дело генерал-майора И.В. Иловайского. Там же. Ф. 797. Оп. 98. Д. 16.

²⁵ Обязательным элементом такого рода резолюций было требование, чтобы «делопроизводство об означенном браке... не считалось в числе нерешенных дел и хранилось бы от прочих дел особо и совершенно секретно». См.: там же. Д. 59. Л. 11.

²⁶ См., например: Там же. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 974. Л. 173, 174.

²⁷ Надо сказать, что не все командиры среднего уровня готовы были удовлетвориться подобным решением. Более четырех лет, с 1909 года вел с Канцелярией е.и.в. по принятию прошений переписку командир отдельного корпуса пограничной стражи, в котором служил совершивший незаконный брак ротмистр А.Д. Адамович. Он отказывался передать прошение виновного военному министру и требовал проведения по этому делу специального всеподданнейшего доклада. На бумаге с очередным указанием, что брак Адамовича незаконен и что «единственная причина не признания его незаконным — это незнание о его делах консистории», чиновник Канцелярии даже сделал пометку: «Не прокурор!» Однако Канцелярия все же пошла на уступки и в мае 1913 года провела вопрос о внесении брака Адамовича в послужной список через всеподданнейший доклад. См.: там же. Оп. 1. Д. 130.

²⁸ См., например: там же. Ф. 797. Оп. 98. Д. 11. «Дело корнета 19-го драгунского Кинбурнского е.и.в. вел. кн. Михаила Николаевича полка М.В. Даниловича».

²⁹ Там же. Ф. 1412. Оп. 15. Д. 1416.

³⁰ Там же. Оп. 241. Д. 26.

³¹ Свод статистических сведений по офицерскому составу армии за 1890-е гг. СПб., 1897. С. 9; Волков С.В. Указ. соч. С. 250.

³² Подсчитано по: Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. СПб., 1914. С. 204—243.

В.А. ВЕРЕМЕНКО

Обложка
книги

РОЖДЕНИЕ И КРАХ «ТЕРИЙОКСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА»

1 ДЕКАБРЯ 1939 года, через сутки после начала войны СССР с Финляндией, в поселке Териоки (ныне г. Зеленогорск) было создано «народное правительство» Финляндии. Его возглавил один из руководителей Коммунистической партии Финляндии (КПФ), видный деятель Коминтерна О.В. Куусинен.

До недавнего времени изучение истории формирования и функционирования этого правительства было крайне затруднено. Историкам, в сущности, было не на что опереться, кроме как на опубликованные советской печатью официальные документы. Лишь после распада СССР появились предпосылки для научного исследования всего комплекса проблем, связанных с причинами Советско-финляндской войны, сложившимися на тот момент обстоятельствами, целями правительства Советского Союза относительно Финляндии, «выстрелами в Майниле», послужившими поводом к началу военных действий и т.д. В центре внимания специалистов оказалась и история «правительства Куусинена».

Авторы рецензируемой книги* хорошо известны своими работами, посвященными взаимоотношениям СССР и Финляндии во второй четверти XX века. Их очередное исследование базируется на многолетнем изучении документов, хранящихся в архивах России и Финляндии, основательном знании российской и финской историографии.

В конце 1990-х годов В.Н. Барышников уже обращался к теме «терийокского правительства»¹. В новой работе дан анализ результатов исследований по ней, использован ряд новых докумен-

тальных источников, позволяющих более полно реконструировать картину создания, функционирования и прекращения деятельности «народного правительства». В приложениях помещены биографические сведения, важнейшие документы, перечень событий в их временной последовательности, имеющие отношение к его истории, а также обширная библиография.

В книге обстоятельно освещены вопросы, многие из которых до недавнего времени являлись предметом ожесточенных дискуссий исследователей. Авторами изучена история возникновения «правительства Куусинена». Обобщая накопленный современной наукой материал, авторы приводят дополнительные подтверждения того, что инициатива создания «правительства» принадлежала исключительно советской стороне (с. 30—57). В настоящее время историкам удалось конкретизировать круг лиц, стоявших за реализацией этой идеи, исходившей прежде всего от И.В. Сталина и В.М. Молотова (с. 241). Кроме них за подготовку и практическое осуществление замысла отвечали К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов, Л.З. Мехлис. В отличие от многих научно-популярных и публицистических работ в рецензируемом труде подробно раскрываются методы контроля за деятельностью «терийокского правительства», делается обоснованный вывод о его марионеточном характере, подчеркивается, что главной целью этого органа власти было содействие реализации общего плана войны (с. 242). При этом «глава правительства» О.В. Куусинен являлся лишь консультантом и исполнителем замыслов советского руководства.

В заключение своего труда авторы расценивают создание «терийокского правительства» как попытку «экспорта революции». Этот вопрос по меньшей мере является дискуссионным. Историки и публицисты, высказывающие мнение о планировавшейся Советским Союзом оккупации Финляндии, основывают его на более или менее произвольном истолковании ряда известных фактов,

рискованных аналогиях и предположениях. Однако никаких непосредственных указаний на намерение СССР «присоединить» Финляндию известные историкам источники не содержат. Напротив, в документах «правительства Куусинена» подчеркивалось, что «Финляндская Демократическая Республика как государство не советского типа не может входить в состав Советского Союза...»². Прежде всего данная акция была направлена на раскол финского общества, его дезорганизацию в войне против СССР. Что же касается перспектив «правительства Куусинена», то они зависели от поддержки его действий населением Финляндии. Как известно, добиться этой поддержки не удалось.

К сожалению, в рецензируемом труде авторы недостаточно четко формулируют свою позицию по данному вопросу, не давая соответствующей оценки положениям «Договора о взаимопомощи и дружбе между СССР и Финляндской Демократической Республикой», да и самому факту возникновения «правительства Куусинена».

Со своей стороны отметим, что условия подписанного с О.В. Куусиненом договора нуждаются в дополнительном осмыслении. Территориальные уступки СССР в пользу Финляндии — 70 тыс. км² в обмен на 3970 км² — выглядят несоизмеримыми, и соответствующее изменение советско-финляндской границы в Карелии могло в перспективе поставить под угрозу важную со стратегической точки зрения Кировскую железную дорогу и г. Петрозаводск. В случае реализации положений договора на практике советское руководство должно было быть уверено, что Финляндия и в будущем останется лояльной Советскому Союзу. Соответственно и толкования этого жеста И.В. Сталина могут быть различными — от попытки «задобрить» финнов, облегчить пропагандистскую кампанию в пользу «народного правительства» до подтверждения расчетов на включение Финляндии в состав СССР.

В то же время в монографии достаточно убедительно обосно-

* Барышников Н.И., Барышников В.Н. Рождение и крах «терийокского правительства» (1939—1940 гг.). СПб.: Хельсинки: Johan Beckman Institute, 2003. 363 с.

ван тезис о том, что создание «народного правительства» не являлось плодом какого-то долго вынашивавшегося замысла. Этот шаг советского руководства наряду с его решением начать войну с Финляндией был сделан впопыхах, недостаточно продумываясь, и соответственно его практическая реализация была далека от совершенства (с. 244).

Справедливо указывается также на серьезный ущерб, нанесенный престижу Советского Союза, а также КПФ историей «терийокского правительства». Попытка осуществления этой идеи, считают авторы, была достойной самого глубокого сожаления, крупной политической ошибкой руководства СССР и лично И.В. Сталина (с. 246).

ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ, что объективная оценка истории создания и функционирования «правительства Куусинена» невозможна без учета того обстоятельства, что подобные мероприятия (формирование всевозможных «альтернативных» правительств) не раз использовались в новейшей истории в качестве инструмента внешнеполитического давления, способа вмешательства во внутренние дела той или иной страны. В этой связи особый интерес представляет та глава рецензируемой монографии, речь в которой идет об одном из наименее исследованных сюжетов «зимней войны» — попытке образовать альтернативное «русское правительство» в Финляндии и сформировать «русскую народную армию» из числа пленных красноармейцев и офицеров-эмигрантов (с. 212—224). В качестве предполагаемого главы этого «правительства» рассматривались кандидатуры А.Ф. Керенского и Л.Д. Троцкого. План приглашения последнего включал идею предоставления его «временному правительству» небольшого участка территории в районе Реболы в качестве «постоянного места нахождения» (с. 218). Как считали отдельные руководители Финляндии, а также некоторые политики Франции и Великобритании, провозглашение в Карелии «русского правительства» должно было способствовать объединению всех «антисталинских сил» как вне, так и внутри СССР и могло быть поддержано восстанием тысяч «политических» ссыльных, находившихся в лагерях на территории российского Севера (с. 220).

Эти замыслы, однако, остались нереализованными.

Причины этого, указывают авторы, крылись не только в трудности вовлечения названных деятелей в соответствующие политические комбинации (их политические убеждения не могли полностью устраивать руководство Финляндии), но и в том, что планы провозглашения альтернативного русского правительства увязывались с предполагавшимся вмешательством в конфликт между СССР и Финляндией других государств. Что касается создания «народной армии» из числа военнопленных, то эта затея провалилась из-за невозможности осуществить вербовку достаточного числа людей. «...У советских солдат был иммунитет к нашей пропаганде...», — отмечал А. Пакаслахти, — Маршал** был поражен этим новым психологическим складом русских» (с. 222).

Тем не менее сам факт того, что правительство Финляндии и поддерживавшие его политики Франции и Великобритании рассматривали перспективу образования альтернативного «русского правительства» в Карелии как оправданный и вполне допустимый ход в развернувшемся военно-политическом противоборстве, является весьма показательным и должен соответствующим образом учитываться при оценке «правительства Куусинена».

ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ место в книге уделено деятельности «народного правительства» в занятых Красной армией районах Финляндии и созданию так называемой финской народной армии. Основная работа развернулась в Карелии, так как в других районах Финляндии почти все население было эвакуировано до прихода Красной армии. По данным авторов, на Карельском перешейке под контролем «народного правительства» оказалось всего 98 человек финского населения (с. 171). Безусловный интерес вызывают данные авторов об определенной поддержке населением финской Карелии мероприятий «терийокского правительства» по созданию новых органов власти, организации быта, об участии населения в этих мероприятиях и оказании им помощи частям Красной армии, вплоть до создания партизанского отряда (с. 176—178). Эти факты явно противоречат тезису о чуть ли не поголовном осуждении и неприятии

финнами действий Советского Союза вообще и созданного им «терийокского правительства» в частности. Вместе с тем авторы не склонны преувеличивать симпатии финнов к «народному правительству». Большинство населения Финляндии отнеслось к его появлению с недоверием и подозрением, к тому же многие районы наиболее активной работы созданных «правительством Куусинена» органов новой власти в начале января в результате успешных действий финских войск были утрачены. Именно отсутствие контактов «с финским населением в широком плане» наряду с внешнеполитической изоляцией и неудачами советских войск на фронтах явилось, по мнению авторов, причиной бесперспективности его деятельности уже к концу декабря 1939 года (с. 181) и, соответственно, падения интереса к нему со стороны Москвы.

Авторы отмечают и некоторое замешательство, вызванное в Финляндии и мире появлением после отставки кабинета Э. Эркко 1 декабря сразу двух новых правительств — Р. Рюти и О.В. Куусинена. Однако в Финляндии и на Западе весьма быстро «стали понимать, что собой представляло созданное «терийокское правительство»» (с. 136). Трудно сказать, могли ли нет в Москве более эффективно воспользоваться ситуацией, связанной со сменой правительства в Финляндии.

Что же касается позиции финской общественности, то авторы выделяют следующие причины негативного отношения к «терийокскому правительству»: постоянно подстегиваемые финской печатью настроения, что «правительство Куусинена» является инструментом, с помощью которого Советский Союз хочет лишить Финляндию государственной независимости; ослабление левого движения в Финляндии в результате репрессий финских властей и дезориентирующих установок Коминтерна об изменении курса в отношении фашизма; «весьма негативное влияние на политические настроения финского населения оказали бомбардировки советской авиацией городов и населенных пунктов Финляндии. Это, естественно, так или иначе бросало тень и на «правительство» Куусинена» (с. 182); репрессии финских властей против любого заподозренного в антиправительственной дея-

** Имеется в виду К.Г. Маннергейм.

тельности; неприятие «правительства» со стороны социал-демократического и профсоюзного движений в Финляндии.

Признавая справедливость всех пяти пунктов, выделенных в рецензируемом труде, хочется все же сделать ряд замечаний по поводу бомбардировок городов. Согласно отчетам о боевых действиях советских авиабригад фактически до января 1940 года налеты непосредственно на финские города не производились, бомбили лишь важные стратегические объекты в их черте, а до 18 декабря из-за плохих погодных условий советская бомбардировочная авиация вообще не летала, исключая 30 ноября и 1 декабря. В первый день войны действовали лишь небольшие группы бомбардировщиков, от 3 до 9 машин, бомбивших военные цели, а 1 декабря единственный крупный налет был совершен на железнодорожный узел Выборга, все остальные цели атаковали мелкие группы самолетов³. Авиация флота занималась главным образом поддержкой десантных операций и поиском кораблей противника⁴. Если бы не трагическая случайность при налете восьми бомбардировщиков Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) на Хельсинки, унесшая жизни 91 человека, то говорить о серьезных жертвах среди мирного населения в результате действий советской авиации в первой половине декабря, видимо, не было бы оснований. Косвенным подтверждением тому служат откровения подлоги, к которым прибегал, в частности, представитель Финляндии в Лиге Наций Р. Холсти, пытаясь убедить правящие круги стран Запада в том, что советская авиация целенаправленно уничтожала финское население и «частную собственность». Так, в сообщении пресс-службы Министерства обороны Финляндии от 1 декабря сообщалось, что 30 ноября в городе Энсо авиацией был подожжен сульфатный склад и жертв не было, а в письме генсеку Лиги Наций Авенолоу от 9 декабря Р. Холсти утверждал, что 30 ноября в Энсо авиация бомбила больницу, и советские самолеты с бреющего полета расстреливали «бегущих в укрытие женщин и детей»⁵. К сожалению, с расширением масштабов войны и затягиванием боевых действий финские города с конца декабря стали все чаще фигурировать в приказах как непосредст-

венные цели для ВВС РККА. Так, 1 февраля 1940 года 15-бомбардировочная авиабригада ВВС 13-й армии получила задачу «уничтожить город Сортавала», во исполнение которой 2 февраля 84 бомбардировщика сбросили на него 36 950 кг фугасных и 11 729 кг зажигательных бомб⁶. Однако к тому времени «правительство Куусинена» уже фактически сошло со сцены. Авторы монографии, затрагивая тему бомбардировки Хельсинки 30 ноября, верно указывают, что «нанесенный бомбовый удар являлся совершенно очевидно ошибкой советских летчиков... Но эти ошибки, несомненно, имели политические последствия» (с. 187).

В заключение отметим, что некоторые вопросы, связанные с деятельностью «терийокского правительства», никогда, по-видимому, не получат исчерпывающего ответа. Это связано с тем, что многие решения советского правительства принимались И.В. Сталиным и его окружением в рабочем порядке, устно, и нигде не фиксировались. Рецензируемый труд петербургских историков на сегодняшний день может рассматриваться как наиболее обстоятельное обобщающее исследование по теме, подводящее определенную черту под изысканиями последних десяти-пятнадцати лет. Авторам удалось достаточно близко подойти к воссозданию достоверной картины столь непростых для изучения событий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Барышников В.Н. От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997; *он же*. Из истории терийокского «правительства» и проблемы границы // Россия и Финляндия в XVIII—XX вв. Специфика границы. СПб., 1999.

² Зимняя война. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 178.

³ Российский государственный военный архив (РГВА). Отчеты о боевых действиях авиабригад ВВС 7-й армии. Ф. 34980. Оп. 11. Д. 442, 510, 668.

⁴ Тикельтауб С.В., Степанов В.Н. Против Финляндии. Советская морская авиация на Балтике в войне 1939—1940 гг. СПб., 2000. С. 21, 22.

⁵ Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939—1940 г. СПб., 2000. Ч. 1. С. 36; Ч. 2. С. 167.

⁶ РГВА. Ф. 34980. Оп. 11. Д. 510. Л. 32—34.

Ю.А. НИКИФОРОВ,
О.Н. КИСЕЛЕВ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ●

ПАРИЖСКИЙ ТРАКТАТ

30 (18) марта 1856 года на Парижском конгрессе, заседания которого начались еще в феврале, представителями России (князь А.Ф. Орлов), с одной стороны, Англии, Франции, Турции, Сардинии, а также участвовавших в переговорах Австрии и Пруссии — с другой был подписан мирный договор, чем и завершилась Крымская война 1853—1856 гг. По Парижскому мирному договору Россия возвращала Турции Карс в обмен на Севастополь, Балаклаву и другие крымские города, захваченные войсками союзников. Черное море объявлялось нейтральным, Россия и Турция лишались права иметь на нем военные флоты, провозглашалась свобода плавания по Дунаю. Россия должна была передать Молдавскому княжеству устье Дуная и часть Южной Бессарабии. Все державы обязывались не вмешиваться во внутренние дела Турции и гарантировали автономию Дунайских княжеств и Сербии при сохранении над ними власти султана. Таким образом, покровительство над христианскими подданными Турции, до войны осуществлявшееся Россией, по сути, переходило к европейским державам. К договору прилагались три конвенции. Первая подтверждала Лондонскую конвенцию 1841 года о закрытии проливов Босфор и Дарданеллы для военных судов всех стран, кроме Турции, второй устанавливалось количество легких военных судов для Турции и России в целях сторожевой службы, третья обязывала Россию не сооружать военных укреплений на Аландских островах в Балтийском море. Договор действовал до октября 1870 года, когда Россия объявила, что статьи договора, касающиеся ограничения прав России в Черном море, и конвенция с Турцией о числе военных судов потеряли силу. Отмену этих статей договора подтвердила и Лондонская конференция в январе 1871 года. В остальном договор действовал до победы России в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

А.В. ОСТРОВСКИЙ

ПРИКАЗ НА... РАЗЛОЖЕНИЕ

Записки о революционных событиях и Гражданской войне в России в 1917–1922 гг.

В.В. САВИНКОВ

ОПИСАННЫЕ в предыдущей главе дни промелькнули в угаре: сначала — в тревожном, потом — в радостном. К четвертому марта и солдаты, и офицеры несколько успокоились и пришли в себя. В этот день я отменил «осадное положение» в своем взводе и возобновил занятия. Впрочем, отпуска по-прежнему были ограничены, но ограничение это распространялось уже на всю бригаду.

На следующий день на занятиях не оказалось нескольких молодых солдат. Я объявил, что даю срок неделю, в течение которой все должно прийти в полнейший порядок. По истечении этого срока я обещаю беспощадно взыскивать за всякое нарушение дисциплины и порядка. При этом я еще раз объяснил, почему в революционный период дисциплина и порядок нужны даже более, чем во всякое другое время.

По истечении недели я первых же провинившихся, числом восемнадцать, почти исключительно молодых, поставил под арест. С каждым днем число наказанных уменьшалось, и, наконец, выделились несколько просто плохих солдат, вероятно, при всяких обстоятельствах и во всяких условиях нерадивых. Эти не выходили из разного рода взысканий.

Однажды во время перерыва между занятиями старые солдаты сообщили мне, что поведение молодых солдат в городе портится: город и в особенности митинги плохо действуют на молодых. Старики находили, что следует прекратить отпуска молодым до тех пор, пока они не превратятся в настоящих, дисциплинированных солдат. Я со стариками согласился и разрешил отпуск молодежи лишь в случаях действительной необходимости.

Другой раз старики спросили меня, почему я стал применять наказания, в особенности такие, как «под ранец», тогда как до революции никого не наказывал. Я отвечал, что не нахожу иных средств воздействия: я повторяю одно и то же каждый день, но все-таки находятся молодые, которые либо не понимают меня, либо не хотят слушаться. Я спросил стариков: что посоветовали бы они мне в качестве воздействия на молодых? Толковали, толковали бородачи и пришли к заключению, что самое правильное было бы «выдрать» двух-трех молодых, но раз уж этого нельзя, то ничего, кроме наказаний, и не придумать. Я со своей стороны просил стариков подействовать на молодежь в смысле поддержания порядка и дисциплины. Старики обе-

щали помочь: обратиться к озорным молодым с отеческим увещанием, а буде желаемого действия не окажется — поучить маленько по-своему, «по-крестьянски».

С разрешения нового командира батареи прапорщика О. были введены ежедневные беседы с солдатами. Темы были различные, но чисто просветительские: о положении России, о земле, о программах политических партий. Читались газеты, брошюры политического содержания, очень скоро появившиеся на рынке. Беседы эти пользовались большим успехом. Бывали случаи, когда солдаты, заслушавшись, забывали даже об обеде. Кто знает солдата, тот поймет, что это значит.

С внешней стороны жизнь солдата во взводе не изменилась, но глубокая перемена все-таки произошла: солдаты перестали быть существами бессловесными. Перед ними раскрылся давно желанный и неведомый им мир, «новая жизнь», в их представлениях безоблачно благополучная. Они не знали, как проникнуть в это сказочное царство, и искали помощи у нас, у офицеров. Они вечно задавали вопросы, как дети, стремящиеся сразу узнать «все», они постоянно жаловались на темноту и просили просветить их, воображая, что это можно сделать если не в полчаса, то в месяц — во всяком случае. Часто жаловались они на старый режим и рассказывали, незлобиво и незлопамятно однако, о случаях насилия и притеснений, имевших место в деревне, в казарме; просто рассказывали, облегчая душу и веря, что все прошлое кануло в вечность и более никогда не вернется. Только Ростовцева вспоминали, особенно фейерверкеры, с ненавистью и злобой; радовались, узнав, что он арестован по распоряжению военного следователя и что грозит ему дисциплинарный батальон. Однако, несмотря на незлобивость, у стариков, впервые, пожалуй, во всей полноте почувствовавших убожество прошлой своей жизни, чувствовалась такая глубокая ненависть к «старому режиму», в особенности к помещицкому землевладению, что и тогда уже можно было с уверенностью сказать, что всякие попытки реставрации обречены на провал.

Дней через десять после переворота занятия шли полным ходом. Солдат снова почувствовал себя на службе. Присяга Временному правительству¹ укрепила его в этом чувстве. По отношению к офицерам солдаты оставались вежливы и почтительны и исполняли все требования устава. Введенные в барак порядки установили между солдатами и офицерами понимание и доверие настолько, насколько оно вообще возможно между барином и мужиком. Самою главною причиною того, что

устанавливались такие отношения, было то, что из 10—12 офицеров, перебивавших во взводе за это время, нашелся всего лишь один, угодничавший перед нижними чинами. Он сразу же обнаружил не столько большевистские, сколько просто дурные наклонности. Слава Богу, взвод от него избавился очень скоро.

С первых же дней революции и я, и многие другие офицеры ждали, что вот-вот из среды Временного правительства раздастся мощный и твердый голос, который даст понять всем и каждому, что власть в надежных руках. Мы думали, что «там, наверху» понимают необходимость взять массы в руки тот час же и не оставлять их в бедствии. Мы ждали также, что Ставка и фронт скажут свое веское, основанное на действительной силе слово. Мы считали, что массы должны быть все время в действии, что дни бездействия предоставленных самих себе масс вредны, недели — опасны, месяцы — губительны. Внешние революцией потрясения неизбежно вызывают мелкие, отдельные устремления. Подавить их необходимо, а подавить можно только одним общим и великим движением. Иначе превращение масс в стада и толпы неизбежно.

Однако первый голос, услышанный нами, был, насколько помню, А.И. Гучкова². Этот голос мы знали: мы прислушивались к нему, когда он раздавался с трибуны Государственной думы³. На этот раз голос этот звучал скверно. Я говорю о забытом приказе Гучкова о комитетах⁴. Этот приказ появился еще до приказа № 1⁵.

После прочтения приказа всей батарее я должен был прочесть его взводу. Я был поставлен в затруднительное положение: с одной стороны, вред приказа, вносившего в армию в военное время выборные учреждения, был для меня совершенно очевиден. С другой стороны, не выполнить приказ и тем подать пример нелояльности — я не мог. Из разговора с солдатами я выяснил, что им не понятны ни цели комитетов, ни их функции. Наконец, они мне прямо сказали, что им комитет совершенно не нужен: пользы они от него не видят, а вред — очевидный. Ссоры и свары на почве выборов им казались неизбежны. Я нашел лазейку: поскольку комитетов в артиллерийских взводах не полагалось (впрочем, запасный взвод приравнялся к батальону, а батарея — к полку), то разрешил выборов не проводить. Так до самого моего отъезда на фронт комитета в моем взводе и не было. Насколько знаю, мой взвод в этом отношении был единственным.

Уверен и в другом: из всей бригады лишь в моем взводе, в учебной команде разведчиков и телефонистов, занятия возобновились так быстро. Собственно, это могло бы произойти

Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2006. № 1, 2.

во всей батарее: прапорщик О., бывший начальник учебной команды, назначенный комбатом, был человек с характером. Но командиры двух остальных взводов, совесть которых, по-видимому, не была совершенно чиста, сразу стали угодничать перед солдатами. Этим они задали отвратительный тон в своих взводах: подчиненные командирам офицеры не могли относиться к солдатам иначе, в особенности потому, что командиры влияли на них в этом направлении. Поэтому в этих взводах занятия шли кое-как. Солдаты понемногу распускались и теряли уважение к начальникам. Последние же вместо того чтобы приказывать, уговаривали, стыдили. Солдаты увещевания слушали, но на занятия выходили неаккуратно: некоторые во время занятий валялись на нарах и даже не вставали при входе офицеров. Чем больше распускались подчиненные, тем ниже опускались командиры. Это делало их еще более угодливыми и робкими и — снова дальнейшее падение авторитета. И так до бесконечности. Как-то один фейерверкер сказал мне: только те из фейерверкеров и офицеров настоящие начальники, кто с революцией не изменил своего отношения к солдатам и обращался с ними по-прежнему. В этом замечании, думаю, и следовало искать истину, выход. В общем, за малыми исключениями офицерство бригады сразу утратило авторитет.

Как-то, не помню, по какому случаю, состоялось общее собрание офицеров бригады. В разговоре с кем-то я сообщил, что у меня солдаты стоят под ранцем. Нужно было видеть удивление моего собеседника. Но забавнее всего, что эта сенсация стала немедленно известной. Меня стали расспрашивать, и некоторые даже не верили, так что пришлось призвать свидетеля: старшего офицера батареи В. Офицеры в один голос жаловались на распушенность солдат, на беспорядок, на отсутствие дисциплины во взводах и, само собой разумеется, обвиняли во всем только одних солдат да агитаторов. На самом же деле в потере подразделением, частью дисциплины начальником, главным образом старший из них, виноват ровно столько же, если не больше, сколько и внешние события и влияния. Офицеры после революции оказались силой менее активной, нежели солдаты. Это — во-первых. Во-вторых, огромное большинство офицеров, все равно — кадровых ли или военного времени, опирались исключительно на авторитет предоставленной им законной власти, т.е. на авторитет, приданный им извне. Как только этот авторитет оказался поколебленным, не осталось ничего. Всегда, в особенности же в моменты колебаний и шатаний вроде революции, необходимо опираться на самого себя: солдат должен чувствовать, понимать и ценить моральное и интеллектуальное превосходство офицера, и главным образом — превосходство его воли. Солдат должен верить в офицера и опираться на него. Одной ласковости, доброты и заботы о солдате мало: не убивали ли солдаты и тех, кого любили, кому чувствовали себя обязанными и бла-

годарными? Но даже и не в этом дело: желая сохранить порядок и дисциплину в части, желая, чтобы подчиненные исполняли свой долг, нужно и самому быть чем-то, нужно самому думать прежде всего о долге и исполнять его во что бы то ни стало. Даже собаки грызут тех, кто их боится. Толпа — злее собак. Если не владеть ею, она — ведь это старо, как век! — растерзает кого угодно.

Получив приказ № 1, мы были ошеломлены. С каких это пор приказы по войскам издает Петербургский* совдеп? Кто облек его высшей военной властью? Каким образом была допущена подобная узурпация власти командующих?

С недоумением разбирали мы этот бестолковый приказ и единогласно пришли к заключению: провокация... не может быть... Мы согласились не опубликовывать этот приказ: Петербургскому совдепу мы не подчинены и даже в состав Петербургского гарнизона не входили. Не опубликовали мы и приказа № 2 — был такой, вполне достойный своего предшественника. Однако оба эти приказа скоро стали известны солдатам: они распространялись в громадном количестве экземпляров, и солдаты приносили их из города прямо стопами.

Не раз слышал я, что приказу № 1 придается-де слишком серьезное значение; армия-де начала разлагаться еще до революции, и приказ № 1 ничего не прибавил и не добавил в неизбежном процессе разложения фронта. Говорили, что и до революции бывали-де случаи отказа частей от выхода на позиции, развивалось дезертирство, падала дисциплина и т.д. Да, конечно, случаи дезертирства были во множестве, но дезертирство не было массовым; да, случаи неисполнения приказаний бывали, но они все-таки оставались единичными; да, бывали случаи неповиновения офицерам, нарушения дисциплины. Все это было. Но все это было явлением естественным. Это были нормальные последствия военных неудач и утомления войной. Это были нормальные функции — нормальные отбросы живого существа — армии. Эти явления наблюдались во всех армиях, однако все армии сражались и не превратились в заживо гниющие трупы, как армия русская. Конечно, приписывать весь развал приказу № 1 нелепо. Но отрицать за ним значение сильного толчка — первого толчка, в некотором роде прививки гнилостных бактерий — тоже нельзя. Это поистине был приказ на разложение.

Другим разлагающим началом явилось сознание безнаказанности, вызванное отменой смертной казни. На войне, где ежедневный быт хуже всякой каторги, где смерть сторожит человека со всех сторон и нет почти времени, когда он был бы в безопасности, думали посылать на смерть «жалкими словами». И кого — простого, т.е. в высшей степени ограниченного человека! В этом акте — нестерпимая маниловщина, невероятное непонимание обстоятельств и, что хуже всего, — величайшее пре-

зрение к человеку; к тому, кто в силу доблести, чести, чувства долга не оставляет поста, и поощрение животного — того, что спасая себя, бежит, бросив на произвол судьбы и своих братьев, и родину, и все то, чем человек отличается от скота.

Смертная казнь на фронте — единственное средство принуждения. Добровольно умирать можно либо будучи сознательным и высоким патриотом, либо в моменты массового воодушевления, какое было, например, в начале войны. Но всякий порыв проходит, а необходимость умирать остается. Умирать добровольно ежеминутно, ежедневно, в течение месяца, а то и лет — этого обыкновенный человек не может. У каждого непременно возникает в один прекрасный день стремление избавиться, наконец, от грязи, скуки, тяжести жизни и непрерывной, так надоевшей смертельной опасности. И тогда неизбежно принуждение. Тогда неизбежно заставить человека забыть о себе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный орган власти в России, образованный после Февральской революции 1917 г. За короткий срок имело 4 состава. 1-й состав просуществовал со 2(15) марта до 6(19) мая 1917 г.; в него вошли 2 представителя партии «17 октября» (октябристы), 8 членов конституционно-демократической партии (кадеты) и примыкавший к ним 1 трудовик (А.Ф. Керенский); затем примкнул к социалистам-революционерам — эсерам), председатель — Г.Е. Львов (кадет). 2-й состав — с 6(19) мая до 24 июля (6 августа) 1917 г.: 1 октябрист, 8 кадетов и 3 примкнувших к ним эсера, 2 меньшевика; председатель — Г.Е. Львов. 3-й состав — с 24 июля (6 августа) до 1(14) сентября 1917 г.: 7 кадетов (вместе с примыкавшими к ним беспартийными), 5 эсеров и народных социалистов (энзэсов), 3 меньшевика; председатель — А.Ф. Керенский (эсер). 4-й состав — с 1(14) сентября до 25 октября (7 ноября) 1917 г.: 6 кадетов и 2 примыкавших к ним эсера, 4 меньшевика, 6 беспартийных; председатель — А.Ф. Керенский.

² Гучков Александр Иванович (1862—1936) — лидер октябристов, депутат, затем председатель Государственной думы 3-го созыва (1910). В марте—апреле 1917 г. являлся военным и морским министром Временного правительства 1-го состава.

³ А.И. Гучков известен своей активной деятельностью по «оборонным» вопросам, являясь в 1915—1917 гг. председателем Центрального военно-промышленного комитета, а также разоблачительными антиправительственными речами с трибуны Государственной думы. Именно ему вместе с В.В. Шульгиным поручили принять отречение Николая II, а затем и великого князя Михаила Александровича от престола.

⁴ Имеется в виду приказ, а также то, что о создании солдатских комитетов в воинских частях руководство военным ведомством в составе Временного правительства осуществлял А.И. Гучков.

⁵ Приказ № 1 о демократизации армии и флота, принятый Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов 1(14) марта 1917 г., а затем введенный в действие Временным правительством, узаконил солдатские комитеты, наделил солдат гражданскими правами, ввел равноправие их с офицерами вне службы, отменил титулование.

* Так в рукописи; точнее на то время — Петроградский.

• ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ •

На переднем плане
контр-адмирал С.В. Евдокимов

АВТОР публикуемых воспоминаний Сергей Владимирович Евдокимов родился в 1878 году в Севастополе в семье потомственного моряка. В 1892 году поступил в Морской кадетский корпус, который окончил в 1899 году. Произведен в мичманы в январе 1900 года. В 1902 году окончил Минные офицерские курсы в Санкт-Петербурге. Служил на многих судах Балтийского и Черноморского флотов. В 1904—1905 гг. участвовал в Русско-

японской войне на крейсере «Урал», погибшем в Цусимском бою. Евдокимов был спасен и продолжил службу на судах Черноморского флота минным офицером. Принимал участие в Первой мировой войне, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В соответствии с послужным списком — участник более чем 40 кампаний на море, в том числе 15 кампаний на парусных судах. Награжден многими российскими орденами и медалями. 28 июля 1917 года произведен в капитаны 1 ранга, в августе 1917-го — в контр-адмиралы. После революции вступил в Добровольческую армию, служил в Севастополе и Одессе, был начальником службы связи Черного и Азовского морей, непродолжительное время — командующим Черноморским флотом. В октябре 1920 года эмигрировал из России в Турцию. Летом 1921-го выехал в Сербию. С 1925 года проживал в Париже, где 16 лет проработал таксистом. В 1941 году переехал на постоянное жительство в США. Скончался 22 апреля 1960 года. Похоронен в США на кладбище монастыря в Джорданвилле*.

Личный архив контр-адмирала С.В. Евдокимова хранился в семье русских эмигрантов в США Евгения Даниловича и Нины Дмитриевны Синегурских. Они передали его Марии Александровне Йордан, которая в свою очередь передала архив и боевые награды С.В. Евдокимова в Фонд содействия кадетским корпусам имени А. Йордана. 2 сентября 2005 года на торжественной церемонии открытия нового здания библиотеки-фонда «Русское зарубежье» личный архив и боевые награды контр-адмирала С.В. Евдокимова были вручены директору библиотеки-фонда «Русское зарубежье» В.А. Москвину.

Воспоминания С.В. Евдокимова написаны от руки в четырех общих тетрадах чернилами и карандашом. Публикуются впервые.

* Новое русское слово. Нью-Йорк, 1960. 24 апр. № 17202; Часовой. Париж — Брюссель, 1960. № 10.

ВОСПОМИНАНИЯ КОНТР-АДМИРАЛА

С.В. ЕВДОКИМОВ

Посвящается моим горячо любимым жене Зинаиде Владимировне и сыну Михаилу, которые всегда в тяжелые минуты нашей жизни были разумными советчиками и опорой для меня.

Учеба в Морском кадетском корпусе

РОДИЛСЯ я 26 сентября 1878 года. Мой покойный отец был капитаном 1 ранга, а мои предки, насколько я смог узнать, были из рода в род моряками. Мы жили на берегу Черного моря в Севастополе, и все мои воспоминания детства связаны с морем.

Весной 1892 года мама отвезла меня в Санкт-Петербург в пансион А.А. Мешковой, готовившей мальчиков к поступлению в Морской кадетский корпус. Через несколько дней мама должна была уехать домой, и это, пожалуй, был самый тяжелый день в моей жизни. Мне было очень тяжело расставаться с моей родной мамой и в первый раз оказаться оторванным от семьи, очутиться в совершенно незнакомой обстановке и страшной дисциплине.

Пансион находился в Шувалове под Петербургом. Нас было 16 человек, занимался с нами очень хороший учитель по прозвищу Мандрилка. Большую часть предметов преподавала сама Антонина Лаврентьевна Мешкова. Это была крупная женщина, обладавшая страшной физической силой, и очень строгая, но всегда сердечная и заботливая. Мы, конечно, не особенно хотели учиться, пробовали устраивать бенедиксы, плохо себя вели, но она быстро наводила порядок: голос ее гремел, направо и налево сыпались увесистые подзатыльники и тумачи. В один миг она прекращала назревавший бунт. Скоро мы поняли, что с ней шутки плохи и следует серьезно взяться за дело и учиться. Иногда из плавания возвращался ее муж, лейтенант Сергей Владимирович, тоже огромный мужчина, которого мы очень любили. Он всегда шутил с нами, и в эти дни Антонина Лаврентьевна становилась добрее. Почему-то она называла его Мухой, хотя он больше был похож на огромного красивого ящичка (мы его так и прозвали).

В августе-сентябре того же года состоялись вступительные экзамены в Морской кадетский корпус. Приблизительно за месяц до этого у нас начались усиленные занятия. Ежедневно по очереди спрашивали весь курс по какому-либо предмету. Все сидели и внимательно слушали. Того, кто был невнимателен и пло-

хо слушал, наказывали. Так мы несколько раз повторили весь курс по всем предметам. Пока мама была в Питере, мы с ней побывали у тети Любы Красильниковой и у тети Сони и дяди Васи Евдокимовых. Нас очень мило встретили, а меня пригласили приходить к ним в отпуск из корпуса. Экзамен был конкурсный. Из 164 человек принято было всего 68. Я поступил седьмым. Мои родные были счастливы, обе тети и дядя полюбили меня, в дни моих отпусков они были очень добры и всегда старались доставить мне удовольствие. Тетя Соня часто приезжала в корпус в приемные дни и всегда привозила много всяких лакомств, чуть ли не на всю роту. Тетя Соня и дядя Вася были очень богаты. Тетя Люба была бедной и вообще очень несчастна в своей жизни. Она меня очень любила, а я ее просто обожаю.

Однако больше всего я любил находиться в корпусе, в своей роте, среди товарищей, с которыми быстро сошелся, попав в компанию самых бойких, здоровых и сильных мальчиков. Сам я был здоровым и сильным и постепенно стал мало заниматься и плохо себя вести. Мне постоянно снижали баллы за поведение, а карцер несколько не пугал меня. Нехороших, нечестных поступков в жизни Морского корпуса я почти не припомню, а если они и случались, то жестоко клеймились начальством и самими кадетами.

Кормили нас хорошо, одевали довольно тепло, но не нежили. Директором корпуса был свиты его величества генерал-адъютант адмирал Дмитрий Сергеевич Арсеньев. Командиром нашей 5-й роты был капитан 1 ранга Николай Федорович Руднев, добрый человек и хороший воспитатель. Кроме того, в роте было четыре отделенных командира из молодых лейтенантов, дежуривших по роте. Мы их травили, изводили, устраивали бенефисы, за что нас часто сажали в карцер на хлеб и воду. Но у командиров всегда чувствовалось доброе отношение к нам и желание сделать из нас хороших моряков, порядочных людей, развить в нас смелость и лихость.

Во время в корпусе была одна гардемаринская и 5 кадетских рот. В роте кроме офицеров был также фельдфебель и 11 унтер-офицеров, старших из гардемарин и младших из кадет 1-й роты. Все унтер-офицеры помогали нам в наших занятиях и строго следили за поведением. Из всех унтер-офицеров резко выделялся младший унтер-офицер Александр Васильевич Колчак. Он был очень строг, но справедлив. Он никогда не повышал голос. Мы все его глубоко уважали, слушались и любили. Когда мы перешли в 4-ю роту, он был у нас фельдфебелем. С мичманского чина и до адмиральских чинов включительно он всегда был выдающимся и храбрейшим офицером. На всех должностях, на которые он назначался, он всегда был всеми глубоко уважаем.

6 ноября (по старому стилю) в день святого Павла Исповедника отмечался храмовый и корпусной праздники Морского кадетского корпуса. Утром после молитвы мы одевались во все первосрочное платье, пили чай в нашем огромном зале, используемом под столовую, который считался в Санкт-Петербурге самым большим. Наш батальон в 700 человек проводил в нем все ученья. Обычно в этот день государь император, а также генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович и многие великие князья и все высшие морские начальники и масса офицеров флота присутствовали на богослужении, которое производил отец Иоанн Кронштадский. После богослужения государь император производил смотр корпуса. После церемониального марша и благодарности его императорского величества мы шли в роты, оставляли винтовки и амуницию. Зал быстро превращался в обеденный, накрывались столы, украшались цветами и флагами. Бриг «Наварин» (стоявший всегда в зале) расцвечивался флагами, и мы поротно под гром музыки проходили к своим столам. Столы были красиво

сервированы. В этот день все свободные морские офицеры, находившиеся в Петербурге и Кронштадте, считали своим долгом быть на параде и обеде в Морском корпусе, а все, находившиеся далеко в море, устраивали праздничный обед, на котором присутствовали свободные от вахты офицеры.

В течение более двухсот лет на обед 6 ноября подавался гусь. Эта традиция пошла от императрицы Анны Иоанновны. В те времена Морская академия, предшественница Морского корпуса, переживала один из самых тяжелых периодов своего существования, особенно в материальном отношении. Воспитанники большей частью голодали. И вот к одному из корпусных праздников императрица прислала воспитанникам сто гусей. Подарок в сто гусей произвел впечатление и был увековечен в кадетском эпосе:

*Прислала нам царица
На праздник сто гусей,
С тех пор в числе традиций
Храним обычай сей.*

Во время застолий произносился традиционный тост, который ветераны корпуса считали своим долгом напомнить всем присутствующим:

*Молча вспомним всех почивших,
Гост второй — за нас учивших,
Кто о долге нам твердил,
Дисциплину, честь развил.
А за прочих вытьем дружно,
Чтобы не были недужны,
Чтоб успех в делах имели,
Чтобы долго не старели,
Чтобы Родину любили,
Ей служить готовы были,
Чтоб Господь послал «шестого»
В зале корпуса родного
Вновь за гусем праздник встретить
И на гимн «ура» ответить!*

После хорошего, вкусного обеда нас отпускали в увольнение. А вечером был блестящий бал. Морской кадетский корпус славился своими великолепными балами 6 ноября. Этим балом открывался сезон балов в Санкт-Петербурге. Во время исполнения котильона было много ценных и красивых значков, связанных с морской жизнью. В Морском корпусе был очень хороший музей, в котором были выставлены модели всевозможных судов чуть ли не от сотворения мира, большое число морских животных, рыб и птиц. Бал начинался красочной процессией и небольшими сценками из морской и корпусной жизни. Кадеты выносили из музея муляжи огромных рыб, начиная с великана-ки-та, белуги, рыбы-пили, акулы и т.д. Сверху всех муляжей сидели самые маленькие кадеты. Одной из сцен из морской жизни была инсценировка пересечения экватора, а из кадетской жизни показывали «похороны» альманаха и другие сцены. Кто-нибудь из высочайших особ открывал бал, и начинались танцы до утра. На балу было много петербургских красавиц: барышень, институток, гимназисток и дам. Было прекрасное угощение: самые разнообразные фрукты, сласти, вина, шампанское. За эту ночь все кадеты и гардемарины оказывались влюбленными. Учеба и занятия не лезли в головы, наказания так и сыпались. Сильно возрастало поэтическое настроение, и на уроках вместо занятий многие писали стихи и ... попадали в карцер.

По субботам у нас было три урока, и после завтрака всех хорошего поведения, имеющих родных, увольняли в отпуск до 10 часов вечера воскресенья, а не имеющие родных увольнялись в субботу и воскресенье до вечера. Отправляясь в увольнение из нашей 5-й роты, нужно было пройти очень длинную картинную галерею, в которую выходили двери расположения 4-й роты. В картинной галерее было очень много хороших портретов всех адмиралов и картин морских битв. Пока нам не выдали форму, мы благополучно проходили по коридору, но как только нас обучили ружей-

• ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ •

ным приемам, отдавать честь, становиться во фронт, нам не всегда удавалось благополучно пройти мимо дверей 4-й роты, откуда выскакивали кадеты, заставлявшие нас отдавать честь и становиться во фронт. Кадеты 4-й роты всегда были недовольны тем, как мы исполняли приемы, и гоняли нас по несколько раз. Тех, кто им не подчинялся или плохо исполнял прием, они просто били. Бывали случаи, что идущего в отпуск они возвращали в роту, и тот должен был или оставаться как бы добровольно без отпуска или стараться проскочить незамеченным, что было очень трудно и опасно. Несколько наиболее сильных кадет нашей роты как-то сговорились и пошли в отпуск вместе. Когда одного остановили, мы все бросились на помощь и побили кадет 4-й роты. К ним на помощь стали выбегать кадеты их роты, но мы успели удрать.

У нашей роты был большой двор для прогулок, где зимой заливали каток, строили ледяную горку. Сюда нас каждый день в любую погоду отправляли гулять и играть. Как-то зимой мы построили большую ледяную крепость, которую полроты защищало, а другая половина нападала. Однажды в самый разгар боя на стене двора появились кадеты 4-й роты, начался жестокий бой ледяшками и кирпичами. Так как ледяшек не хватало, а кирпичей было в достатке, то кадетам 4-й роты снизу на стену подавали кирпичи их товарищи. Унтер-офицерам и дежурным офицерам с трудом удалось навести порядок. У нас и в 4-й роте несколько человек были серьезно ранены. У меня самого был сильно подбит глаз. После этого ледяного побоища драки между нашими ротами почти прекратились, и мы жили довольно мирно.

Так получилось, что через несколько дней после этой драки Морской кадетский корпус посетил его императорское величество государь император Александр III. Я стоял в строю с подбитым глазом и разбитой щекой на левом фланге роты. Поздоровавшись с ротой и проходя по фронту, его величество остановился около меня и спросил, где я был ранен. Я бойко ответил, что в драке. Государь погладил меня по голове и сказал: «Ну поправляйся, молодец». Я гаркнул: «Рад стараться, ваше императорское величество!» «Ну нет, пожалуйста, больше не старайся», — сказал государь и пошел дальше. Это был один из счастливейших дней в моей жизни. Все мне завидовали.

Когда я в 1892 году поступил в корпус, то еще существовала порка розгами, но с согласия родителей, которое родители давали всегда. Порка была исключительно редким наказанием. Кадета, подлежащего порке розгами по решению учебно-воспитательного совета, приводили в баню. Туда же приводили всех кадет плохого поведения из всех рот и выстраивали во фронт перед скамейкой, на которую клали раздетого наказуемого. Его держали два горниста, а барабанщики драли. Ротный считал удары. За все мое пребывание в корпусе я помню только три случая наказания розгами, которое вскоре было отменено.

Основными наказаниями были следующие: кадета ставили к столу дежурного офицера по стойке «мирно» на два часа, лишали отпуска в субботу или воскресенье, сажали в обыкновенный карцер до 8 суток с посещением уроков и занятий или строгий на хлебе и воде. Самым тяжелым наказанием было лишение погон. Погоны спарывались, и наказанный ходил в строю на левом фланге. Он лишался на время воинского звания. После одобрительного отзыва погоны и воинское звание возвращались. В плавании кроме карцера были и другие наказания: гоняли бегом через салинг по несколько раз (салинг — маленькая площадка на верхушке мачты), заставляли сидеть на салинге до двух часов на двух или четырех склянках. Это называлось «дышать озоном». Действительно, на такой высоте воздух был чистым, чувствовался озон, но сидеть на рожках салинга было очень неудобно.

«Без берега на очередь» — при увольнении по отделениям это означало один месяц без схода на берег. Гардемарины лишали якорей, вице-фельдфебелей и вице-унтер-офицеров — нашивок, т.е. разжаловывали в гардемарины.

Весной у нас были экзамены для перевода из роты в роту. В каждой роте было по три параллельных класса. После окончания экзаменов нас поротно отправляли в Кронштадт на суда учебного отряда Морского кадетского корпуса. Отряд состоял из парусных и парусно-паровых судов. Командовал отрядом выдающийся вице-адмирал Владимир Павлович Мессер. В сложное переходное время с парусного флота на паровой он, великодушный офицер-парусник, в короткий срок стал образованным современным офицером парового флота. Под его командой мы выходили под парусами на гельсингфорсский рейд отрядом, состоявшим из пяти больших судов, и становились на якорь по заданной диспозиции. Боже сохрани, чтобы были какие-нибудь оплошности. Он был очень строг и требователен.

Наша рота на это лето была назначена плавать на крейсере 1 ранга «Князь Пожарский». По прибытии на крейсер нас поставили во фронт, адмирал поздоровался и обошел строй. Каждый должен был назвать свою фамилию. Услышав мою, адмирал остановился и спросил: «Ты сын Володи Евдокимова?» — «Так точно, ваше превосходительство», — ответил я. «Твой отец был молодцом, brave офицером, я его хорошо знал. Надеюсь, что ты будешь в отца», — сказал адмирал. «Рад стараться, ваше превосходительство».

Старший офицер назначил номера: первыми и третьими были 1-е и 3-е отделения, они составили первую вахту, вторыми и четвертыми — 2-е и 4-е отделения, составившие вторую вахту. Нам было объявлено расписание по водяной, пожарной, боевой тревогам, шлюпочное расписание, порядок парусных учений, авральное расписание. Нас развели по кнехтам и кофель-планкам для изучения массы снастей, несколько раз прогнали бегом через салинг. Причем все были недовольны нами и объявили, что пешком ходить не полагается, все должно исполняться только бегом. Начались драйка и ежедневные учения. Мы работали и жили совершенно наравне с матросами. Фок-мачта была закреплена за матросами, грот-мачта — за кадетами. Так как все парусные учения всегда проводились на скорость, то всегда были соревнования в эскадрах и отрядах между судами, а на судах — между мачтами. Нам в начале было очень трудно тягаться с матросами при их семилетней морской службе, силе, опыте, развитой ловкости за многие плавания. Но вскоре мы уже могли состязаться с ними и иногда даже выходили победителями, что вызывало массу разговоров в свободное время на баке у фитиля во время курения.

Весь уклад жизни был таков, что мы невольно с малых лет близко стояли к матросам, узнавали их, сжились с ними, любили их. Во время различных аварий и несчастных случаев они проявляли глубокое сознание долга, самопожертвование, находчивость и добрую душу. Будучи в корпусе, я плавал на крейсере 1 ранга «Князь Пожарский», крейсерах 2 ранга «Рында» (гвардейский экипаж), «Вестник», «Верный». Обо всех командирах, старших офицерах и офицерах судового состава у меня сохранились самые теплые воспоминания и благодарность за все хорошее, что они внушили нам, воспитывая нас. Один только командир представлял исключение из всех офицеров.

В корпусе перед каждым Великим постом выходил приказ с расписанием, на какой неделе какая рота говела. Батюшка наш, отец капитан Белявский, очень образованный священник, в эти дни старался нас подготовить к исповеди и Святому причастию. После причастия нам за завтраком всегда давали чай и по две ягодки вишневого варенья, после чего отпускали в увольнение.

Вице-адмирал В.П. Мессер, как я уже говорил, был

выдающимся офицером и воспитателем. Он был очень строг и требовал хороших знаний по всем отраслям морского дела. Все мы, кадеты, работали, как белки, на самом верху, и адмирал требовал от нас быстроты, лихости и находчивости. Он прощал нам наши ошибки при парусных и шлюпочных учениях, говоря, что на ошибках учатся, а если за ошибки наказывать, то будут бояться ошибаться и получатся бабы, а не офицеры. Мой большой приятель кадет К., управляя баркасом под парусами в свежий ветер, положил мало руля и, приставая к трапу, попал бушпритом в иллюминатор адмиральской каюты. Баркас разбит, бушприт сломан, да и адмирал мог быть убит. Старший офицер и командир корабля устроили грубый разнос кадету и отправили его в карцер. Вышел адмирал, приказал дать кадету другой баркас и десять раз пристать к трапу. Поблагодарил кадета за хорошее управление баркасом и отменил наказание, так как кадет действительно хорошо управлял судном. Когда при подъеме брам-рей и брам-стенги, работая на салинге, кадет не убрал вовремя руку и ему придавило палец, адмирал только сказал: «Сунул бы нос, тогда бы узнал, что это очень больно». Тогда на флоте процветала ругань, во время учений ругались все, и это, пожалуй, был единственный недостаток нашего лихого адмирала.

В 1899 году наш выпуск оканчивал Морской кадетский корпус. В сентябре после окончания плавания мы возвращались в Петербург и производились государем императором в мичманы. С большим нетерпением ждали мы этого счастливого дня. Весной этого года был поднят вопрос о праздновании 200-летнего юбилея Морского кадетского корпуса. Мы были очень рады, что наш выпуск совпадает с юбилеем. Была масса разговоров о праздновании: будет высочайший смотр, парад, гонки, обед, великолепный бал, нагрудные знаки в память о юбилее. Однако летом историки выяснили, что корпус основан не в 1699 году, а в 1701-м, и все празднества для нас пропадают, так как нас уже не будет в корпусе.

В это время мы находились в плавании на крейсере 2 ранга «Верный». Командир был хорошим парусным моряком. Мы много ходили под парусами. Он был очень требователен, строг, а подчас и очень жесток. Обидевшись на историков, мы решили сами отпраздновать 200-летие корпуса, которое должно было заключаться в хорошем ужине с вином и произнесении речей на тему юбилея. Для доставки на судно вина был придуман следующий способ: каждый из нас вошел в рукав бушлата по шкерту, и бутылка удавкой или выбленочным узлом бралась за горло, и таким способом в каждом рукаве было по бутылке. В это время мы посещали занятия и стрельбы в учебном артиллерийском отряде, где по нашей просьбе мичманы снабжали нас вином. При возвращении на «Верный» при выходе с трапа бушлаты снимались и брались на руку. Таким образом, вино попадало на судно. Бушлаты вешались на вешалку на палубе. В удобную минутку вино пряталось. К назначенному дню для празднования у нас получился большой запас спиртных напитков.

Накануне намеченного праздника мы снялись с якоря и ушли под парусами в крейсерство, а потом в Гельсингфорс. Ужин начался в 18.30. С 18 часов и до полуночи мое 1-е отделение заступило на вахту. Я стоял на вахте на грот-марсе марсовым старшиной. Нам не повезло, 1-е отделение не могло принять участия в праздничном ужине. В полночь, сменившись с вахты, мы получили закуски, ужин и вино, нам было все оставлено. Спустившись на палубу, мы застали многих гардемарин сильно выпившими. Нам рассказали, что было несколько столкновений с корпусным офицером, который среди нас вообще не пользовался авторитетом, но ничего особенного не произошло. Когда подвыпившие гардемарины

начали шуметь, командир корабля послал корпусного офицера на палубу с приказанием прекратить шум и ложиться спать. Это была большая ошибка командира, так как он должен был понимать, что появление этого нелюбимого и непопулярного офицера среди подвыпивших гардемарин вызовет еще больший шум. Прислал бы другого, и все бы обошлось благополучно, и шум бы прекратился. Наше отделение, сменившись в полночь, поужинало, взяло койки и легло спать без всяких недоразумений. Как нам рассказали, гардемарин Владимир Вульф в своей речи очень ядовито высмеял командира.

Утром все встали, и начались обыкновенные работы и авралы под парусами. Мы ожидали, что нас вызовут на шканцы во фронт, командир произнесет речь и, может быть, несколько человек посадит в карцер. Но все обошлось совершенно благополучно. Пришли в Гельсингфорс, простояли три дня на якоре, очередное отделение уволили на берег — значит все кончено и забыто. Снялись с якоря, пришли в Кронштадт и только стали на якорь, как к нам подошел катер с лейтенантом Игнатьевым и с караулом. Лейтенант передал пакет командиру корабля. Засвищали дудки, обе вахты гардемарин выбежали наверх, стали во фронт. Последовал приказ: «Гардемаринам стать во фронт на правых шканцах». Прибывший караул сошел с катера и стал во фронт на левых шканцах. Командир открыл пакет и перед фронтом прочел следующее: «По высочайшему повелению фельдфебель Александр Немитц и гардемарины Вениамин Подъяпольский, Сергей Евдокимов, Евгений Алексеев и Владимир Иловыйский за произведенный беспорядок на судне лишаются гардемаринского звания и разжалываются в юнкера флота с правами матроса 1-й статьи, с зачислением в нижеследующие экипажи, где арестовываются на 5 суток в карцер каждый. По получении одобрительного отзыва могут быть произведены в мичманы».

Когда командир окончил читать, я заявил, что был на вахте на марсе и не мог принимать участия в происшедших беспорядках. Командир ответил, что он сам слышал мою недисциплинированную речь, в которой я его бранил. Гардемарин Владимир Вульф выпел вперед и заявил, что это он говорил. Тогда командир сказал, что было плохо слышно и голос Вульфа он мог принять за мой. Тогда вся рота заявила, что я был на вахте на марсе и ни в чем не мог участвовать и что командир должен исправить ошибку, так как из-за нее я делаюсь матросом вместо мичмана. Командир ответил, что он не может ничего сделать, ибо донес на высочайшее имя. Вульф настаивал, чтобы была восстановлена справедливость. Командир заверил, что вдовствующая государыня его знает, хорошо к нему относится и что он дает слово через нее через некоторое время хлопотать, чтобы мне все было возвращено и чтобы я ничего не потерял. Так как гардемарины сильно волновались и были очень возбуждены, была подана команда «Смирно» и приступили к разжалованию. Переодевали в матросское платье, арестовали, под конвоем свезли на Петровскую пристань и отвели в карцер экипажей.

Так мы окончили Морской кадетский корпус и стали матросами 1-й статьи. Отсидев 5 суток в карцере, я написал письмо родителям обо всем случившемся и уверял их, что командир исправит свою ошибку и я буду произведен. Мне так хотелось смягчить их горе, хотя сам я ни минуты не верил, что у него хватит мужества осознать свою ошибку. Так оно и действительно было.

**Публикация полковника в отставке
В.А. ГУРКОВСКОГО**

(Продолжение следует)

«ПОТЕШНЫЕ РОТЫ» В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

ЗАВЕРШИВШАЯСЯ в 1905 году война на Дальнем Востоке нанесла России не только тяжелый материальный ущерб, но и обнажила ряд недостатков в политической и духовной сферах, в том числе в военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения. Чтобы как-то устранить этот пробел, по прошествии нескольких лет, критически оценив упущенные возможности и недоработки, военное ведомство империи приняло наконец решение о необходимости подготовки юношей к военной службе, как говорится, с молодых ногтей. Примеров тому в мире было уже немало: в Европе и Америке утвердились военно-спортивные молодежные организации. Наибольшее распространение приобрело движение бойскаутов, созданное инспектором кавалерии колониальных войск Англии Робертом Баден-Пауэлом (1857—1942). В ряде стран оно получило национальные черты. Так, в Японии возродились традиции самураев, молодежные организации вооружались винтовками, захваченными во время Русско-японской войны 1904—1905 гг., подростков вывозили на места недавних боев, и там под руководством преподавателей и офицеров в форме военных игр воспроизводились эпизоды сражений. В чешских и польских молодежных организациях культивировались идеи национальной независимости. Исторические корни были положены и в основу военно-молодежного движения в России. В нашем Отечестве первый отряд скаутов создал в г. Павловске в апреле 1909 года штабс-капитан О.И. Пантюхов. Через некоторое время отряд переформировали в Царскосельскую дружину разведчиков. В сентябре 1914 года было создано общество содействия юным разведчикам «Русский скаут», по инициативе которого к концу 1915 года подобные отряды возникли в 23 городах, а еще через год — в 143 общей численностью около 50 тыс. человек. Но скаутское движение стало лишь одним из направлений молодежного движения в России. Помимо него предпринимались многочисленные попытки организовать внешкольное физкультурное движение, которое обеспечило бы военную подготовку и физическую тренировку молодежи в период между окончанием учебы и началом военной службы. Одна из таких попыток — создание так называемых потешных рот по аналогии с петровскими «потешными полками», члены которых, говоря современным языком, могли бы проходить в них упрощенный курс начальной военной подготовки. Развернулось это движение и на Смоленщине.

Здесь надо отметить, что в ходе военных реформ, начавшихся в 1905 году, из-за сокращения сроков действительной военной службы¹, с одной стороны, увеличилось число мужчин, прошедших военную подготовку, с другой — не так-то просто было теперь за три года подготовить зачастую из неграмотного деревенского парня умелого воина². Вот поэтому и было решено создавать так называемые потешные роты, где юношей одновременно приучали бы к военной дисциплине, военным порядкам, а также обучали различным воинским упражнениям и обращению с оружием.

На Смоленщине, которая на протяжении веков стояла на страже западных рубежей Отечества, сразу же оценили серьезное значение «потешных рот» для военного дела и приступили к их формированию с помощью командования расквартированного в губернии 13-го армейского корпуса генерала от инфантерии А.Е. Эверта³, впоследствии командующего войсками Иркутского военного округа, а с началом Первой мировой войны — командующего 4-й армией, главно-

командующего армиями Западного фронта. После революции, не примкнув ни к белым, ни к красным, генерал умер в 1926 году в г. Верее Московской области в возрасте 69 лет.

«Учитывая боевое прошлое Смоленской земли, — писал Алексей Ермолаевич Эверт смоленскому губернатору Николаю Иоасафовичу Суковкину, — полагаю, что в организации «потешных рот» вверенная вашему превосходительству губерния, более чем какая-либо другая, пожелает проявить вековую, традиционную идею своего боевого духа и отзовется на призыв формировать «потешные роты»... Со стороны войск вверенного мне корпуса в организации таких рот будет оказано возможное содействие, которое выразится в обучении сформированных рот при помощи офицеров и нижних чинов, которые мною будут назначены от войсковых частей корпуса»⁴.

Правда, практика показала, что дело это оказалось весьма не простым, особенно в вопросах финансирования. Однако кое-что смолянам все-таки сделать удалось. В 1911 году в Смоленской губернии «потешные роты» были организованы в ряде учебных заведений⁵ и при пожарных командах. В качестве руководства взяли «Основание для формирования «потешных рот» в Московском военном округе», подписанное генерал-майором Шишкевичем 31 августа 1910 года⁶. Чтобы читатель мог лучше понять, что представляли собой «потешные роты», полностью текст «Основания» приведен в приложении.

Отметим, что прием юношей в «потешные роты» производился только с согласия родителей. Такое согласие изъявили родители учащихся 1, 2, 3-го смоленских городских училищ, 1-го и 2-го рославльских училищ, ряда двухклассных и одноклассных приходских училищ в городах Вязьме, Гжатске, Белом⁷.

НАИБОЛЕЕ активно к формированию «потешных рот» приступили в г. Белом. По инициативе инспектора народных училищ Д.А. Кулюкина и воинского начальника К.И. Пенткова была организована «потешная рота» из учеников начальных училищ «при полном желании как самих учеников, так и их родителей» численностью около 100 человек⁸. Предполагалось выдать им знамя, нагрудные значки, деревянные макеты ружей. Обязанности по их обучению военному строю взяли на себя офицеры, прибывшие для занятий с ратным ополчением⁹, а впоследствии и воинский начальник.

Согласно положению военного совета, утвержденному 28 января 1912 года, для воинских частей и учреждений, формирующих «потешное войско», безвозмездно выдавались ложа от разобранных винтовок Бердана, однако металлические части (наконечники, защелки, спусковые скобы и раздвижные скобы) отпускались за деньги¹⁰.

Надо сказать, что инициаторы создания «потешных рот» столкнулись с рядом трудностей. Так в г. Гжатске офицеры отказались преподавать гимнастику. Ответ командира 13-го мортирного артиллерийского дивизиона А.К. Кублицкого гласил: «Сообщаю, что офицер от вверенного мне дивизиона для преподавания гимнастики в училище назначен быть не может, потому что назначение это сопряжено будет с ущербом по исполнению им прямых обязанностей по службе, в свободное же от служебных занятий время офицеров, желающих преподавать в городском училище безвозмездно, не находится»¹¹. Комментарий, как говорится, излишний.

Подготовкой сознательных защитников веры, царя и Отечества были озабочены и земские деятели Смоленской губернии (и не только Смоленской). Обзор деятельности смоленских земских начальных школ дал неутешительные результаты: «Ученики, окончившие курс [начальной школы], быстро забывают все пройденные знания... школа своим воспитанникам не прививает любви к родине и выпускает совершенно непригодных к жизни»¹². На другом заседании также

отмечалось: «Оставляя без внимания нравственное воспитание нашего крестьянского юношества, мы ухудшаем нравственность молодого поколения и потому постепенно с годами обрекаем наш народ на одичание»¹³. Не будем сейчас уделять внимание мерам, предлагаемым земскими деятелями по улучшению народного образования: остановимся на вопросах начальной военной подготовки, которая включала в себя строевые занятия и уроки физкультуры (гимнастики), учитывая что безвозмездно в школах офицеры работать не хотели. В августе 1911 года в Москве прошел первый общеземский съезд по народному образованию, выработавший ряд решений, включая и вопросы физического воспитания. Приведем некоторые выдержки из них: «Под именем физической культуры в школе следует понимать совокупность физического развития (укрепление здоровья учащихся), физического воспитания (приобретение ими привычек, способствующих сохранению здоровья) и, наконец, физического образования (усвоение ими знаний, как оберегать здоровье свое и других)». В целях физического развития предусматривались следующие мероприятия: «Устройство школьных горячих завтраков, вентиляция школьных помещений, распространение между учащимися подвижных игр, разъяснение учащимся вреда алкоголя и табака, преподавание правил первой помощи, устройство спортивных обществ и кружков»¹⁴.

Смоленское земство также постаралось не остаться в стороне. Инициативу преподавания физического воспитания в школах взял на себя гласный губернской земской управы А.П. Скугаревский. По данному вопросу он неоднократно выступал на собраниях. На основе его предложений была осуществлена попытка преподавания физической подготовки в ряде начальных школ Поречского и Вяземского уездов. В Поречском уезде было принято решение о преподавании гимнастики в шести начальных школах¹⁵ с выделением 90 рублей (т.е. 15 руб. на школу) на данный предмет. Столь незначительное число учебных заведений, в которых преподавали гимнастику, и малое ассигнование средств на них оправдывалось существованием «более неотложных нужд по народному образованию». «В настоящее время нельзя было бы ввести преподавание новых предметов [гимнастики, строя] во всех низших учебных заведениях, так как незначительные ассигнования из казны каждой школе на указанные потребности выразятся в общем итоге в сумму, которую отыскать окажется не возможным»¹⁶, — говорилось в докладе земской управы.

Несколько лучше была ситуация в Вяземском уезде, здесь на преподавание новых предметов выделили 500 рублей в год. По прошествии нескольких лет вяземское земство, единственное в губернии, продолжало заботиться о физическом воспитании молодежи.

В 1912 году были собраны сведения об имевшихся на территории Смоленской губернии «потешных ротах». На этот период в губернии насчитывались четыре такие организации. На запрос губернатора духовщинский исправник рапортовал: «На Ярцевской фабрике, таковая [«потешная рота»] учреждена при местном начальном училище... кроме сего «потешные» на Ярцевской фабрике как минувшей зимою, так и весною не занимались, а потому являются недостаточно подготовленными»¹⁷. Бельский исправник доносил: «Имеется «рота потешных», организованная местным воинским начальником в г. Белом, в состав коей в числе 100 человек вошли ученики земских начальных школ, городского училища и классической гимназии г. Белого»¹⁸. Смоленский полицмейстер докладывал, что «в городе Смоленске имеется «потешная организация» при смоленском пригородном пожарном обществе, но «потешные» эти военному строю не обучаются»¹⁹.

9 мая 1911 года начала работать Боровская пожарная дружина. Ее почетным попечителем и председателем правления, так же как и председателем правления

смоленского пригородного пожарного общества, являлся Иван Иванович Русаков²⁰. При дружине была создана детская учебная команда в составе 27 человек (по данным на 1 января 1914 г.).

Известно, что в 1911 и 1912 гг. проводились высочайшие смотры «потешных организаций», но представители Смоленской губернии в них не участвовали.

31 августа 1912 года, в ознаменование особой роли города в Отечественной войне 1812 года, Смоленск посетил император Николай II с семьей. Во встрече высоких гостей принимали участие и «потешные организации»²¹. Смоленщина, в том числе оркестр «потешной роты» г. Белого²². Здесь же находились и детские команды городских пожарных организаций, в частности Боровская пожарная дружина и ее детская учебная команда со своим знаменем²³. Отметим, что деятельность детских учебных пожарных команд, по организации близких к «потешным ротам», состояла не только в парадах и участии в праздничных торжествах. Так, детская команда Боровской пожарной дружины в 1912—1913 гг. вместе со своими старшими товарищами 12 раз выезжала на пожары. Особенно необходимо упомянуть о пожаре, происшедшем 12 октября 1912 года в деревне Дроветчино, находящейся на расстоянии 3,5 км от места дислокации дружины. «От невыясненной причины возник пожар в строении местных крестьян М. и Н. Никитенковых и А. Тарасова. Большая опасность грозила всему селению, так как все остальные постройки были с подветренной стороны, никаких противопожарных инструментов в селеении не было, и если бы не поданная своевременно помощь Боровской пожарной дружины — от деревни осталось бы лишь воспоминание. Пожар возник днем, когда большинство членов дружины были заняты работами вне селения, первыми заметили пожар участники детской учебной команды, которые тотчас же пробили тревогу в полевой колокол около депо дружины, по тревоге быстро собрались 11 человек дружины и 24 человека детской учебной команды, которые немедленно снарядили обоз»²⁴. Благодаря отлаженным действиям огнеборцев пожар был потушен. В день празднования второй годовщины Боровской пожарной дружины 9 мая 1913 года председателем ее правления И.И. Русаковым «были выданы от имени губернской земской управы похвальные листы за успешное тушение пожара в д. Дроветчино в 1912 г. братьям Т.В. и П.В. Гушиным, а также коллективный похвальный лист детской учебной команде, что было первым случаем не только в Боровской дружине, но и вообще в пожарных организациях России»²⁵.

В начале Первой мировой войны спортивное движение в Смоленске и губернии развивалось довольно быстро. Так, к началу нового 1914 года в г. Смоленске уже существовало общество физического развития (куда также входили и школьники), в конце мая аналогичные общества появились в Вязьме и Дорогобуже. Они сразу активно включились в спортивную жизнь губернии. Организовывались спортивные прогулки, футбольные матчи, соревнования между учениками средних учебных заведений Смоленска по легкой и тяжелой атлетике. Регулярно проводились шахматные турниры. 18 января 1914 года состоялось учредительное собрание смоленского отделения Императорского Всероссийского аэроклуба (в нем числилось 176 действительных членов), на котором избрали членов совета и его председателя генерал-лейтенанта М.В. Алексева, сменившего Эверта на посту командира 13-го армейского корпуса. 10 июля из С.-Петербурга в Смоленск вылетел на биплане «Сикорский-10» авиатор Г.В. Алехнович²⁶, но из-за неполадок начавшийся перелет был приостановлен. А после объявления войны была приостановлена и деятельность «потешных рот». Как оказалось, надолго.

• ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ •

ПРИЛОЖЕНИЕ

Основания для формирования «потешных рот» в Московском военном округе

Организаторами рот являются частные лица. Войска, к которым эти лица обратятся, должны оказывать им свое содействие, каковое выразится в обучении сформированных рот при помощи офицеров и нижних чинов, назначаемых войсковой частью.

Основания, на которых формируются и обучаются «потешные роты», следующие:

I. ЦЕЛЬ

- Духовное воспитание и физическое развитие.
- Подготовка юного поколения как будущего гражданина России и воина в частности.

II. ОРГАНИЗАЦИЯ

- Наименование — «Потешная рота N полка».
- Возраст составляющих роту — 8—15 лет.
- Командует ротой один из капитанов или штабс-капитанов полка, в помощь которому [придается] несколько унтер-офицеров или ефрейторов.
- Ротный знак — полотно размером около аршина, по цвету полка, с изображением: на одной стороне — «Потешная рота N-го полка», а на другой — погона или вензеля полка.

III. ОБМУНДИРОВАНИЕ

Рубашка защитного цвета.

Допускаются погоны приборного сукна, без шифровки, не шире 1 дюйма, фуражка с околышем приборного сукна с тульей защитного цвета, вместо кокарды городской герб.

IV. ЗАНЯТИЯ

- Строевые занятия состоят из: фронтовых, гимнастических <...> фехтования, игр, прогулок, стрельбы из лука. Для старшего возраста — сторожевая и разведывательная служба.
- Во время строевых занятий ведутся беседы о России, царе, о подвигах, совершенных для блага Родины и царя.

V. МЕРЫ ПООЩРЕНИЯ

- За добросовестное исполнение своих обязанностей командиру роты предоставляется [право]:
- награждать [учащихся] полковыми погонями для ношения во время занятия;
 - выдавать особые значки на бантах из лент государственных цветов за строевую выправку, находчивость, ловкость и за все виды состязаний спортивного характера.

Государственный архив Смоленской области. Ф. 1. Оп. 6. Д. 48. Л. 4 об, 5.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Согласно новому положению сроки действительной военной службы в пехоте и полевой артиллерии были сокращены с 5 до 3 лет, в других рядах войск с 5 до 4 лет, на флоте с 7 до 5 лет.

² Например, за 10 лет (с 1890 по 1899 г.) из Смоленской губернии на службу призвали 38 998 человек, из которых закончили высшие и средние учебные заведения 39 человек (0,1 проц.), городские училища — 486 (1,25 проц.), сельские училища — 3861 (9,9 проц.). Умеющих читать и писать насчитывалось 14 396 человек (36,9 проц.), общее число грамотных новобранцев составило 18 782 человека (48,16 проц.). Усредненный показатель за 10 лет по Смоленской губернии числа грамотных новобранцев приблизительно совпадает с показателем грамотности за 1895 г. по другим губерниям: Калужская — 57 проц., Курская — 37,5 проц., Псковская — 37,9 проц. См.: Очерк положения начального народного образования в Смоленской губернии в 1897/98 учебном году. Смоленск: Изд. Смоленской губернской земской управы, 1901. С. 33—36.

³ Согласно данным на 1911 г. в Смоленской губернии квартировали: г. Смоленск — управление и штаб 13-го армейского корпуса, 1-я пехотная дивизия, 1-я артиллерийская бригада, 2-й пехотный Софийский императора Александра III полк, 3-й пехотный Нарвский

генерал-фельдмаршала князя Михаила Голицына полк, 4-й пехотный Копорский полк, 13-й саперный батальон; г. Рославль — 1-й пехотный Невский его величества короля эллинов полк; г. Вязьма — 3-й тяжелый артиллерийский дивизион, 1-я батарея 1-й артиллерийской бригады; г. Гжатск — 1-я и 2-я батареи 13-го мортирного артиллерийского дивизиона; в этих и других городах губернии (Белый, Дорогобуж, Духовщина, Ельня, Красный, Поречье, Сычевка, Юхнов) имелись управления уездного воинского начальника в составе начальника и делопроизводителя. См.: Памятная книжка Смоленской губернии на 1911 год. Смоленск, 1910. С. 59, 93—95, 118, 134, 135, 149, 170, 185, 199, 310, 225, 243—245, 263, 280.

⁴ Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 6. Д. 48. Л. 4 об., 5.

⁵ Согласно данным на 1911 г. в Смоленской губернии имелось мужских учебных заведений: гимназий — 6 (1902 учащихся), прогимназий — 3 (414), реальных училищ — 4 (827), ремесленных училищ — 1 (154), духовных семинарий — 1 (439), духовных училищ — 4 (573), училищ — 944 (59 555), частных училищ — 20 (600), церковно-приходских школ и школ грамотности — 601 (22 201). Итого обучалось 86 665 юношей. См.: Ведомость о числе учебных заведений и учащихся в Смоленской губернии за 1911 г. // Обзор Смоленской губернии за 1911 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету Смоленского губернатора. Смоленск. 1912. Ведомость № VII).

⁶ Все даты приводятся по ст. стилю.

⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 48. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 15.

⁹ Ратное ополчение — резерв вооруженных сил, который созывался только на время войны, имел вспомогательное значение и состоял из лиц, отбывших срок действительной военной службы и в запасе, или по какому-либо причинам освобожденных ранее от службы, но физически годных к военному делу. В мирное время велся учет всех ополченцев, они могли быть призваны на учебные сборы всего не более двух раз на срок до 6 недель.

¹⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 48. Л. 20, 21, 21 об.

¹¹ Там же. Л. 11.

¹² Доклады редакционной комиссии. 1. По докладу губернской управы о созыве общеземского съезда по народному образованию // Журналы XLVI очередного Смоленского губернского земского собрания — заседания с 8 по 19 января 1911 г. с приложениями. Смоленск, 1911. С. 39.

¹³ В Смоленскую губернскую земскую управу губернского гласного А.Л. Скугаревского доклад // Журналы XLVII очередного Смоленского губернского земского собрания — заседания с 8 по 18 декабря 1911 г. с приложениями. Смоленск, 1912. С. 6.

¹⁴ Постановления первого общеземского съезда по народному образованию в Москве 16—30 августа 1911 г. М., 1911. С. 15, 16.

¹⁵ В 1912/13 учебном году в уезде насчитывалось 66 начальных школ.

¹⁶ Доклады сметной комиссии 46-му очередному земскому собранию // Журналы и доклады чрезвычайного Пореческого уездного земского собрания 18-го мая 1910 года. С. 250; Доклад Пореческой земской управы 1910 года. По обучению детей в начальных училищах строю и гимнастике № 37 // Журналы и доклады чрезвычайного Пореческого уездного земского собрания 18-го мая 1910 года. С. 317.

¹⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 49. Л. 7.

¹⁸ Там же. Л. 12.

¹⁹ Там же. Л. 11.

²⁰ Иван Иванович Русаков — крестьянин Калужской губернии, Мединского уезда, села Полотняный завод. Окончил московское городское Петровско-Лефортовское начальное училище. В 1892 г. поступил на работу бухгалтером к смоленскому купцу Г.П. Павлову, в том же году принял участие в создании вспомогательного общества купеческих приказчиков, с началом его деятельности вошел в правление и работал бухгалтером. С 1902 г. являлся членом попечительного совета в торговых классах при обществе. С сентября 1903 г. председателем правления и почетный член шейновско-новосельской-рачевской пожарной дружины (впоследствии — Смоленское пригородное общество). В мае 1911 г. на собрании боровской пожарной дружины избран председателем правления и почетным попечителем. С 1905 по 1915 г. числился в списках гласных Смоленской городской думы, вошел в сословие потомственных почетных граждан.

²¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 48. Л. 23.

²² Пребывание их величеств в Смоленске // Смоленские епархиальные ведомости. 193. № 17. С. 999, 1001.

²³ Действительный член императорского российского пожарного общества. Боровская пожарная дружина Смоленской губернии и уезда, Хохловской волости, деревня Боровая. Отчет за 1912 и 1913 гг. Смоленск, 1914. С. 8, 9.

²⁴ Там же. С. 5.

²⁵ Там же. С. 20, 21.

²⁶ Перелет Петербург — Смоленск // Смоленский вестник. 1914. № 151. 11 июля.

Л.Л. СТЕПЧЕНКОВ

«РОДНОЙ ЯЗЫК ЕСТЬ ДЛЯ РУССКОГО ЮНОШИ ПРЕДМЕТ САМЫЙ ВАЖНЫЙ»

Гуманитарной подготовке будущих офицеров русской армии в середине XIX — начале XX века уделялось особое внимание

Система военного образования в Российской Империи, начало которой было положено Петром I, не раз реформировалась и видоизменялась, но ее основной принцип — функционирование связанных между собой общеобразовательных и специальных военных учебных заведений — неизменно сохранялся вплоть до 1917 года. При этом в кадетских корпусах, военных гимназиях и даже юнкерских училищах, где наряду с военными училищами осуществлялась уже профессиональная подготовка офицеров, большое внимание уделялось гуманитарным предметам. Это является свидетельством того, что государство хотело видеть в офицерах русской армии людей всесторонне образованных. Недаром в «Инструкции по воспитательной части для военных гимназий и прогимназий», утвержденной в январе 1882 года, указывалось: «Цель воспитания состоит в том, чтобы развить в душе питомца нравственную норму во всей ее чистоте...». Авторы предлагаемой вниманию читателей статьи на конкретных примерах показывают роль и место гуманитарных дисциплин в подготовке будущих офицеров русской армии.

НА ПРОТЯЖЕНИИ многих десятилетий кадетские корпуса являлись основным типом учебных заведений для подготовки будущих офицеров. При этом в соответствии с «Наставлением для образования воспитанников военно-учебных заведений», принятом в 1848 году, программой обучения в кадетских корпусах предусматривалось преподавание предметов общеобразовательных (Закон Божий, русский язык, французский и немецкий языки), математических (математика, механика), естественных (естественная история, физика, химия с минералогией, физическая география), военных (тактика, артиллерия, фортификация, воинские уставы, топография, топографическое, артиллерийское, фортификационное черчение) и политических. К последним тогда относились география, история, статистика, законоведение¹. Обязательными предметами гуманитарного цикла в течение всего периода обучения были русский язык, французский и немецкий языки, история, география, рисование, на которые отводилось значительное количество учебного времени (например, на русский язык выделялось 2—4 часа ежедневно, на историю — 3—4 часа, на иностранные языки — 6—8 часов)².

Основой гуманитарной подготовки будущих офицеров было изучение русского языка. В «Наставлении...» прямо указывалось, что «из предметов учения родной язык есть для русского юноши предмет самый важный. Если другие науки он должен знать удовлетворительно, то язык русский он должен знать в совершенстве; это язык, которым он думает; этим языком думали его отцы; им же должны думать и его дети. Воспитанникам военно-учебных заведений должно быть рас-

крыто все его богатство: и грамматическое, и литературное»³. Объем и содержание изучения русского языка в военно-учебных заведениях должны были быть такими, чтобы воспитанники говорили и писали на родном языке грамматически правильно, знали основательно литературу, причем даже с зарубежной литературой предпочтительно было знакомиться в переводе на русский язык. Разумеется, это не значило, что запрещалось читать иностранных писателей в оригинале.

С 1863—1864 гг. в результате военной реформы, проведенной военным министром Д.А. Милютиным, и с ликвидацией кадетских корпусов будущие офицеры стали получать образование в учебных заведениях двух типов, обеспечивавших предварительную (общеобразовательные военные гимназии и прогимназии) и непосредственную (военные и юнкерские училища) военно-профессиональную подготовку. Изменилась система подготовки офицерских кадров, но сохранилась гуманитарная направленность обучения и воспитания будущих офицеров. При этом военные гимназии, формировавшиеся на основе младших и средних классов кадетских корпусов, давали будущим офицерам более фундаментальную подготовку, чем прогимназии. В утвержденном Александром II положении говорилось: «Военные гимназии вообще имеют целью доставить детям дворян, предназначенным к военной службе, пригласительное общее образование и воспитание и служат вместе с тем пригласительными заведениями для поступления в военные училища»⁴.

Образовательный курс военных прогимназий был рассчитан на 4 года и включал следующие гуманитарные предметы: Закон Божий (2—3 часа в неделю, в зависимости от года обучения), русский язык (4—6 часов), историю (3—4 часа с третьего класса), географию (3 часа со второго класса), чистописание (1—4 часа до четвертого класса), естествоведение (1—2 часа), рисование (1—3 часа).

До 1873—1874 гг. учебный курс военных гимназий был шестилетним, причем обучению в трех младших классах был придан характер преимущественно подготовительный. Затем обучение было на один год продлено. Учебным планом предусматривалось изучение следующих гуманитарных предметов: Закона Божьего (2—3 часа в неделю), русского языка с церковнославянским и словесности (5—6 часов в неделю, в зависимости от года обучения), французского и немецкого языков (3—6 часов для каждого языка), истории (2 часа), чистописания (1—2 часа), рисования (1—2 часа), географии (1—2 часа), естественной истории (2—3 часа)⁵. Кроме того, на протяжении всего курса воспитанники занимались строевыми упражнениями, гимнастикой, плаванием, танцами, пением, музыкой, различными ремеслами, в гимназиях также широко практиковалось посещение театров, выставок, музеев. По количеству уроков в неделю военные гимназии обгоняли как классические гимназии, так и реальные училища (210 против 207 и 201 соответственно).

По-прежнему значительное внимание на занятиях по русскому языку в военных гимназиях и прогимназиях уделялось изучению русской и иностранной литературы. При этом в зависимости от возраста воспитанников им рекомендовалось читать книги различного содержания. В качестве примера приведем выдержки из каталога книг, предложенных Главным управлением военно-учебных заведений (ГУВУЗ) для чтения воспитанникам военных гимназий⁶.

Воспитанникам от 10 до 13 лет (младшего возраста) рекомендовалось для чтения сказки А.С. Пушкина «О рыбаке и рыбке», «О царе Салтане», «О мертвой царевне и семи богатырях»; из полного собрания сочинений В.А. Жуковского — «Овсяный кисель», «Красный карбункул», «Деревенский сторож», «Сказка о царе Берендее»; произведения А.В. Кольцова для юношества; «Робинзон Крузо» Д. Дефо; «Путешествие Гулливера в отдаленные страны» Д. Свифта; сказки Г.Х. Андерсена; «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу; главы из «Одиссеи» Гомера в пересказе Выпеславцева; рассказы о греческих героях; «Детские годы Багрова-внука» С.Т. Аксакова; У. Шекспир, рассказанные детям Мери и Чарльзом Ламбами; произведения Т. Майн Рида и др.

Воспитанникам от 12 до 15 лет (среднего возраста) рекомендовалось для чтения «История государства Российского» Н.М. Карамзина; «Очерки из истории и народных сказаний» Грубе; жизнеописания Плутарха; Геродот и его повествования в рассказах для детей; произведения В.А. Жуковского, С.Т. Аксакова; жизнеописания замечательных людей: Роберта Фултона, Георга и Роберта Стефенсонов и др.

Воспитанникам от 14 до 17 лет (старшего возраста) рекомендовалось для чтения «История России» С.М. Соловьева; жизнеописание Богдана Хмельницкого, «Бунт Стеньки Разина» Н.И. Костомарова; «Эллада» и «Рим» доктора Вагнера; «Фрегат Паллада» И.А. Гончарова; «Два океана» Ж. Араго и др.

• ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ •

Помимо этого воспитанники среднего и старшего возрастов должны были читать сочинения русских писателей Г.Р. Державина, Д.И. Фонвизина, В.А. Озерова, К.Н. Батюшкова, М.Н. Загоскина, И.И. Лажечникова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.В. Кольцова, И.И. Козлова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Д.В. Григоровича, Л.Н. Толстого, А.К. Толстого, А.С. Грибоедова, а также иностранных писателей в русских переводах — И. Гете, Ф. Шиллера, У. Шекспира, В. Скотта, Ч. Диккенса, У. Теккерея.

«От окончивших курс в военных гимназиях, — говорилось в «Инструкции», подготовленной ГВУЗом, — требуется знание не историко-литературных заметок об образцах словесности, указанных в программе, а знание самих образцов, основанное на непосредственном изучении»⁸.

ПОСЛЕ упразднения в 1882 году военных гимназий и прогимназий и восстановления кадетских корпусов преобразование в гуманитарном образовании будущих офицеров все же была оставлена. Так, 11 февраля 1886 года было утверждено «Положение о кадетских корпусах», которое сохраняло в них общеобразовательный курс в прежнем его военно-гимназическом объеме. Учебная программа в восстановленных кадетских корпусах была рассчитана на 7 классов и включала следующие гуманитарные предметы: Закон Божий (2 часа в неделю), русский язык и словесность (4—5 часов), французский язык (2—6 часов, в зависимости от класса), немецкий язык (2—6 часов), естественную историю (2 часа), географию (2 часа), историю (2—4 часа), законоведение (2 часа в неделю в старших классах)⁹.

Как видим, преподаванию предметов гуманитарного цикла в подготовительных военно-учебных заведениях уделялось значительное внимание, причем обучение велось на достаточно высоком уровне. Например, выпускник военной прогимназии, освоивший курс русского языка, должен был показывать «правильное, толковое и выразительное чтение, с умением просто, ясно и связно синтаксически и письменно изложить прочитанное, проводить синтаксический разбор предложений, уметь читать на церковно-славянском языке с переводом прочитанных глав Евангелия на русский язык»¹⁰.

Гуманитарная направленность обучения сохранялась и в военно-учебных заведениях, осуществлявших непосредственную подготовку офицеров. Учебный план юнкерского училища предусматривал изучение следующих гуманитарных предметов: Закона Божьего (4 часа в неделю), русского языка и литературы (4—5 часов), географии (1—2 часа), истории (2 часа), методики обучения нижних чинов (1 час), военного законодательства (1—2 часа)¹¹.

Программы подготовки юнкеров в военных училищах предусматривали изучение следующих гуманитарных предметов: Закона Божьего (1 час в неделю), русского языка (4 часа), французского и немецкого языков (по 2 часа), новейшей политической истории (2 часа). Нетрудно увидеть, что и в этих военно-учебных заведениях значительное внимание уделялось изучению русского языка, курс которого и в военных, и в юнкерских училищах должен был «учить правильному письму и логическому изложению мыслей и знакомить учащихся с произведениями лучших писателей»¹².

Важность преподавания в военных вузах русского языка можно продемонстрировать словами российского педагога А.П. Флорова: «Школа, помогая детям усвоить родной язык, научая их процессам мысли — слова, выполняет вместе с тем и свою высшую миссию: она делает своих питомцев обладателями могучего средства духовного развития личности и общественного единения»¹³.

Значительное внимание в военно-учебных заведениях Российской Империи уделялось изучению так называемых политических наук. Еще в «Наставлении для образования воспитанников военно-учебных заведений» отмечалось: «Политические науки составляют для воспитанников военно-учебных заведений и важное средство умственного развития, и необходимое условие образования человека в обществе, которому он принадлежит многообразно и как член семейства, и как житель государства, и как оберегатель порядка, спокойствия, безопасности и славы своего Отечества»¹⁴. Поэтому главная цель преподавания политических наук кадетам и юнкерам заключалась в том, «чтобы ознакомить молодых людей с положением и с обязанностями человека в обществе; вкоренить в них теплое и твердое убеждение, что жизнь общественная составляет необходимое условие земного существования человека; что это условие достигается подчинением всех частных волей и всех частных сил одной общей воле и одной общей силе, именуемых Верховной властью; что при этом только условия общества совершенствуются и благоденствуют и что преданность Верховной власти есть необходимое основа-

ние блага людей, общество составляющих, — а поэтому — и святая для них обязанность»¹⁵. В «Наставлении...» особо подчеркивалось, что «изучение человека как нравственно-разумного существа, предназначенного жить вместе с себе подобными, — вот направление, по которому должно быть ведено преподавание наук политических»¹⁶.

Изучение политических наук предусматривало:

- 1) в географии — познание земли как жилища человека;
- 2) в истории — познание прежней судьбы общества;
- 3) в статистике — познание настоящего состояния общества;
- 4) в законоведении — познание отношений и обязанностей, которые имеет человек как член общества»¹⁷.

Основой всего исторического курса военно-учебных заведений была следующая мысль: «Жизнь общества складывается из жизни частных лиц, общество составляющих, и поэтому ни где столько, как в ней, не найдет человек доказательств, что его собственное благо нераздельно с благом всего общества, среди которого он живет, и что благо общественное зиждется преданностью и любовью всех, а в их числе и его самого, к вере и законам своей страны и ко власти, дарующей и охраняющей сии законы для блага каждого и всех»¹⁸.

Преподавание истории в зависимости от возраста воспитанников военно-учебных заведений последовательно включало: Священную историю Ветхого Завета, русскую историю, древнюю, среднюю и новую историю, историю Отечества, политическую историю.

При этом преподаватель мог и должен был «сохранять свою самостоятельность и в подробностях изложения предмета, и в приемах и способах изложения учебного материала»¹⁹.

Изучение географии предусматривало следующую цель: «...Чтобы кадет привык представлять себе землю членом общего организма вселенной и, заучивая наименования разных предметов, на земле находящихся, привык понимать эти наименования не как собрание слов, а как признаки, по которым он должен составить себе представление о самих этих предметах; надобно, чтобы он знал не слова, а предметы, которые этими словами обозначаются, и взаимную связь этих предметов между собой»²⁰.

В военно-учебных заведениях изучались также общая география и география России, при этом физическая география по сравнению с политической занимала главенствующее положение.

Задачей изучения статистики было «показать, каким образом государство (какое бы то ни было) достигает цели всех вообще государств — благоденствия общественного и частного, каждое при определенных условиях своей местности, при определенном количестве и составе своего народонаселения, при определенной деятельности своего народа, возбуждаемой, направляемой и ограничиваемой своим правительством»²¹.

ОСОБОЕ внимание в подготовке будущих офицеров уделялось такой дисциплине, как «Законоведение (военное законоведение)». Анализ учебных программ кадетских корпусов, военных училищ и академий показывает, что данная дисциплина являлась обязательной для изучения в военно-учебных заведениях всех уровней. Цель преподавания «Военного законоведения» заключалась в том, чтобы «дать воспитанникам четкие понятия о государственном управлении, чтобы они не только могли понимать смысл тех государственных мер и учреждений, которые их будут окружать в жизни, но чтобы прониклись также сознанием необходимости государственного порядка, важности обязанностей военнослужащего и вынесли из курса ясные представления о тех непреложных началах, без которых невозможно никакое правильное общежитие»²².

В учебных программах по законоведению излагались основные цели, задачи и принципы преподавания данной дисциплины в военно-учебных заведениях. Кроме познаний о законодательстве собственном военном, прямо отвечающем военному назначению выпускников, необходимым было и познание общих законов своего Отечества. В «Наставлении...» 1848 года отмечалось: «Обучение законоведению в военно-учебных заведениях должно составлять предмет образования и общего, и специально-военного... офицер тем яснее и полнее будет понимать свои непосредственные обязанности, чем лучше будет знать обязанности свои как член общества и как верноподданный своего Государя».

В программах также были четко определены цели изучения предмета «Законоведение». При этом от иллюзорных целей, таких, как, например, изучить все законодательство Российской Империи, сразу отказались. Воспитаннику военно-учебного заведения не столь важно было запомнить «большую массу фактов, относящихся к законодательству России, сколько необходимо было развить свои понятия об основных

истинах, из которых проистекает и на которых утверждается законодательство всякого вообще благоустроенного Государства, и уже затем получить знания о духе законодательства собственно отечественного». В «Руководстве законоведения» для военно-учебных заведений (1854 г.) говорилось о том, что сила закона прежде всего есть сила чисто нравственная, и повиновение ему должно быть основано не на страхе и принуждении, а на совести. Таким образом, в ходе изучения дисциплины «Законоведение» предполагалось в первую очередь давать слушателям мировоззренческие знания о роли и значении права, принципах правового регулирования.

Только после изучения в таком духе и объеме государственного и гражданского законодательства Российской Империи кадеты и юнкера приступали к подробному изучению военного законодательства. В специальной части военного законоведения говорилось о том, что оно должно иметь в виду разъяснение юнкерам с достаточной подробностью основных начал уголовного и судебного права, чтобы дать им возможность впоследствии сознательно исполнять их обязанности в полковом и в военном судах²³.

К каждому служившему по военному ведомству предъявлялись жесткие требования по знанию и соблюдению нормативно-правовых актов Российской Империи. В частности, в «Общих обязанностях служащих по военному ведомству» отмечалось, что всякий служащий должен поставить себе в непрерывную обязанность знать все государственные уставы и законы и непременно выполнять их. «Никто из служащих не должен простираť власти своей за пределы, предназначенные оной законом. Никто из служащих в исполнении возложенных на него обязанностей не должен смотреть ни на какое лицо, ни на какие предложения, а тем менее на партикулярные письма, хотя бы от первейших лиц государства, но обязан исправлять свое дело по точной силе и словам законов»²⁴.

Давая оценку гуманитарной составляющей обучения и воспитания кадет и юнкеров, отметим, что она являлась важнейшим элементом военно-профессиональной подготовки будущих офицеров русской армии, обеспечивающим их широкий кругозор и высокую культуру.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. СПб., 1849. С. 39.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 25.

⁴ Прогимназия учреждена в 1864 г. Это 4-классное учебное заведение, соответствовавшее четырем младшим классам гимназии. Выпускники могли без экзаменов поступать в следующий класс гимназии. В 1868 г. было принято решение о преобразовании военно-начальных школ в прогимназии, которые должны были готовить юношей для поступления в юнкерские училища. В прогимназиях учились мальчики от 12—14 до 15—17 лет.

⁵ Положение о военных гимназиях, высочайше утвержденное 15 октября 1866 г. // Полн. собр. законов Российской Империи (ПСЗ). Собр. 2. Т. 41. СПб., 1868. С. 132.

⁶ Лалаев М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. СПб., 1880. Ч. 2. С. 246.

⁷ Педагогический сборник. 1865. Кн. IX. С. 59—70.

⁸ Педагогический сборник. 1869. № 1. С. 8.

⁹ Столетие Военного министерства. 1802—1892. ГВУЗ. Исторический очерк. СПб., 1914. Ч. 3. С. 149.

¹⁰ Инструкция по воспитательной части для военных прогимназий. СПб., 1879.

¹¹ Лалаев М.С. Указ. соч. С. 97, 98.

¹² Петров А.Н. Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Императорского военно-сиротского дома. 1798—1898. СПб., 1898. С. 601.

¹³ Флеров А.П. Родной язык в школе // Педагогический сборник. СПб., 1903. Кн. IX. С. 197.

¹⁴ Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. СПб., 1849. С. 89.

¹⁵ Там же. С. 90.

¹⁶ Там же. С. 91.

¹⁷ Там же. С. 92.

¹⁸ Там же. С. 95.

¹⁹ Там же. С. 101, 102.

²⁰ Там же. С. 115.

²¹ Там же. С. 123, 124.

²² Там же. С. 132.

²³ См.: Учебные руководства для военно-учебных заведений. Руководство законоведения. Курс II спецкласса. Военные законы. СПб., 1854.

²⁴ См.: Свод военных постановлений 1869 года. СПб., 1839. Ч. 2. Кн. I.

**Полковник В.М. КОРОВИН;
полковник В.А. СВИРИДОВ**

№1 2006

WWW.MIL.RU

«Военно-исторический журнал» ИНТЕРНЕТ-ПРИЛОЖЕНИЕ

Первый номер интернет-издания «Военно-исторический журнал. Интернет-приложение» читайте на главной странице официального сайта Министерства обороны РФ (www.mil.ru). Предлагаем нашим читателям ознакомиться с содержанием номера.

• ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

В.Т. Иминов — Основные этапы и направления деятельности Генерального штаба армии Российской Империи

Г.М. Сутормин — «...Добиваться лишь одной награды — торжества справедливости»

• ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1941—1945 гг.

Боевая и диверсионная деятельность партизанских соединений на Украине в 1943 году. Публикация Ю.А. Глушковой

• ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

Е.П. Толмачев — Специальные средние школы военно-воздушных сил. 1940—1955 гг.

• ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ МЫСЛИ

И.С. Даниленко — Эпистолярное наследие выдающегося военного теоретика генерал-лейтенанта А.Е. Снесарева. 1914—1917 гг.

• ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ

Фронтовые письма А.Е. Снесарева с 27 июня по 22 октября 1914 года в бытность начальником штаба 2-й казачьей Сводной дивизии. Публикация И.С. Даниленко

• ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Д.Ю. Козлов — Флотилия английских подводных лодок на Балтике в 1917—1918 гг.

• ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Н.С. Кирмель — Разведывательные и контрразведывательные органы Белой армии. 1918—1920 гг.

• ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Ревизор и тайный советник императора Николая II. Публикация В.М. Крылова

• АРМИЯ. ОБЩЕСТВО. КОНФЕССИИ

«Спасите же Россию... от немецкой неволи, которая страшнее была бы барщины!» Публикация М.А. Бабкина

• ЛЕТОПИСЬ ПОЛКОВ РОССИЙСКИХ

А.А. Михайлов — Воинские формирования в Псковской губернии. XIX — начало XX в. Публикация А.В. Островского

• ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ

В.В. Федоткина — Судьба комиссара

• ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

А.Н. Гурковский — Дело подследственного бригадного комиссара. Рязанская тюрьма 1937—1939 гг.

• ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Н.Л. Лободюк — В творческом дозоре. К 100-летию журнала «Пограничник»

Требования к оформлению рукописей для опубликования в интернет-издании см.: «Воен. истор. журнал». 2006. №1. с. 33.; «Воен.-истор. журнал. Интернет-приложение». 2006. №1 (www.mil.ru)

КОНКУРС

Криптограмма «К 90-летию Брусиловского прорыва»

В таблице в незаполненных клеточках проставьте буквы и соответствующие им числа, в заданиях и тексте вместо чисел поставьте соответствующие им буквы.

Ключевые слова:

26	28	6	15	25	15	6	26	11	8	17		6	3	25	8
С	у	в	о	р	о	в	с	к	а	я		в	е	р	а

6		25	28	26	26	11	15	5	15		26	15	12	4	8	27	8
в		р	у	с	с	к	о	г	о		с	о	л	д	а	т	а

8		6	5	4	3					11	12			15	
А		В	Г	Д	Е					К	Л			О	

25	26	27	28													17
Р	С	Т	У													Я

Задания

1. Наиболее поздний по сравнению с другими род кавалерии, 19-летним офицером которого стал Алексей Алексеевич Брусилов по окончании в 1872 году Пажеского его императорского величества корпуса — 4, 25, 8, 5, 28, 14, 21.

2. Ордена, которыми был награжден А.А. Брусилов за отличия в боях с турками во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.:

а) 26, 6, 17, 27, 15, 5, 15/26, 27, 8, 14, 9, 26, 12, 8, 6, 8/27, 25, 3, 27, 20, 3, 10/26, 27, 3, 16, 3, 14, 9/26/13, 3, 32, 8, 13, 9/9/7, 8, 14, 27, 15, 13;

б) 26, 6, 17, 27, 15, 10/8, 14, 14, 21/27, 25, 3, 27, 20, 3, 10/26, 27, 3, 16, 3, 14, 9/26/13, 3, 32, 8, 13, 9/9/7, 8, 14, 27, 15, 13;

в) 26, 6, 17, 27, 15, 5, 15/26, 27, 8, 14, 9, 26, 12, 8, 6, 8/6, 27, 15, 25, 15, 10/26, 27, 3, 16, 3, 14, 9/26/13, 3, 32, 8, 13, 9/9/7, 8, 14, 27, 15, 13.

3. Армия Юго-Западного фронта, которую в начале Первой мировой войны возглавил генерал от кавалерии А.А. Брусилов — 6, 15, 26, 20, 13, 8, 17.

4. Генерал, начальник штаба указанной выше армии, так охарактеризованный своим командующим: «Это был человек умный, знающий, энергичный и в высшей степени трудолюбивый...» — 16/14/12, 15, 13, 14, 15, 6, 26, 11, 9, 10.

5. Генерал, участник Балканских войн 1913 года, болгарин, который с началом Первой мировой войны, когда Болгария оказалась во враждебном России лагере, поступил на русскую службу и командовал 12-м корпусом в брусиловской армии — 4/25/25, 8, 4, 11, 15 - 4, 13, 9, 27, 25, 9, 3, 6.

6. Генералы, которые начинали войну в армии А.А. Брусилова в должностях:

а) генерал-квартирмейстера штаба армии — 8/9/4, 3, 14, 9, 11, 9, 14;

б) начальника 12-й кавалерийской дивизии — 8/13/11, 8, 12, 3, 4, 9, 14;

в) начальника 48-й пехотной дивизии — 12/5/11, 15, 25, 14, 9, 12, 15, 6.

7. Первая операция, успешно проведенная А.А. Брусиловым в начале августа 1914 года в должности крупного военачальника — командующего армией — 26, 25, 8, 2, 3, 14, 9, 3/14, 8/25, 3, 11, 3/5, 14, 9, 12, 8, 17/12, 9, 16, 8.

8. Одна из крупнейших битв Первой мировой войны, в ходе которой в сентябре 1914 года А.А. Брусилов в течение нескольких недель сформировался как талантливый военачальник и приобрел успешный опыт руководства большими массами войск в боевой обстановке — 5, 8, 12, 9, 31, 9, 10, 26, 11, 8, 17/7, 9, 27, 6, 8.

9. Ордена, которых в сентябре 1914 года был удостоен А.А. Брусилов за организацию успешных боевых действий вверенной ему армии в указанной выше операции:

а) 26, 6, 17, 27, 15, 5, 15/5, 3, 15, 25, 5, 9, 17/32, 3, 27, 6, 3, 25, 27, 15, 10/26, 27, 3, 16, 3, 14, 9;

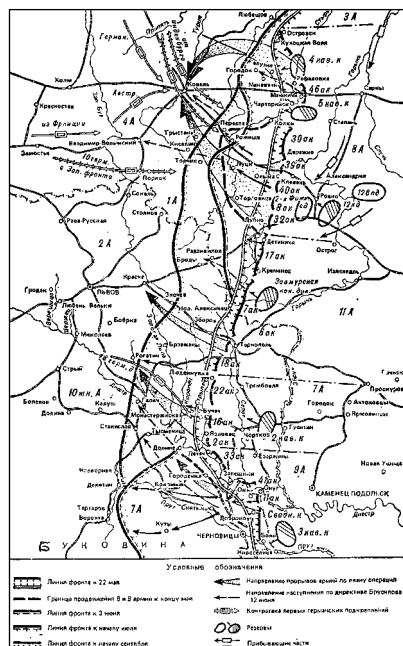
б) 26, 6, 17, 27, 15, 5, 15/5, 3, 15, 25, 5, 9, 17/27, 25, 3, 27, 20, 3, 10/26, 27, 3, 16, 3, 14, 9.

10. Решающий фактор в становлении полководческого таланта А.А. Брусилова — 26, 27, 25, 3, 13, 12, 3, 14, 9, 3/11/14, 8, 26, 27, 28, 16, 12, 3, 14, 9, 18/13, 8, 14, 3, 6, 25, 28/9/14, 3, 16, 25, 3, 13, 3, 14, 14, 15, 13, 28/25, 8, 1, 5, 25, 15, 13, 28/6, 25, 8, 2, 3, 26, 11, 9, 30/6, 15, 10, 26, 11.

11. Генерал, от которого в марте 1916 года генерал-адъютант А.А. Брусилов принял должность главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта — 14/9/9, 6, 8, 14, 15, 6.

12. Генералы, командующие армиями, входившими в боевой состав Юго-Западного фронта в 1916 году:

а) 8-й — 8/13/11, 8, 12, 3, 4, 9, 14;

б) 11-й — 6/6/26, 8, 30, 8, 25, 15, 6;
в) 7-й — 4/5/23, 3, 25, 7, 8, 32, 3, 6;
г) 9-й — 16/8/12, 3, 32, 9, 31, 11, 9, 10.

13. Задача, поставленная Ставкой перед Юго-Западным фронтом — 14, 8, 14, 3, 26, 27, 9/6, 26, 16, 15, 13, 15, 5, 8, 27, 3, 12, 20, 14, 21, 10/28, 4, 8, 25.

14. Реки, между которыми 5 июня 8, 9 и 11-й армии, 6 июня 1916 года* 7-я армия Юго-Западного фронта на всем его 450-км протяжении атаковали австро-венгерские позиции — 26, 27, 21, 25, 20/9/16, 25, 28, 27.

15. Генерал, крупнейший русский военный инженер, руководивший инженерным обеспечением атаки, работу которого очень высоко ценил А.А. Брусилов — 11/9/6, 3, 12, 9, 32, 11, 15.

16. Отдельные периоды наступательной стратегической операции Юго-Западного фронта летом 1916 года:

а) 16, 25, 15, 25, 21, 6/8, 6, 26, 27, 25, 9, 10, 26, 11, 15, 5, 15/29, 25, 15, 14, 27, 8;

б) 25, 8, 1, 6, 9, 27, 9, 3/19, 27, 15, 5, 15/16, 25, 15, 25, 21, 6, 8;

в) 7, 15, 9/14, 8/25, 3, 11, 3/26, 27, 15, 30, 15, 3/26/16, 15, 4, 15, 24, 3, 4, 24, 9, 13, 9/5, 3, 25, 13, 8, 14, 26, 11, 9, 13, 9/25, 3, 1, 3, 25, 6, 8, 13, 9.

17. Направление, на котором был сосредоточен более сильный кулак Юго-Западного фронта для облегчения намеченного главного удара Западного фронта — 6, 12, 8, 4, 9, 13, 9, 25, 15 — 6, 15, 12, 21, 14, 26, 11, 15, 3.

18. Главное операционное направление Юго-Западного фронта, на котором была сосредоточена слабая группировка русских сил — 12, 20, 6, 15, 6, 26, 11, 15, 3.

* Даты приводятся по новому стилю.

	1	14	8	32	3	14	9	3		7	25	28	26	9	12	15	6	8		11	8	11		16	15	12	11	15	6	15	4
31	9	17		11	25	28	16	14	15	5	15		13	8	26	24	27	8	7	8		26		15	4	14	15	6	25	3	31
8	14	15	5	15		9	26	11	28	26	26	27	6	8	:	27	23	8	27	3	12	20	14	15	26	27	20		16	13	8
25	14	9		9		8	6	9	8	31	9	9	,	6	14	3	1	8	16	14	15	26	27	20		28	4	8	15	3	
3	3	9		15	16	3	25	8	27	9	6	14	15	10		5	12	28	7	9	14	3	,	28	13	3	12	25	4	14	6
16	15	25	6	6	9	12	9		6		19	27	15	10		15	16	3	25	8	31	9	9		6	21	28	8	5	14	
15	6	3		17	3		9	26	11	28	26	26	27	6	15		26	27	25	3	12	20	7	21	.	26	18		15	21	27
		12	8	15	15	ЗНАМЕНИТЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1853 1926 А.А. БРУСИЛОВ																				15		14	27	13	15
17	15	12	6	25	11																					11	7	8	15		13
8	5	9	21	16	15																					15	15		6	16	,
14	15	27	25		26																					3	25	14	11	25	32
20	11	25	15	21	21																						20	3	9	15	27
12	26	8	25	25	6																					7	7	26		25	15
3	26		16	3	—																					15	28	11	14	21	
27	28	3		31	21																					3		15	8	6	16
8	25	9	3	9	27																					6	26	12	26	15	25
16		14	9	29	26																					15		20	27	13	9
28	21	8	27	15	9																					3	6	11	28		
27	27	6	9		25																						25	9	16	29	14
26	25	15	6	9	3																					13	8	30	12	25	3
8	3	1	1		12																					8	2		3	15	13
14	32	20	8	21	12																					26	3	14	14	14	
		12	25	27	9	27	26	8	9	27	6																				
8	3	15	,	8	27	3	11	16	17	8	16																				
14	21	16	17	4	25	8		8	,	15	6	27	26	10	15	25	3	5		9		15	6	27	26	25	9	25			3
3	6	26	13	12	15	26		3	9	11	26	26	28	25	.	9	13	8	6	25	3	1	3	25		9	13	8	14	14	25
12	15	9	3	25	6		3	2		15	27		9		15	14	4	15		6		30	17	9	14	3	12	6	8	8	6
6	14		3	15	14	14	8	13	28	4	15	25	16	,	3	27	14	15	25	29		13	15	11	15	25	9	24			21
27		8	12	9	6	17	21	6		8	14	15	.	30	17	9	14	3	12	6	8	25	16	8	14		9	27	17	16	3
26	3	23	28	26	15		8	12	21	7		3	14	10	15	6		10	15	14	14	15	9	31	9	1	15	16		6	

ЗНАМЕНИТЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1853

1926

А.А. БРУСИЛОВ

19. Название боевых действий 8-й армии, наносившей главный удар и успешно осуществившей прорыв на 16-км участке Носовичи — Корыто — 12, 28, 31, 11, 9, 10/16, 25, 15, 25, 21, 6.

20. Название менее успешных боевых действий 11-й армии, прорывавшей фронт на 11-км участке по шоссе Езерно — Тарнополь — 16, 25, 15, 25, 21, 6/28/26, 15, 11, 15, 12, 15, 6, 8.

21. Название операции 7-й армии, прорыв которой на 7-км участке у Язловца между Бучачем и Днестром явился образцом решительных действий армии, получившей задачу нанести вспомогательный удар — 17, 1, 12, 15, 6, 3, 31, 11, 8, 17/15, 16, 3, 25, 8, 31, 9, 17.

22. Название операции 9-й армии, прорывавшей фронт на 11-км участке Онут — Доброноуц к югу от Днестра; успех армии, примыкавшей к русско-румынской границе и наиболее угрожавшей Венгрии, был достигнут большими потерями — 32, 3, 25, 14, 15, 6, 9, 31, 11, 8, 17/15, 16, 3, 25, 8, 31, 9, 17.

23. Город, в обход которого с севера со стороны города Сарны кавалерийский корпус имел задачу прорыва с целью разгромить тылы противника: разогнать штабы, уничтожить склады, посеять панику — 11, 15, 6, 3, 12, 20.

24. Генералы, главнокомандующие соответственно армиями Северного и Западного фронтов, которые своей нерешительностью и запоздалыми действиями не оказали должной помощи наступлению Юго-Западного фронта:

а) 8/14/11, 28, 25, 15, 16, 8, 27, 11, 9, 14;

б) 8/3/19, 6, 3, 25, 27.

25. Город, у которого армии Западного фронта в июле 1916 года не справились с задачей прорыва сильно укрепленного германского позиционного фронта — 7, 8, 25, 8, 14, 15, 6, 9, 32, 9.

26. Река, на которой подошедшие германские резервы укрепились, развитие прорыва к 14 июля 1916 года прекратилось, боевые действия на правом фланге Юго-Западного фронта превратились в ряд самостоятельных боев — 26, 27, 15, 30, 15, 4.

27. Историческое название территории современной Черновицкой области Украины, которая была в июле 1916 года занята 9-й армией Юго-Западного фронта, действовавшей на его левом фланге — 7, 28, 11, 15, 6, 9, 14, 8.

28. Основные положения метода прорыва мощной позиционной обороны противника, разработанные и осуществленные А.А. Брусиловым в наиболее яркой и поучительной наступательной операции Первой мировой войны, что явилось новым шагом в развитии военного дела:

28.1. Относительно использования артиллерии:

а) 15, 7, 23, 3, 3/28, 16, 25, 8, 6, 12, 3, 14, 9, 3/8, 25, 27, 9, 12, 12, 3, 25, 9, 10, 26, 11, 15, 10/8, 27, 8, 11, 15, 10/14, 8/11, 8, 2, 4, 15, 13/28, 32, 8, 26, 27, 11, 3/16, 25, 3, 4, 15, 26, 27, 8, 6, 12, 17, 12, 15, 26, 20/14, 8, 32, 8, 12, 20, 14, 9, 11, 28/1, 25, 28, 11, 15, 6, 15, 4, 9, 6, 24, 3, 13, 28/16, 3, 30, 15, 27, 14, 15, 10/8, 27, 8, 11, 15, 10;

б) 8, 25, 27, 9, 12, 12, 3, 25, 9, 10, 26, 11, 8, 17/8, 27, 8, 11, 8/32, 3, 27, 11, 15/25, 8, 1, 4, 3, 12, 17, 12, 8, 26, 20/14, 8/4, 6, 8/16, 3, 25, 9, 15, 4, 8/11, 8, 2, 4, 15, 13/9, 1/11, 15, 27, 15, 25, 21, 30/4, 9, 29, 29, 3, 25, 3, 14, 31, 9, 25, 15, 6, 8, 14, 14, 15/16, 25, 9, 13, 3, 14, 17, 12, 8, 26, 20/12, 3, 5, 11, 8, 17/17, 27, 17, 2, 3, 12, 8, 17/9/13, 15, 25, 27, 9, 25, 14, 8, 17/8, 25, 27, 9, 12, 12, 3, 25, 9, 17.

28.2. Относительно организации пехотной атаки:

а) 29, 25, 15, 14, 27/8, 27, 8, 11, 9/4, 15, 12, 2, 3, 14/7, 21, 27, 20/6/24, 9, 25, 9, 14, 28/14, 3/13, 3, 14, 3, 3/16, 17, 27, 14, 8, 4, 31, 8, 27, 9 — 4, 6, 8, 4, 31, 8, 27, 9/6, 3, 25, 26, 27/1, 32, 27, 15, 7, 21/26, 25, 3, 4, 14, 9, 3/8, 27, 8, 11, 28, 18, 23, 9, 3/32, 8, 26, 27, 9/14, 3/26, 27, 25, 8, 4, 8, 12, 9/15, 27/29, 12, 8, 14, 5, 15, 6, 15, 5, 15/15, 5, 14, 17/16, 25, 15, 27, 9, 6, 14, 9, 11, 8;

б) 14, 8, 26, 27, 28, 16, 8, 27, 20/16, 3, 30, 15, 27, 8/4, 15, 12, 2, 14, 8/6, 15, 12, 14, 8, 13, 9/31, 3, 16, 3, 10/1, 9, 4, 28, 23, 9, 13, 9/15, 4, 14, 8/1, 8/4, 25, 28, 5, 15, 10/14, 8/4, 9, 26, 27, 8, 14, 31, 9, 9/26, 27, 8/16, 17, 27, 9, 4, 3, 26, 17, 27, 9 — 4, 6, 28, 30, 26, 15, 27/24, 8, 5, 15, 6;

в) 27, 8, 11, 9, 30/6, 15, 12, 14/4, 12, 17/5, 12, 8, 6, 14, 15, 10/8, 27, 8, 11, 9/4, 15, 12, 2, 14, 15/7, 21, 27, 20/14, 3/13, 3, 14, 3, 3/27, 25, 3, 30 — 32, 3, 27, 21, 25, 3, 30;

г) 25, 3, 1, 3, 25, 6, 21/14, 8, 32, 8, 12, 20, 14, 9, 11, 15, 6/4, 9, 6, 9, 1, 9, 10/9/11, 15, 13, 8, 14, 4, 9, 25, 15, 6/11, 15, 25, 16, 28, 26, 15, 6/1, 14, 3/15, 27, 26, 27, 8, 6, 8, 17/1, 16, 25, 15, 4, 6, 9, 5, 8, 18, 27, 26, 17/1, 8/16, 3, 25, 3, 4, 14, 9, 13, 9/32, 3, 27, 21, 25, 20, 13, 17/6, 15, 12, 14, 8, 13, 9;

д) 25, 3, 1, 3, 25, 6, 21/1, 8, 11, 25, 3, 16, 12, 17, 18, 27, 26, 17/14, 8/16, 3, 25, 6, 15, 10/12, 9, 14, 9, 9/15, 11, 15, 16, 15, 6/16, 25, 15, 27, 9, 6, 14, 9, 11, 8/9/16, 25, 9, 26, 16, 15, 26, 8, 7, 12, 9, 6, 8, 18, 27, 26, 17/11/15, 7, 15, 25, 15, 14, 3.

28.3. Относительно использования кавалерии в случае удачного прорыва — 6, 15, 26, 16, 15, 12, 20, 1, 15, 6, 8, 27, 20,

26, 17/7, 12, 8, 5, 15, 16, 25, 9, 17, 27, 14, 21, 13, 9/28, 26, 12, 15, 6, 9, 17, 13, 9/4, 12, 17/26, 8, 13, 21, 30/25, 3, 24, 9, 27, 3, 12, 20, 14, 21, 30/4, 3, 10, 26, 27, 6, 9, 10/11, 8, 6, 8, 12, 3, 25, 9, 9.

29. Военно-стратегические итоги наступательной операции Юго-Западного фронта летом 1916 года:

а) 8, 6, 26, 27, 25, 15 — 6, 3, 14, 5, 3, 25, 26, 11, 8, 17/8, 25, 13, 9, 17/6/5, 8, 12, 9, 31, 9, 9/9/7, 28, 11, 15, 6, 9, 14, 3/16, 15, 27, 3, 25, 16, 3, 12, 8/16, 15, 12, 14, 15, 3/16, 15, 25, 8, 2, 3, 14, 9, 3;

б) 26, 27, 25, 8, 27, 3, 5, 9, 32, 3, 26, 11, 8, 17/9, 14, 9, 31, 9, 8, 27, 9, 6, 8/16, 3, 25, 3, 24, 12, 8/11/8, 14, 27, 8, 14, 27, 3;

в) 9, 27, 8, 12, 9, 17/7, 21, 12, 8/26, 16, 8, 26, 3, 14, 8/15, 27/26, 15, 11, 25, 28, 24, 9, 27, 3, 12, 20, 14, 15, 5, 15/16, 15, 25, 8, 2, 3, 14, 9, 17;

г) 25, 3, 1, 11, 15/28, 12, 28, 32, 24, 9, 12, 15, 26, 20/16, 15, 12, 15, 2, 3, 14, 9, 3/29, 25, 8, 14, 31, 28, 1, 26, 11, 9, 30/6, 15, 10, 26, 11/16, 15, 4/6, 3, 25, 4, 3, 14, 15, 13;

д) 7, 21, 12/16, 15, 12, 15, 2, 3, 14/11, 15, 14, 3, 31/11, 15, 12, 3, 7, 8, 14, 9, 17, 13/25, 28, 13, 21, 14, 9, 9/15, 7, 22, 17, 6, 9, 6, 24, 3, 10/6, 15, 10, 14, 28/8, 6, 26, 27, 25, 15 — 6, 3, 14, 5, 25, 9, 9;

е) 16, 25, 15, 27, 9, 6, 14, 9, 11/16, 15, 14, 3, 26/15, 5, 25, 15, 13, 14, 21, 3/16, 15, 27, 3, 25/9, 27, 8, 11, 2, 3/7, 21, 12, 9/6, 3, 12, 9, 11, 9/9/16, 15, 27, 3, 25, 9/25, 28, 26, 26, 11, 9, 30.

30. Несимпатизировавший России крупный английский историк, который писал, что Россия «пожертвовала собой ради своих союзников, и несправедливо забывать, что союзники являются за это неоплаченными должниками России» — 12/5, 8, 25, 27.

31. Причины незавершенности брусилковского наступления:

а) 15, 7, 23, 3, 3/16, 12, 15, 30, 15, 3/26, 14, 8, 7, 2, 3, 14, 9, 3/25, 28, 26, 26, 11, 15, 10/8, 25, 13, 9, 9/15, 26, 15, 7, 3, 14, 14, 15/7, 15, 3, 16, 25, 9, 16, 8, 26, 8, 13, 9;

б) 26, 27, 8, 6, 11, 8/14, 3/15, 7, 3, 26, 16, 3, 32, 9, 12, 8/4, 15, 12, 2, 14, 15, 5,

15/6, 1, 8, 9, 13, 15, 4, 3, 10, 26, 27, 6, 9, 17/9/6, 1, 8, 9, 13, 15, 16, 15, 13, 15, 23, 9/13, 3, 2, 4, 28/29, 25, 15, 14, 27, 8, 13, 9/1, 26, 6, 15, 3, 6, 25, 3, 13, 3, 14, 14, 15/14, 3/14, 8, 16, 25, 8, 6, 9, 12, 8/25, 3, 1, 3, 25, 6, 21/4, 12, 17/5, 12, 28, 7, 15, 11, 15, 5, 15/25, 8, 1, 6, 9, 27, 9, 17/16, 25, 15, 25, 21, 6, 8;

в) 26, 15, 18, 1, 14, 21, 3/8, 14, 5, 12, 15 — 29, 25, 8, 14, 31, 28, 1, 26, 11, 9, 3/6, 15, 10, 26, 11, 8/6, 14, 15, 6, 20/14, 8, 25, 28, 24, 9, 12, 9/26, 6, 15, 9/15, 7, 17, 1, 8, 27, 3, 12, 20, 26, 27, 6, 8/9/14, 8, 32, 8, 12, 9/15, 16, 3, 25, 8, 31, 9, 18/14, 8/26, 15, 13, 13, 3/12, 9, 24, 20/6/11, 15, 14, 31, 3/9, 18, 12, 17/1916 г.;

г) 16, 12, 15, 30, 8, 17/25, 8, 1, 6, 3, 4, 11, 8/;

д) 14, 3, 4, 15, 26, 27, 8, 27, 15, 32, 14, 8, 17/26, 6, 17, 1, 20/16, 3, 30, 15, 27, 21/26/8, 25, 27, 9, 12, 12, 3, 25, 9, 3, 10.

32. Главнокомандующий союзными силами, знаменитый маршал Франции, который использовал брусилковский опыт в операциях лета и осени 1918 года, сокрушивших германскую армию — 29/29, 15, 24.

33. Руководивший вооруженными силами Германии до августа 1916 года известный немецкий генерал, который отметил, что мощное и успешное наступление русских поразило австро-германских стратегов «как гром среди ясного неба» — 19/29, 8, 12, 20, 11, 3, 14, 5, 8, 10, 14.

34. Английский ученый, подчеркивавший, что брусилковское наступление — это «единственно успешная операция Первой мировой войны, названная в честь генерала» — 8/27, 3, 10, 12, 15, 25.

35. В зашифрованном тексте содержится оценка значения А.А. Брусилова как полководца, данная Маршалом Советского Союза К.С. Москаленко.

**Автор криптограммы
полковник в отставке
А.С. ЖДАНОВСКИЙ**

Уважаемые читатели!

Победитель этого конкурса получит приз — книги: *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака: В 2 кн. М.: Айрис-пресс, Лагуна-Арт, 2005. Кн. 1. 576 с. + вклейка 8 с. Кн. 2. 496 с. + вклейка 8 с. (см. 3-ю страницу обложки журнала).

Просим указывать фамилию, имя, отчество, профессию, возраст, адрес (для школьников, студентов и курсантов дополнительно — адрес учебного заведения и фамилию, имя, отчество его руководителя).

Сведения о победителях и ответы будут опубликованы: на криптограммы «Маршал Советского Союза Л.А. Говоров» (Воен.-истор. журнал. 2005. № 11) — в № 4 (апрель); «Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский» (№ 12) — в № 5 (май); на викторину «К 100-летию создания подводных сил России» (№ 1) 2006 года — в № 6 (июнь); на криптограммы «К 90-летию Брусилковского прорыва» (№ 2) — в № 7 (июль), «Адмирал П.С. Нахимов» (№ 3) — в № 8 (август).

Ответы на криптограмму «Главная огневая сила советских Сухопутных войск в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (Воен.-истор. журнал. 2005. № 10). Ключевые слова:

1. а) массирование огня на главных направлениях; б) тесное взаимодействие с пехотой, танками, авиацией; 2. а) батальонов; б) полков; в) дивизий; г) корпусов; д) составляла резерв ВГК; 3. а) артиллерийские дивизии; б) артиллерийские кор-

пуса прорыва; 4. а) противотанковая; б) реактивная; в) самоходная; 5. И.А. Флеров; 6. гаубица — пушка; 7. шесть тысяч метров; 8. контрбатареинная борьба; 9. артиллерийское наступление; 10. а) артиллерийскую подготовку; б) поддержку атаки; в) артиллерийское сопровождение боя пехоты и танков в глубине обороны противника; 11. последовательное сосредоточение огня; 12. В.Н. Рукоусев; 13. а) Белорусская; б) Висло-Одерская; в) Берлинская; 14. а) Н.Н. Воронов; б) М.И. Неделин; В.И. Казаков; К.П. Казаков; Н.С. Фомин; М.И. Барсуков; Н.М. Хлебников; А.К. Сокольский; 15. В.С. Петров; 16. В.Г. Грабин; И.И. Иванов; Ф.Ф. Петров; Б.И. Шавырин; 17. а) Д.Ф. Устинов; б) Б.Л. Ванников; в) П.И. Паршин; 18. Н.Н. Воронов. **Текст:** Советская артиллерия внесла достойный вклад в достижение Великой Победы. Она стала решающим средством, обеспечивающим огневое поражение противника в наступлении и обороне, доказала свое полное превосходство над артиллерией противника по боевым возможностям и искусству боевого применения.

Победителем этого конкурса стала Ларченко С.П. (г. Абакан).

Она получает приз — книги: *Касатонов И.В.* Командую флотом: С.Г. Горшков и его адмиралы на Черном море в период «холодной войны»: В 2 кн. М.: Андреевский флаг, 2004. Кн. 1. 650 с., ил. Кн. 2. 304 с., ил.

НЕ ЗАБЫТЬ И НЕ ПОТЕРЯТЬ НИКОГО

Титул книги

ВКАНУН 60-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне в Калининградской области вышел в свет 18-й том Книги Памяти «Назовем поименно»*, в котором увековечены имена еще 8958 бойцов и командиров Советской армии, павших в Восточно-Прусской стратегической наступательной операции на 1/3 части территории бывшей Восточной Пруссии. Всего в восемнадцать томах этой серии книг в настоящее время установлены имена 145 928 погибших, пропавших без вести и уничтоженных в концлагерях на территории нынешней Калининградской области. Издание уникально по содержанию и своему значению. Книга Памяти Калининградской области — это не только дань памяти погибшим воинам, но и ответ живым: помни и зрелый, и вступающий в жизнь человек, какой ценой были добыты величие, свобода и независимость нашей Родины.

Работа по подготовке и изданию Книги Памяти берет свое начало с выходом в свет Постановления ЦК КПСС от 17 января 1989 года «О подготовке и издании Всесоюзной Книги Памяти». Документ был принят по многочисленным предложениям и просьбам государственных учреждений, общественных организаций и отдельных граждан. Указ Президента СССР от 8 февраля 1991 года

подтвердил издание этой книги. Возникла необходимость выхода в свет таких книг по регионам России. Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 марта 1991 года «Об увековечении памяти погибших при выполнении конституционных обязанностей по защите Отечества» узаконило это начинание. Законом Российской Федерации от 14 января 1993 года были внесены дополнения в статус книги, которые регламентировали устанавливать не только имена воинов, павших в боях, но и военнослужащих Советской армии, умерших в плену, но не утративших чести и достоинства гражданина России. В большинстве регионов РФ и по сей день эта работа продолжается и завершится тогда, когда будет увековечена память каждого погибшего или умершего от ран воина. Не зря девизом книги выбраны слова нашего соотечественника и великого российского полководца А.В. Суворова: «Война заканчивается тогда, когда погребены останки последнего солдата».

Издание областной Книги Памяти «Назовем поименно» активно стало вестись после принятия исполкомом Калининградского областного Совета народных депутатов решения от 3 августа 1990 года «О подготовке и издании областной Книги Памяти». Были созданы редакционная коллегия и рабочая группа, состоящая из четырех человек, которую возглавил историк и краевед, член Союза журналистов СССР подполковник в отставке А.Н. Беспалов. Он бессменно руководил коллективом рабочей группы до ухода из жизни в 2003 году. При его непосредственном участии были выпущены 16 томов книги и подготовлен 17-й. Сейчас рабочую группу возглавляет военный историк, член Союза журналистов России капитан 1 ранга запаса С.А. Гуров.

Калининградский мартиролог был разослан по всем регионам РФ и получил высокую оценку как руководителей редколлегии и рабочих групп, так и руководителей регионов. Книга Памяти Калининградской области приобрела федеральный статус. Она хранится в музеях, библиотеках, архивах и церквях области, давая возможность широкому кругу соотечественников узнать о судьбе защитников Отечества, отдать им долг памяти. Благодаря этой книге возвращались из небытия имена тех, кто все послевоенные годы считался пропавшим без вести. В изданных

Авторский коллектив
Книги Памяти

томах книги увековечены также 6087 моряков Краснознаменного Балтийского флота (КБФ), 589 летчиков ВВС КБФ, 234 разведчика 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, 62 пограничника. Том 13 книги полностью посвящен военнослужащим Советской армии, погибшим и умершим в немецком плену в 56 концентрационных и трудовых лагерях, дислоцированных на территории нынешней Калининградской области (21 располагается на территории бывшего Кёнигсберга). По материалам архивных поисков данный том книги издан в России впервые. В нем названы имена 7193 красноармейцев и командиров, а всего военнопленных нашей армии увековечено в издании 8190 человек.

Убедительно и объективно в томах книги показана диалектическая взаимосвязь патриотизма и интернационализма. В 13-м и 14-м томах Книги Памяти увековечены 153 иностранных подданных. Это 105 летчиков Королевских ВВС Великобритании, участвовавших в операции «Кёнигсберг» и погибших в небе над городом в августе 1944 года. Среди них были 72 англичанина, 22 австралийца, 10 канадцев и один новозеландец. 48 итальянских патриотов-антифашистов, погибших в концлагере Шталаг-1А (Кляйн-Дексен), ныне п. Фурманово Багратионовского района, увековечены в томе 13.

Издание ценно еще и тем, что в нем наряду с перечнем фамилий погибших воинов опубликованы документальные и литературные материалы, фотографии и иллюстрации. Они усиливают тот огромный познавательный и эмоциональный потенциал, которым обладает книга. Как по своему содержанию, так и по художественному оформлению Книга Памяти Калининградской области — это специализированное документальное произведение, являющееся

достойным вкладом администрации Калининградской области в дело подготовки празднования 60-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

Уникальность книги состоит в том, что в 18-м томе дается хронология боевых действий частей и соединений нашей армии в ходе боев в Восточной Пруссии. За 13 лет деятельности в рабочей группе ведущий архивист Вероника Степановна Шишкина по карточкам погибших воинов проследила боевой путь войск 3-го Белорусского фронта и составила хронологию. После проверки данного материала в Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ) и Центральном военно-морском архиве (ЦВМА) эти данные были почти полностью подтверждены.

Поисковая документальная работа продолжается. В портфеле редколлегии и накопители рабочей группы есть архивные материалы и документы еще на три тома Книги Памяти, которые предполагается издать в 2006—2008 гг.

Том 19 будет посвящен 60-летию образования Калининградской области. В него войдут 7435 имен тех, кто пропал без вести в годы Великой Отечественной войны или принял мученическую смерть в немецких концлагерях на территории нынешней Калининградской области. В том 20 войдут материалы, посвященные воинам, погибшим на территории Польши, прилегающей к Калининградской области, а также документы, находящиеся в накопителе рабочей группы. В томе 21 планируется обобщить и увековечить всех моряков КБФ, погибших в этих местах.

Капитан 1 ранга запаса
Б.М. АМУСИН

* Назовем поименно. Т. 18, обобщающий (Сведения о погибших на фронтах Великой Отечественной войны) / Сост. С.А. Гуров, Л.Г. Селенева, В.С. Шишкина и др. Калининград: ОАО «Янтарный сказ» (Память), 2005. 484 с.

ЧЕРНОГОРЕЦ А.С.БАКИЧ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ

Обложка книги

ПЕРЕМЕНЫ последних десятилетий, происшедшие в России, требуют тщательного изучения и осмысления накопленного исторического опыта. Прежде всего это относится к периоду Гражданской войны 1917—1922 гг., исследование которого сохраняет свою актуальность и в XXI веке.

История Белого движения в рамках данной темы до сих пор малоизучена. Отрадно, что по этой проблематике в наши дни появляются серьезные научные труды. К числу таких работ следует отнести монографию А.В. Ганина*, являющуюся первым в историографии исследованием жизни и деятельности одного из крупнейших военачальников белого Восточного фронта — генерал-лейтенанта Андрея Степановича Бакича (1878—1922) и фактически наиболее достоверной монографической работой о судьбе участников Белого движения на Южном Урале.

Рецензируемый труд посвящен целому комплексу проблем российской истории, анализируемых автором через биографию генерала А.С. Бакича — черногорца по происхождению, вынужденного связать свою жизнь с Россией. Исследование построено по хронологическому принципу и открывается событиями в Сербии и Черногории конца XIX столетия. А.В. Ганин подробно рассматривает дореволюционную службу А.С. Бакича, его участие в Первой мировой войне, в которой он проявил себя как герой и патриот своей новой родины. Вполне логично, что большая часть книги посвящена Гражданской войне, которая и выделила Андрея Степановича из тысяч простых, пусть и героических, офицеров. С именем этого генерала, одного из вождей Белого движения на востоке России, связана судьба всего левого фланга Восточного фронта армии адмирала А.В. Колчака — десятков тысяч добровольцев и казаков, разделив-

ших трагическую участь Оренбургской армии, отступавшей по безводным и безлюдным территориям Степного края и Туркестана в Семиречье и Китай. А.С. Бакич и его соратники были вынуждены покинуть Россию и уйти на территорию Китая, где их мытарства, однако, не закончились.

Генерал А.С. Бакич прошел всю Гражданскую войну, был начальником дивизии и командиром одного из наиболее боеспособных корпусов армии адмирала А.В. Колчака. А.В. Ганин на документальном материале осветил трагизм Белого движения на востоке России, не имевшего, несмотря на существующие стереотипы, в своем руководстве достаточного количества опытных офицеров, прежде всего генштабистов. Мемуаристы отмечали, что А.С. Бакичу для успешного руководства войсками не хватало именно академического образования. Наблюдения и выводы автора монографии представляются достаточно важными для понимания истории Гражданской войны в России и причин поражения белых.

Вопреки широко распространенной в исторических исследованиях практике А.В. Ганин не идеализирует своего героя. Создан цельный образ генерала А.С. Бакича со всеми присущими ему противоречиями, достоинствами и недостатками. Автор не навязывает читателю свою точку зрения, она формируется при помощи исчерпывающих фактов, снабженных ссылками на многочисленные архивные источники. Вполне возможно, что кому-то из читателей генерал Бакич покажется отрицательным героем — это тоже следует признать достижением автора.

Даже при беглом просмотре труда обращает на себя внимание обширность его источниковой базы. Практически впервые вводятся в научный оборот документы 32 фондов шести архивов. Особенностью стиля автора является широкое цитирование обнаруженных им документов, позволяющее читателю самостоятельно окунуться в атмосферу рассматриваемых событий и не допускающее искажений источников.

Особо отметим, что рецензируемая книга существенно превосходит рамки просто исторической биографии. Это более серьезное и глубокое исследование, затрагивающее широкий спектр как собственно военных, так и социальных проблем истории России первой четверти XX века.

В конце работы приведены тщательно подготовленные и откомментированные приложения, в которых помещены ранее неизвестные даже специалистам документы, материалы (например, брошюра И. Еловского «Голый поход Оренбургской армии», сохранившаяся в России в единственном экземпляре), хроника жизни А.С. Бакича и именной указатель, существенно облегчающий поиск нужных данных.

Новая книга о генерале А.С. Бакиче — результат многолетнего кропотливого труда ученого, осмысления сильных и слабых сторон истории Белого движения. Думається, эта работа надолго сохранит свою научную значимость.

*Полковник в отставке
А.Г. КАВТАРАДЗЕ*

* Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М.: Русский путь, 2004. 240 с., ил.

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

КНИГА О РАЗВЕДКЕ КОМИНТЕРНА

В ЦЕНТРАЛЬНОМ доме литераторов состоялась презентация книги «Красная паутина: Тайны разведки Коминтерна. 1919—1943», авторами которой являются президент международной контртеррористической тренинговой ассоциации, член Союза писателей России И.Б. Линдер и заместитель начальника отдела Аппарата уполномоченного по правам человека в Российской Федерации С.А. Чуркин.

Презентация была проведена при участии Московской городской организации Союза писателей России, клуба писателей ЦДЛ, издательского дома «Рипол-классик» и Международной контртеррористической тренинговой ассоциации. Вед ее руководитель пресс-бюро Службы внешней разведки России Б.Н. Лабузов. Он отметил, что ценность книги заключается в том, что она дает полное представление о разведке Коминтерна. В свою очередь авторы книги подчеркили, что их целью было не навязать читателю собственное субъективное мнение, давая какие-либо политические оценки, а предоставить им реальные исторические факты и документы и рассказать о неизвестных ранее, но достойных памяти людях. Выступили и авторы предисловия: бывший начальник Первого главного управления КГБ СССР генерал-лейтенант Л.В. Шебаршин, директор Российского государственного архива социально-политической истории К.М. Андерсон, генеральный директор издательского дома «Рипол-классик» С.М. Макаренков, ветеран внешней разведки К.К. Квашнин и другие. Украсил презентацию своим присутствием известный поэт В. Вишневский, так определивший суть работы авторов: «здоровое непафосное ощущение миссии».

Коммунистический интернационал, о котором в книге идет речь, — международная организация, первоначально объединяющая 35 партий и групп из 21 страны мира. Просуществовал он относительно недолго — с 1919 по 1943 год. Однако его история — это история самых ярких и насыщенных десятилетий эпохи. Публично провозгласив свою главную цель — объединение рабочих всех стран в борьбе за свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата, Коминтерн едва ли не с первых дней своего существования вел тайную войну с правительствами и армиями большинства государств. Свидетельствующие об этой войне документы были долгое время закрыты для изучения. Фундаментальный труд И.Б. Линдера и С.А. Чуркина впервые приподнимает завесу секретности, хотя и не снимает ее окончательно, так как отдельные наработки Коминтерна весьма эффективно действуют до сих пор. Новейшие исследования позволяют по-новому оценить многие факты и события XX века. Книга, несомненно, представляет интерес для исследователей, историков, сотрудников спецслужб, силовых и правоохранительных органов, курсантов специальных учебных заведений и для всех тех, кто интересуется историей Отечества.

По вопросам ее приобретения обращайтесь в издательство «Рипол-классик»: Москва, ул. Большая Андреевская, 23. Тел.: (495) 670-90-97, 670-86-10. E-mail: info@ripol.ru.

Ю.А. ГЛУШКОВА

НОВАЯ КНИГА О ФЛОТЕ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ библиотека пополнилась новым изданием*, в котором впервые на основе ранее засекреченных архивных материалов показано возрождение и развитие нашего Военно-морского флота, разрушенного Русско-японской (1904—1905) и Первой мировой (1914—1918) войнами, революциями 1917 года и Гражданской войной 1918—1922 гг. Большое внимание в труде уделено анализу состояния, строительству и материальному обеспечению ВМФ СССР перед Великой Отечественной войной 1941—1945 гг. и в ходе ее сражений. Немало страниц посвящено таким важным для моряков проблемам, как вопросы кораблестроения и ремонта, производство артиллерийского вооружения и арт-боеприпасов, радиотехнических и гидроакустических средств. Специальные разделы несут весьма полную информацию о предвоенном и послевоенном развитии морской авиации и ПВО флотов, их оперативной и боевой подготовке, о проблемах стратегического руководства Военно-морским флотом, развитии военно-теоретической мысли.

Заинтересованный читатель найдет в книге также информацию об организации тыла ВМФ, о деятельности военно-морских баз, взаимодействии тылов флота и Красной армии, аспектах мобилизационной работы. Книга, несомненно, будет полезна не только историкам, но и широкому кругу читателей.

* Золотарев В.А., Шаполин В.С. Как создавалась военно-морская мощь Советского Союза: В 2 кн. Кн. 1. М.: Издательство АСТ; СПб.: Издательство «Политгон», 2004. 479 с. (Военно-историческая библиотека).

Е.С. ДЕДОВА,
студентка Московского
гуманитарно-экономического института

Сведения об авторах номера

АВДЕЕВ Валерий Александрович — ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, кандидат исторических наук (Москва)

АМУСИН Борис Михайлович — профессор кафедры тактики ВМФ и военной истории Балтийского военно-морского института имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, капитан 1 ранга запаса, доктор военных наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (г. Калининград)

БОБРИКОВ Анатолий Алексеевич — ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра Ракетных войск и артиллерии ВС РФ, полковник в отставке, доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург)

БОБРОВ Михаил Александрович — докторант Военно-воздушной академии имени Ю.А. Гагарина, полковник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (п. Момино Московской обл.)

БОРОДУЛИН Михаил Лазаревич — полковник в отставке (Москва)

БУДКО Анатолий Андреевич — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

БУДКО Диана Анатольевна — старший хранитель фондов 1-го научно-исследовательского отдела Военно-медицинского музея МО РФ (Санкт-Петербург)

ВЕРЕМЕНКО Валентина Александровна — доцент кафедры истории Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

ГЛУШКОВА Юлия Александровна — научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ГУРКУДОВ Анатолий Андреевич — референт Фонда содействия кадетским корпусам им. А.Иордана, кандидат исторических наук, полковник в отставке (Москва)

ЖДАНОВСКИЙ Александр Сергеевич — историк, полковник в отставке (Москва)

ИВАНОВА Любовь Дмитриевна — старший научный сотрудник Военно-медицинского музея МО РФ, кандидат технических наук (Санкт-Петербург)

КАВТАРАДЗЕ Александр Георгиевич — старший научный сотрудник Научно-методического центра отечественной военной стратегии Военной академии Генерального штаба, полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

КАЛИСТРАТОВ Александр Иванович — профессор кафедры оперативного искусства Общевойсковой академии ВС РФ, полковник запаса, кандидат военных наук, доцент (Москва)

КАПИСТКА Владимир Васильевич — старший преподаватель Военной академии МО РФ, полковник, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

КИКНАДЗЕ Владимир Георгиевич — старший редактор редакции «Военно-исторического журнала», капитан 3 ранга, кандидат военных наук (Москва)

КИСЕЛЕВ Олег Николаевич — аспирант Государственного университета гуманитарных наук (Москва)

КЛИМОВСКИЙ Сергей Данилович — ученый секретарь Центрального военно-морского музея (Санкт-Петербург)

КОРОВИН Владимир Михайлович — заместитель начальника Военного института радиоэлектроники по учебной и научной работе, полковник, доктор педагогических наук, профессор (г. Воронеж)

КОРЧАГИН Евгений Николаевич — заместитель директора музея «Исаакиевский собор», капитан 1 ранга в отставке, кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург)

ЛИТВИНЕНКО Евгений Яковлевич — начальник Тихоокеанского военно-морского института имени С.О. Макарова, вице-адмирал, кандидат технических наук, доцент (г. Владивосток)

НИКИФОРОВ Юрий Александрович — старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ОСЬКИН Максим Викторович — учитель истории и права, кандидат исторических наук (г. Тула)

СВИРИДОВ Владимир Александрович — начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного института радиоэлектроники, полковник, кандидат педагогических наук, доцент (г. Воронеж)

СИДОРЕНКОВ Виктор Васильевич — начальник специальной кафедры Тихоокеанского военно-морского института имени С.О. Макарова, капитан 1 ранга, кандидат военных наук, профессор (г. Владивосток)

СТЕПЧЕНКОВ Леонид Леонидович — главный редактор журнала «Коллекция» (г. Смоленск)

ТАШЛЫКОВ Сергей Леонидович — доцент кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба, капитан 1 ранга, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

ХВОРОСТЬЯНОВ Юрий Александрович — генерал-лейтенант в отставке (Москва)

ХЮПЕНЕН Анатолий Иванович — председатель Объединенного совета ветеранов Войск ПВО, генерал-полковник в отставке, доктор военных наук, профессор (Москва)

ЧИГАРЕВА Наталья Григорьевна — старший научный сотрудник Военно-медицинского музея МО РФ, доктор биологических наук, старший научный сотрудник (Санкт-Петербург)

ЯМПОЛЬСКИЙ Владимир Павлович — руководитель авторско-составительского коллектива многоотомного сборника документов «Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне», полковник в отставке, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник (Москва)

На 1 стр. обл. фото из кн.: Армия Российская. М: Агентство «Военинформ» МО РФ, 2004. 319 с., ил.

Материалы номера рецензировали: кандидат исторических наук, профессор В.Н. Агафонов (Московский гуманитарно-экономический институт); кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ генерал-майор в отставке А.Д. Борщов (Военная академия Генерального штаба ВС РФ); кандидат военных наук, старший научный сотрудник полковник запаса А.А. Колтыков (Институт военной истории МО РФ); кандидат военных наук генерал-полковник в отставке Г.Ф. Кривошеев (Военно-мемориальный центр ВС РФ); кандидат исторических наук, доцент генерал-майор И.П. Макар (Военная академия Генерального штаба ВС РФ); кандидат исторических наук генерал-лейтенант в отставке Е.И. Малащенко; кандидат педагогических наук адмирал В.В. Масорин (Главное командование ВМФ); доктор военных наук генерал-полковник А.А. Ноговицын (Главное командование ВВС); доктор исторических наук, профессор О.А. Ржевский (Институт всеобщей истории РАН); кандидат военных наук генерал-полковник А.С. Рукшин (Главное оперативное управление Генерального штаба ВС РФ); капитан 2 ранга А.В. Смирнов (Центральный военно-морской музей); полковник В.И. Терещенко (Военно-научный комитет Сухопутных войск); доктор исторических наук, профессор полковник в отставке М.И. Фролов (Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина); генерал-лейтенант в отставке Ю.А. Хворостьянов; А.А. Чурилин (Историко-документальный департамент МИД РФ); капитан 1 ранга А.П. Шумский (Главное командование ВМФ).

В соответствии с требованиями налоговой инспекции и финансовых органов "Военно-исторический журнал" может публиковать и оплачивать лишь те материалы и документы, в которых имеется обратный почтовый адрес автора, номера телефонов, полностью указаны его должность, фамилия, имя и отчество, серия и номер паспорта (для военнослужащих — номера паспорта и удостоверения личности), число, месяц и год рождения, а также в обязательном порядке должен быть указан ИНН (идентификационный номер налогоплательщика) и номер страхового свидетельства Государственного пенсионного страхования.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи объемом не более одного авторского листа, отпечатанные на пишущей машинке или изготовленные на ПЭВМ в двух экземплярах (на дискете — с одной распечаткой, набранной в Word 95, 97) через два интервала с постраничными, последовательно пронумерованными ссылками на использованные источники. Рукописи, не заказанные редакцией, не рецензируются и не возвращаются. За справками о присланных в редакцию материалах обращайтесь по тел.: (495) 157-84-50, 157-87-19. Ответственность за достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За содержание рекламы отвечает рекламодатель. В соответствии с Законом РФ "О средствах массовой информации" редакция имеет право не вступать в переписку с авторами. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения автора. За качество полиграфического исполнения журнала и его распространение отвечает Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ. В случае затруднений в оформлении подписки и обнаружения брака сообщите по адресу: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, 38а, Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ.

При перепечатке материалов ссылка на "Военно-исторический журнал" обязательна.

Компьютерная верстка —
В.А. ГОРОХОВСКИЙ

Электронная версия «Военно-исторического журнала» на главной странице сайта
Министерства обороны РФ
www.mil.ru

Адрес редакции для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38а, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (495) 157-84-50(факс), 157-87-19.

Сдано в набор 26.01.2006
Подписано к печати 07.03.2006
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Усл.печ.л. 9,3+0,93 обл. и вкл.
Уч.-изд.л. 14+1 обл. и вкл.
Усл.-кр.-отт. 9,3+3,72 обл. и вкл.

Тираж 5150 экз. Зак. 482

Регистрац. № 01978 от 30.12.1992.

Допечатная подготовка выполнена
в Редакционно-издательском центре
Министерства обороны РФ

Отпечатано в ООО
«Красногорская типография».

© «Военно-исторический журнал», 2006.

• **Военно-мемориальная работа**

▲ Центральная часть диорамы «Бой за Ржев 24 сентября 1942 г.»

Ржевский краеведческий музей

Художники И.С. ИНЮХИН, С.В. МЫСЛИН, О.В. ХОМУТОВ, Т.П. ЕЛИСЕЕВА, Е.Н. ЕЛИСЕЕВ

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. в экспозициях Тверского государственного объединенного музея

МОЛОХ войны пронесся и по территории Калининской (ныне Тверской) области. Сотни тысяч калининцев воевали против фашизма на фронтах Великой Отечественной, сражались в партизанских отрядах, работали дни и ночи на заводах, фабриках, полях и фермах. Фронт и тыл были вместе в борьбе против общего врага. Память о том суровом времени хранят сегодня экспозиции Тверского государственного объединенного музея (ТГОМ), возглавляет который генерал-полковник Ю.М. Бошняк.

Тверское музейное объединение в настоящее время имеет в своем составе 33 филиала. Экспозиции девяти краеведческих (Тверской, Бельский, Zubцовский, Старицкий, Ворошиловский, Конаковский, Осташковский, Калязинский, Ржевский) и двух тематических (партизанской славы и Калининского фронта) музеев рассказывают о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Структура военных экспозиций музейного объединения позволяет учесть как интересы жителей отдельных регионов, которым близка своя, местная история, так и акцентировать внимание жителей области и гостей Тверского края на военных событиях, имеющих значение в истории всей страны.

Фрагмент экспозиции Тверского краеведческого музея

Музей партизанской славы в селе Позня

Фрагмент экспозиции Калязинского краеведческого музея

Иллюстрации из кн.: Герасимова С.А. Огненные годы. Буклет. Тверь: Изд. «Лилия принт», 2005. 20 с., ил.; Герасимова С.А. Диорама «Бой за Ржев 21 сентября 1942 г.». Буклет. Ржев: ООО «РИА «СВЕТ»», 2005; Герасимова С.А., Володина Л.Н., Титова Л.А. Музей Калининского фронта. Буклет. Тверь: Изд. «Лилия принт», 2005. 12 с., ил.

Открытие музея Калининского фронта 8 мая 2002 г.

«Я ОТКРЫВАЮ ДВЕРЬ, ВХОЖУ И ...СЛОВНО В ПРОШЛОЕ ГЛЯЖУ»

МИНОНОСЕЦ ... НЕВИДИМЫЙ С ПРОТИВНИКОМ»

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ военно-морской музей (ЦВММ) в Санкт-Петербурге — один из старейших музеев России и крупнейших морских музеев мира. В январе 2009 года ему исполнится 300 лет. С 1939 года ЦВММ размещается в здании Биржи, построенном в начале XIX века по проекту архитектора Ж.-Ф. Тома-де-Томона. В послевоенный период была создана сеть филиалов музея. Сейчас таких филиалов четыре: крейсер «Аврора», «Дорога жизни», «Кронштадтская крепость» и Мемориальный комплекс «Подводная лодка Д-2 «Народоволец»».

В музее собрано значительное количество ценных предметов, отражающих важнейшие события в истории флота. Фонды ЦВММ, продолжающие активно пополняться, содержат более 700 тыс. единиц хранения. В десяти залах основной экспозиции — зримая история отечественного флота, большое внимание в которой уделено подводным силам.

История подводного флота России восходит к периоду царствования Петра I, когда была предпринята попытка создания первой подводной лодки. Опыт, накопленный в XIX веке, позволил к началу нового столетия построить в Санкт-Петербурге, на Балтийском заводе, первую отечественную боевую подводную лодку «Дельфин».

Соединение первых русских подводных лодок приняло активное участие в Русско-японской войне 1904—1905 гг. Полученный ценный боевой опыт доказал высокую эффективность этого средства ведения войны на море. Появилась необходимость дополнить классификацию корабельного состава новым классом кораблей — подводными лодками (до этого они относились к классу миноносцев). Это событие произошло 19 марта 1906 года (по новому стилю), и уже несколько лет эта дата отмечается в нашей стране как День моряка-подводника.

В экспозиции ЦВММ можно увидеть модели подводных лодок различных типов и назначения, образцы их вооружения, документы, личные вещи и фотографии подводников и их кораблей, произведения изобразительного искусства на тему истории отечественного подводного флота и многое другое. Одной из жемчужин музейного собрания является подлинная подводная лодка 80-х годов XIX века конструкции выдающегося русского инженера и изобретателя С.К. Девецкого.

История подводного флота страны представлена и на открывающейся в середине марта 2006 года в выставочном комплексе ЦВММ экспозиции из музейных фондов. Она посвящена замечательному юбилею — 100-летию подводных сил России.

▲ Здание Центрального военно-морского музея Санкт-Петербург, 2005 г.

▲ Казенная часть торпедного аппарата подводной лодки «Пантера». В августе 1919 года торпеды, выпущенной из этого аппарата, был потоплен в Финском заливе эсминiec «Виттория» британских интервентов

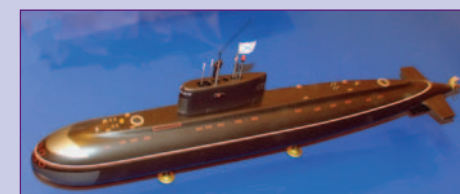

Модель подводной лодки «Минога» — первой в Российском императорском флоте с двигателями Дизеля для надводного хода 1909 г.

Перископ, дверь от ограждения рубки и механизм ручного управления горизонтальными рулями гвардейской подводной лодки Щ-303 Краснознаменного Балтийского флота

Модель дизельной подводной лодки пр. 877 (типа «Варшавянка»). На Западе лодки этого проекта из-за малого уровня шумности прозвали черной дырой

Тяжелый ракетный подводный крейсер стратегического назначения «Дмитрий Донской». Художник М.А. КУЗНЕЦОВ, 1996 г.

Публикацию подготовили С.Д. КЛИМОВСКИЙ, О.Б. КУРНОСОВА Фото И.В. БОРОДУЛИНА

Модель Краснознаменной подводной лодки Щ-307

«Был и есть у России вечной прочности вечный запас»

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИМ музеем артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВ и ВС) совместно с Военно-медицинским музеем, Государственным мемориальным музеем обороны и блокады Ленинграда, Музеем военного костюма и Центральным военно-морским музеем проведена выставка на тему «Сила слабых. Женщины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Наиболее интересные материалы и экспонаты выставки опубликованы в изданном ВИМАИВ и ВС буклете* с одноименным названием.

Выставка и буклет рассказывают о русских женщинах-воинах со времен святой княгини Ольги, возглавившей после смерти мужа — князя Игоря в 945 г. военный поход против древлян. Кратко буклет повествует о княжнах Дарье и Феодоре — участницах Куликовской битвы (1380 г.), об особой Амазонской роте, сформированной во время путешествия Екатерины II в Крым (1787 г.), о донской казачке Татьяне Маркиной, поступившей солдатом в пехотный полк и дослужившейся до капитана, о полном Георгиевском кавалере поручике Марии Бочкаревой, командовавшей первым женским воинским формированием в годы Первой мировой войны и др.

Основная часть выставки и буклета посвящена женщинам — участницам Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С началом войны сотни тысяч девушек и женщин устремились в армию, не желая отставать от мужчин, чувствуя, что способны наравне с ними вынести все тяготы воинской службы, а главное, утверждая за собой право на защиту Отечества. Свыше 800 тыс. женщин воевали почти во всех родах войск, много их было в тыловых частях (средний медицинский персонал — 61 проц., врачи — 41 проц.) в войсках ПВО, в соединениях и частях которых число женщин составляло от 70 до 100 проц., и в войсках связи — 80 проц.

Немалый вклад в приближение Победы внесли женщины, боровшиеся против фашистов в рядах партизан и подпольщиков. Угнанные на работу в Германию, советские женщины также продолжали борьбу с врагом: портили заводское оборудование, приводили в негодность выпускаемое вооружение, боеприпасы и т.д. Трудно переоценить роль женщин, работавших в тылу. Особенно велик их вклад в создание военно-экономического потенциала.

За заслуги в годы Великой Отечественной войны свыше 150 тыс. женщин были награждены боевыми орденами и медалями. Многие из них удостоились наград не единожды. 96 женщин получили звание Героя Советского Союза (6 из них — Героя России), 3 стали Героинями Социалистического Труда, четыре — полными кавалерами ордена Славы, 200 награждены одним или двумя орденами Славы. Правительства Болгарии, Венгрии, Польши, Чехословакии, Югославии, Румынии и других стран наградили свыше 650 советских женщин.

О женщинах-медиках — участницах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., неоднократно проявивших особый героизм и милосердие при спасении человеческой жизни, кавалерах медали имени Флоренс Найтингейл читайте в статье Д.А. Будко «За истинное милосердие и заботу о людях».

Публикацию подготовил
капитан 3 ранга В. Г. КИКНАДЗЕ

* Крылов В.М., Успенская С.В., Ефимов С.В. Сила слабых. Женщины в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Буклет. СПб.: ИПЦ Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна, 2005. 50 с., ил.

Из коллекций
Военно-исторического музея
артиллерии, инженерных
войск и войск связи
(Санкт-Петербург)

Мария Бочкарева

Трудовая карточка
А. Олейник, угнанной
на работу в Германию
1942–1944 гг.

Зимняя
форма
одежды
летчицы

Платье
и косынка узницы
концлагеря
«Равенсбрюк». Принадлежали
медсестре, лейтенанту
медицинской службы
В.П. Самойловой
1943–1945 гг.

На немецкую каторгу
Художник И.А. ВЛАДИМИРОВ

Обложка буклета.
Женщины в обороне
Художник С.М. ЛУПОВ,
вторая половина 1930-х годов

Строительство
оборонительного рубежа
Художник В.Е. ПАМФИЛОВ,
1942 г.

Женская
форма одежды
снайпера-
разведчика
Образец 1943 г.

Женщины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Читайте
в номере

Клятва
Копия картины
художника
И.А. ЛУКОМСКОГО
Художник
Ю.П. РЕБРОВ,
1958 г.

В операционной
медсанбате
Художник
Б.А. НИКИТИН,
1943 г.

Сестрицы
Копия картины художника
М.И. САМСОНОВА
Художник В.А. СКОТНИКОВ, 1968 г.

Женская зимняя
повседневная
форма майора
военно-
медицинской
службы
Образец 1943 г.

Женская
зимняя полевая
форма одежды
майора
саперных частей

Женская
форма одежды
гвардии
лейтенанта
артиллерии ПВО
Образец 1943 г.

Женская
зимняя
повседневная
форма ВМФ
Образец 1944 г.